

МОСКОВСКИЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ ПОЛК

15 МАЯ 1790 года в Москве из 3-го батальона Тенгинского пехотного полка, чины нескольких гарнизонных батальонов и рекрутов Тверской, Ярославской, Костромской и Пермской губерний был сформирован Московский гренадерский полк. С 1831 по 1914 год он квартировал в Твери, то есть фактически уже с 1879-го там находились 1-й и 3-й батальоны полка, а 2-й, 4-й батальоны и штаб полка — в Москве.

Боевое крещение полк получил в боях против польских конфедератов в 1794 году. В составе корпуса русских войск под командованием А.В. Суворова в 1799 году совершил Итальянский поход и переход через Швейцарские Альпы. За взятие французского знамени в сражении на р. Треббии Московский гренадерский полк был награжден Георгиевским знаменем. В русско-турецкой войне 1806 — 1812 гг. полк отличился при штурме крепости Базаарджик 22 мая 1810 года, за что получил Георгиевские серебряные трубы. Полк участвовал в Отечественной войне 1812 года и в Заграничном походе 1813 — 1814 гг. За боевые подвиги в эти годы полку присвоены знаки на головные уборы «За отличие». В 1831 и 1853 — 1854 гг. полк участвовал в подавлении восстаний в Польше. В русско-турецкую войну 1877 — 1878 гг. принимал участие в осаде крепости Плевна и пленении ее 40-тысячного гарнизона. После русско-турецкой войны полк разместили в Москве, а в 1881 году — в Твери, где он занимал так называемые Владимирские казармы; угол Владимирского (ныне Студанческого) переулка и Ново-Торжеской улицы. Штаб полка помещался на Восмиугольной площади (ныне пл. Ленина) в здании современного ТЮЗа, с этого момента и до начала войны в 1914 году подразделения полка постоянно привлекались к содействию в пресечении «беспорядков» во время забастовок и демонстраций рабочих в Твери, Вышнем Волочке, а в период с октября по декабрь 1905 года — и в Москве. В Первой мировой войне 1914 — 1918 гг. Московский гренадерский полк участвовал в составе Гренадерского корпуса, входившего в 4-ю, затем во 2-ю армию Западного фронта, а весной 1918 года был расформирован.

Публикации подполковника И.В. ПЕДУСОВА

А Атака Московского гренадерского полка. Брайлонт картина «Сражение под Прейскау-Эйдеу» 27 января (8 февраля) 1805 г. Художник А. Аверинков, 2007 г.

Б Эскиз к диораме «Альпийский поход А.В. Суворова» 1811 г. Художник П. Малицкий

Медаль «В память 130-летия русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг.»

В ХОДЕ русско-турецкой войны 1877-1878 гг. русские войска успешно форсировали Дунай, захватили Шиплинский перевал и принудили в конечном итоге лучшую турецкую армию Осман-пашы к капитуляции в Плевне. Итогом военной кампании стал разгром последних турецких частей, заслонивших дорогу на Константинополь, после чего военные действия на Балканах были завершены.

В 1878 году на Берлинском конгрессе был подписан Берлинский трактат, который фиксировал освобождение и восстановление государственности Болгарии, увеличение территории Сербии, Румынии и Черногории, оккупацию Австро-Венгерской Боснией и Герцеговины. К России были присоединены территории Карса, Вегуши и Ардагана, а также была отмена утраченных в ходе Крымской войны южная часть Бессарабии.

В память о героизме и самоотверженности российских военных, освобождавших братские народы от безжалостного Османского ига, РОО «Академия русской символики» «МАРС» предлагает юбилейную медаль «В память 130-летия русско-турецкой войны 1877-1878 гг.».

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи Почты России.

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков по каталогу «Газеты, Журналы, Книги, Учебные пособия» агентства «Роспечать» — 70137.

Индекс журнала для российских подписчиков по каталогу российской прессы «Почта России» — 12754. Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел. редакции для справок: (495) 693-57-45; 8-906-751-06-97 E-mail: MI_Hist_magazine@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» за 2004-2007 гг. — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмоскья могут приобретать отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 693-58-68.

Ежемесячное издание Министерства обороны Российской Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЮНЬ № 6 2009

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Боевой состав Красной армии и Военно-морского флота СССР на 22 июня 1941 года

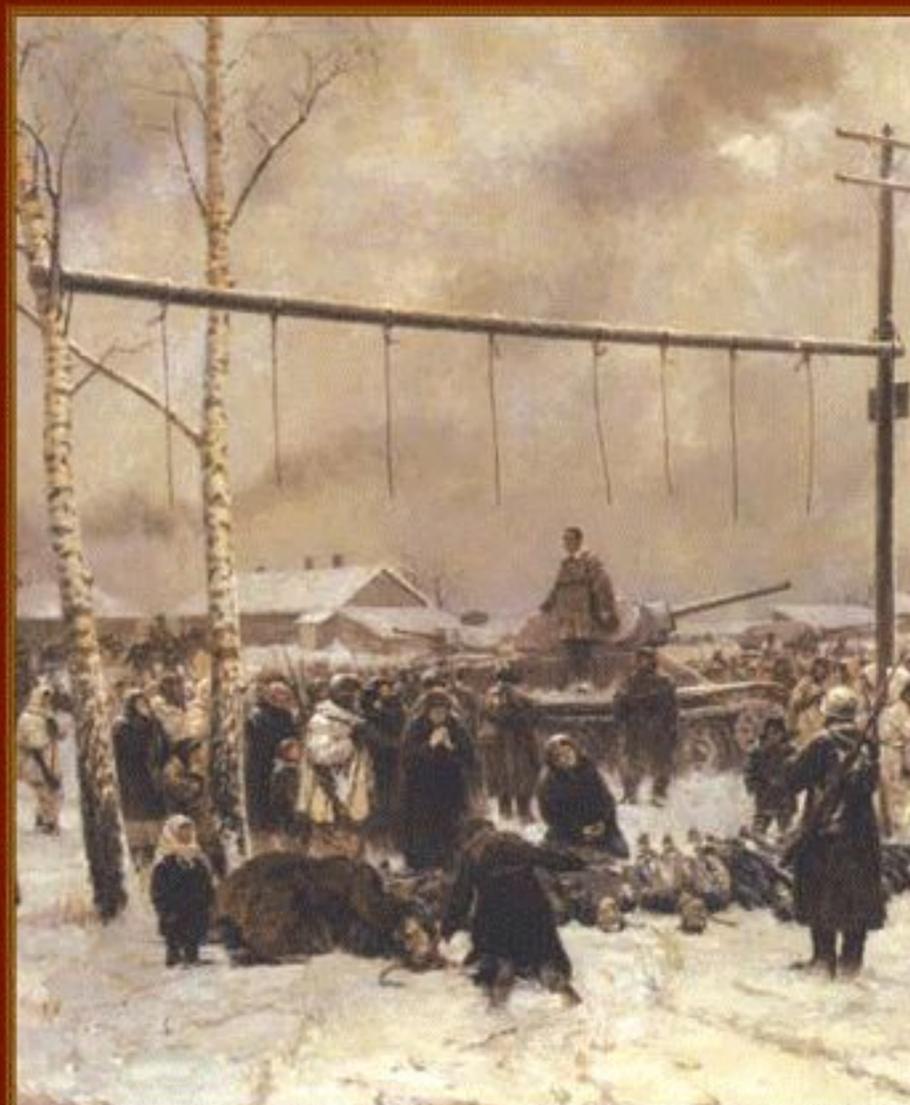
Деятельность императора Александра I по формированию и укреплению экспедиционных войск

Минский орешек для германского зуба

Фальшивые мемуары

Тайна смерти Вильгельма Кубе

Взаимодействие военных разведок стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны

Не забудем, не простим. Художник П.А. Климонков, 1942 г. Центральный музей Вооруженных сил, Москва

22 июня – День памяти и скорби. Начало Великой Отечественной войны

Военно-исторический журнал 2009 № 6 июнь

ISSN 0321-0626

Основан
в августе 1939 года

УЧРЕДИТЕЛЬ

Министерство
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЮНЬ

№ 6 (590)
2009

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

ЧАЧУХ

Игорь Мадинович,
полковник

Заместитель главного редактора

АВЕРЧЕНКО

Сергей Викторович,
подполковник,
кандидат исторических наук

Научные редакторы

Е.В. ДОБЫЧИНА,

кандидат исторических наук;

В.Т. ИМИНОВ,

генерал-лейтенант

в отставке,

кандидат исторических наук, профессор;

Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ,

полковник запаса,

кандидат философских наук, старший научный

сотрудник;

В.Г. ОПЛОКОВ,

капитан 1 ранга в отставке;

А.В. ОСТРОВСКИЙ;

Р.И. ПАРФЕНОВ,

старший лейтенант;

Секретариат

В.И. ВЕДЕРНИКОВ

(ответственный секретарь

редакции)

М.В. ЗАБРОДИНА

(заместитель ответственного

секретаря редакции);

Е.В. КРИГЕР;

Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;

О.К. ГРАЧЕВА,

заслуженный работник

культуры РФ;

А.М. ПЕТРОВ,

полковник запаса

Художественные редакторы

Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВА;

И.В. НЕДОСТОЕВА

Заведующая редакцией

М.П. МОИСЕЕВА

Перевод

В.Д. НЕСТЕРКИН

Компьютерная вёрстка

О.В. ТАРАСОВ,

лейтенант;

А.В. СОЛОМАХИН,

лейтенант

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. БАШЛАКОВ — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-лейтенант, кандидат технических наук (Москва)

В.С. ВЫСОЦКИЙ — главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.Б. КАМЕНИЧЕНКО — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛЬТЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. КОНОТОП — первый заместитель председателя Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ, полковник (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель начальника Генерального штаба – председатель Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — главный научный сотрудник Научного центра по проблемам информационной безопасности Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЁВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЁВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса (Москва)

К.К. ПРОВАЛОВ — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Адрес для переписки:
119160, Москва, Хорошёвское шоссе, 38 Д, редакция «Военно-исторического журнала».
тел.: (495) 693-57-45,
8-906-751-06-97;
E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru
Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал. Интернет приложение» – на главной странице сайта
Министерства обороны РФ
www.mil.ru

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА	
Операция «Багратион». Диорама «Минский котёл» (Публикация Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВОЙ) <i>The operation of "Bagration". Diorama "The Minsk pocket" (Publication of N.M. VERETENNIKOVA)</i>	2-я стр. обл.
ПОЛКОВАЯ ЛЕТОПИСЬ	
Появление егерских полков (Публикация Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВОЙ) <i>Origin of regiments of chasseurs (Publication of N.M. VERETENNIKOVA)</i>	2-я стр. цв. вкл.
ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ	
Минные катера парохода «Великий князь Константин» (Публикация И.В. НЕДОСТОЕВОЙ) <i>Mine boats of the ship of "Veliky knyaz Konstantin" (Publication of I.V. NEDOSTOEVA)</i>	4-я стр. цв. вкл.
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.	
Боевой состав Красной армии и Военно-морского флота СССР на 22 июня 1941 года (Публикация Н.Ф. КОВАЛЕВСКОГО) <i>Combat strength of the Red Army and the Navy of the USSR on the 22nd of June of 1941 (Publication of N.F. Kovalevsky)</i>	3
ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ	
А.С. СТЕПАНОВ — Авиапромышленность Ленинграда и её перестройка накануне Великой Отечественной войны A.S. STEPANOV — <i>Aviation industry of Leningrad and its reconstruction on the eve of the Great Patriotic War</i>	9
ИСТОРИЯ ВОЙН	
Д.М. ШАРОВ — Деятельность императора Александра I по формированию и укреплению экспедиционных войск. По опыту военных кампаний 1805, 1806—1807 гг. D.M. SHAROV — <i>Emperor Alexander's I activity on forming and strengthening of the expedition forces. Know by experience of military campaigns of 1805, 1806—1807</i>	14
А.Ю. ЛАШКОВ — Минский орешек для германского зуба A.Yu. LASHKOV — <i>The Minsk nut for the German tooth</i>	19
ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА	
С.Н. САВЧЕНКО — Участие казачьих войск Дальнего Востока в Гражданской войне (сентябрь 1918 — февраль 1920 г.) S.N. SAVCHENKO — <i>Participation of the Cossack troops of the Far East in the Civil War (September 1918 – February 1920)</i>	23
ПОЛКОВАЯ ЛЕТОПИСЬ	
А.Г. МАЛОВ-ГРА — Путь доблести и славы 18-го Егерского полка в 1812—1814 гг. A.G. MALOV-GRA — <i>The road of valour and glory of the 18th regiment of chasseurs in 1812–1814</i>	31
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ	
В.П. ГАРМАТНЫЙ — Тайна смерти Вильгельма Кубе V.P. GARMATNY — <i>Secret of Wilhelm Kube's death</i>	40
АРМИЯ И ОБЩЕСТВО	
И.А. ТРОПОВ — Проблемы формирования Красной армии I.A. TROPOV — <i>Problems of the Red Army forming</i>	46
Е.Н. БОЛЕ — Пенсионное обеспечение инвалидов Великой Отечественной в военные и первые послевоенные годы E.N. BOLE — <i>Provision of pensions for the invalids of the Great Patriotic War in war years and immediately after the war</i>	51
ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ	
В.И. ЛОТА — «Сведения получены от надёжного источника». О взаимодействии военных разведок стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны V.I. LOTA — <i>"The information received from the reliable source". About cooperation between intelligence services of the anti-Hitler coalition during the days of the World War II</i>	57
ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ	
П.Ф. КРУГЛИКОВ, Л.Л. АЛЕКСЕЕВА — Памятник у Днепра P.F. KRUGLIKOV, L.L. ALEKSEEVA — <i>The monument near the river of Dnepr</i>	63

★ МОЛОДЁЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ★

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ	
А.Г. БРИКНЕР — Смерть Павла I (Публикация А.В. ОСТРОВСКОГО) A.G. BRIKNER — <i>Death of Pavel I (Publication of A.V. OSTROVSKY)</i>	70
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ	
В.М. ДОГАДИН — На фронте и в тылу. Воспоминания о Первой мировой (Публикация З.Д. ЯСМАН) V.M. DOGADIN — <i>In the front and in the rear. Memoirs about World War I (Publication of Z.D. YASMAN)</i>	74
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
С.В. АВЕРЧЕНКО — Военные коалиции: исторический опыт S.V. AVERCHENKO — <i>Military coalitions: the historical experience</i>	78
В.И. МУСАЕВ, Г.А. МОХОРОВ — Балтийский узел V.I. MUSAEV, G.A. MOKHOROV — <i>Baltic center of resistance</i>	79
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
Эзельский бой (Публикация Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВОЙ) <i>The Ezel battle (Publication of N.M. VERETENNIKOVA)</i>	3-я стр. обл.
ПОЛКОВАЯ ЛЕТОПИСЬ	
Московский гренадерский полк (Публикация И.В. НЕДОСТОЕВОЙ) <i>The Moscow regiment of grenadiers (Publication of I.V. NEDOSTOEVA)</i>	4-я стр. обл.
8 — КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА 29 — НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ 30 — ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» 69 — ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ 80 — СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	THE BOOKSHELF OF A MILITARY HISTORIAN — 8 SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION — 29 FROM THE EDITORIAL MAIL OF "VOENNO-ISTORICHESKY ZHURNAL" — 30 THE MEMORABLE DATES — 69 INFORMATION ABOUT AUTHORS — 80

БОЕВОЙ СОСТАВ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР НА 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

В почте редакции «Военно-исторического журнала» встречаются письма, в которых читатели интересуются боевым составом Красной армии на день начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года. Читатели хотели бы знать развёрнутый, полный состав каждого из фронтов действующей армии и войск военных округов на тот день и сетуют, что такие данные очень трудно найти. Полковник запаса Михаил Александрович Маков из Саратова в своём письме приводит следующий тезис псевдоисторика В. Резуна-Суворова: «За 60 лет упорных трудов Военно-историческое управление Генерального штаба, Институт военной истории Министерства обороны, множество кафедр в военных академиях и училищах не удосужились даже пересчитать дивизии, которые были в Красной армии на 22 июня 1941 года». В этой связи М.А. Маков просит «Военно-исторический журнал» в опровержение лжи Резуна-Суворова опубликовать развернутые сведения о боевом составе Красной армии на 22 июня 1941 года, подготовленные и изданные военно-историческим отделом Военно-научного управления Генштаба в 1964 году и рассекреченные в начале 1990-х годов.

МИХАИЛ Александрович совершенно прав, указав важный источник по интересующему многих читателей вопросу: «Боевой состав Советской Армии. Часть I (июнь—декабрь 1941 года)» (М.: ВУН ГШ, 1964). Можно также сообщить читателям, что в этом издании содержатся подробные сведения о боевом составе Красной армии не только на 22 июня 1941 года, но и на первый день каждого последующего месяца 1941 года, а в очередных выпусках этого труда (ч. 2—5) даются такие же ежемесячные сведения вплоть по 1 сентября 1945 года. Данные этого издания после его рассекречивания используются и приводятся в некоторых трудах, к сожалению, также издающихся не очень большими тиражами. Например, в трудах Института военной истории: «Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Действующая армия: Научно-справочное издание» (М.: Жуковский: Кучково поле, 2005), «Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Стратегические операции и сражения: Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г.» (М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2004). Сведения о боевом составе фронтов и армий к началу войны можно найти также в соответствующих статьях 8-томной российской Военной

Энциклопедии. Имеются и другие труды, где рассматривается боевой состав советских войск к началу войны. В частности, это работы: Калашников К.А., Феськов В.И., Чмыхало А.Ю., Голиков В.И. Красная армия в июне 1941 года: Стат. сб. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003; Калашников К.А., Феськов В.И., Голубев В.И. Красная армия в победах и поражениях 1941—1945 гг. В них приводится подробный состав группировки Сухопутных войск Красной армии, фронтов, военных округов и армий на 22 июня 1941 года, в отдельных деталях расходящийся с данными издания Генштаба 1964 года. К сожалению, авторы не указали используемых источников и не дали никаких примечаний и пояснений к своей статистике.

Боевой состав Красной армии на начало войны в издании Генштаба 1964 года включает в себя сведения по следующим разделам: 1) действующая армия: фронты, отдельные армии (9-я) и дальнебомбардировочная авиация; 2) резерв Ставки Главного Командования; 3) военные округа и недействующие фронты (таким фронтом тогда являлся Дальневосточный). Ниже в таблицах 1—4 приводятся развёрнутые сведения о боевом составе войск четырёх фронтов действующей армии с началом войны. В резерве Ставки Главного Командования находились 6 армий (16, 19, 20, 21, 22 и 24-я), в их составе имелись ск — 14, сд — 42, ап — 17, озад — 1, мк — 5, тд — 10, мд — 5, мцп — 5, оиб — 2 и осб — 2. Обобщённые данные о составе войск внутренних военных округов и Дальневосточного фронта представлены в табл. 5.

Следует сказать о сериальном издании статистических сборников Института военной истории «Боевой и численный состав Вооружённых Сил СССР в период Великой Отечественной войны», подготовленных в сотрудничестве с Центральным архивом МО РФ и другими военными архивами. В отличие от труда Генштаба 1964 года статистический сборник № 1 этой серии (М.: ИВИ, 2001), посвящённый сведениям на 22 июня 1941 года, даёт различные данные не только о Красной армии, но и о Военно-морском флоте. Читатели могут ознакомиться с их боевым составом в табл. 6 и 7, а в табл. 8 представлены сведения о численном составе и вооружении Красной армии и ВМФ.

Безусловно, статистические сведения, приведённые в табл. 1—8, далеко не безупречны. Существуют разночтения и трудноразрешимые вопросы, особенно в отношении соединений и частей, которые к 22 июня 1941 года ещё находились в стадии формирования или начали создаваться. В настоящее время под руководством Главной редакционной комиссии, возглавляемой министром обороны Российской Федерации, начата разработка нового фундаментального 12-томного труда по истории Великой Отечественной войны, и можно надеяться, что многие вопросы, в том числе и рассмотренный в данной публикации, найдут своё уточнение.

Список сокращённых условных обозначений

1. Стрелковые, воздушно-десантные войска и кавалерия:

ск — стрелковый корпус;
гсд — горно-стрелковая дивизия;
сд — стрелковая дивизия;
мсд — мотострелковая дивизия;
сбр — стрелковая бригада;
осп — отдельный стрелковый полк;
УР — укреплённый район;
вдк — воздушно-десантный корпус;
вдбр — воздушно-десантная бригада;
кк — кавалерийский корпус;
гкд — горно-кавалерийская дивизия;
кд — кавалерийская дивизия.

2. Артиллерия и войска ПВО:

абр — артиллерийская бригада;
ап — артиллерийский полк;
гап — гаубичный артиллерийский полк;
гап б/м — гаубичный артиллерийский полк большой мощности;
кап — корпусной артиллерийский полк;
пап — пушечный артиллерийский полк;
оад — отдельный артиллерийский дивизион;
оад о/м — отдельный артиллерийский дивизион особой мощности;
оминб — отдельный миномётный батальон;
корп. ПВО — корпус противовоздушной обороны;
див. ПВО — дивизия противовоздушной обороны;
бр. ПВО — бригада противовоздушной обороны;
бр. р-н ПВО — бригадный район противовоздушной обороны;
зенап — зенитный артиллерийский полк;

озад — отдельный зенитный артиллерийский дивизион;
РГК — резерв Главного Командования.

3. Бронетанковые и механизированные войска:

мк — механизированный корпус;
мд — моторизованная дивизия;
тд — танковая дивизия;
мбр — моторизованная бригада;
мцп — мотоциклетный полк;
д-н брп — дивизион бронепоездов;
д-н брдр — дивизион бронедрезин;

4. Военно-воздушные силы:

ак — авиационный корпус;
бак — бомбардировочный авиационный корпус;
иад — истребительная авиационная дивизия;
сад — смешанная авиационная дивизия;
сабр — смешанная авиационная бригада;
иап — истребительный авиационный полк;
сап — смешанный авиационный полк;
рап — разведывательный авиационный полк;
бап — бомбардировочный авиационный полк;
иад ПВО — истребительная авиационная дивизия ПВО;
иап ПВО — истребительный авиационный полк ПВО;
каэ — корректировочная авиационная эскадрилья.

5. Инженерные войска:

ип — инженерный полк;
пмп — понтонно-мостовой полк;
оиб — отдельный инженерный батальон;
осб — отдельный сапёрный батальон;
миб — моторизованный инженерный батальон.

Таблица 1

Боевой состав Западного фронта на 22 июня 1941 года*

Наименование объединений	Стрелковые, воздушно-десантные войска и кавалерия	Артиллерия РГК, армейская и корпусная артиллерия	Бронетанковые и механизированные войска	Военно-воздушные силы	Инженерные войска
3-я армия	4 ск (27, 56, 85 сд), 68 (Гродненский) УР	7-я арт. бригада ПТО, 152, 444 кап, 16 озад	11 мк (29, 33 тд, 204 мд, 16 мцп)		
4-я армия	28 ск (6, 49, 42, 75 сд), 62 (Брест-Литовский) УР	447, 455, 462 кап, 120 гап б/м РГК, 12 озад	14 мк (22, 30 тд, 205 мд, 20 мцп)		
10-я армия	1 ск (2, 8 сд), 5 ск (13, 86, 113 сд), 6 кк (6, 36 кд), 155 сд, 66 (Осовецкий) УР	6-я арт. бригада ПТО, 130, 156, 262, 315 кап, 311 пап, 124, 375 гап РГК, 38, 71 озад	6 мк (4, 7 тд, 29 мд, 4 мцп), 13 мк (25, 31 тд, 208 мд, 18 мцп)		
Соединения и части фронтового подчинения	2 ск (100, 161 сд), 21 ск (17, 24, 37 сд), 44 ск (64, 108 сд), 47 ск (55, 121, 143 сд), 50 сд, 4 вдк (7, 8, 214 вдбр), 58 (Себежский), 61 (Полоцкий), 63 (Минско-Слуцкий), 64 (Замбровский), 65 (Мозырский) УР	8-я арт. бригада ПТО, 293, 611 пап, 360 гап, 5, 318, 612 гап б/м РГК, 29, 49, 56, 151, 467, 587 кап, 32 оад о/м РГК, 24 оминб, 86 озад, 4, 7 бригады ПВО, Барановичский, Кобринский, Гомельский, Витебский и Смоленский бригадные районы ПВО	17 мк (27, 36 тд, 209 мд, 22 мцп), 20 мк (26, 38 тд, 210 мд, 24 мцп)	43 иад, 12, 13 бад, 9, 10, 11 сад, 184 иап ПВО, 313, 314 рап, 59, 60 сад (в стадии формирования)	10, 23, 33 ип, 34, 35 пмп, 275 оиб
Всего во фронте: армий — 4	ск — 8, сд — 24, кк — 1, кд — 2, вдк — 1, вдбр — 3, УР — 8	абр — 3, ап — 25, оад — 1, оминб — 1, бр. ПВО — 2, бр. р-нов — 5, озад — 5	мк — 6, тд — 12, мд — 6, мцп — 6	иад — 2, сад — 4, бад — 2, иап ПВО — 1, рап — 2	ип — 3, оиб — 1, пмп — 2

* Кроме того, в составе Западного фронта заканчивало формирование полевое управление 13-й армии, 24 июня 1941 года в её состав начали поступать войска (21 ск, 50 сд, 8 арт. бр. ПТО).

Таблица 2

Боевой состав Юго-Западного фронта на 22 июня 1941 года

Наименование объединений	Стрелковые, воздушно-десантные войска и кавалерия	Артиллерия РГК, армейская и корпусная артиллерия	Бронетанковые и механизированные войска	Военно-воздушные силы	Инженерные войска
5-я армия	15 ск (45, 62 сд), 27 ск (87, 124, 135 сд), 2 (Владимир-Волынский) УР	1-я арт. бригада ПТО, 21, 231, 264, 460 кап, 23, 242 озад	9 мк (20, 35 тд, 131 мд, 32 мцп), 22 мк (19, 41 тд, 215 мд, 23 мцп)	—	5 пмп
6-я армия	6 ск (41, 97, 159 сд), 37 ск (80, 139, 141 сд), 5 кк (3, 14 кд), 4 (Струмиловский), 6 (Рава-Русский) УР	3-я арт. бригада ПТО, 209, 229, 441, 445 кап, 135 пап РГК, 17, 307 озад	4 мк (8, 32 тд, 81 мд, 3 мцп), 15 мк (10, 37 тд, 212 мд, 25 мцп)	—	9 ип
12-я армия	13 ск (44, 58, 192 гсд), 17 ск (60, 96 гсд, 164 сд), 10 (Каменец-Подольский), 11, 12 (Могилёв-Подольский) УР	4-я арт. бригада ПТО, 269, 274, 283, 468 кап, 20, 30 озад, Могилёв-Подольский бригадный р-н ПВО	16 мк (15, 39 тд, 240 мд, 19 мцп)	—	37 ип, 19 пмп
26-я армия	8 ск (99, 173 сд, 72 гсд), 8 УР	2-я арт. бригада ПТО, 233, 236 кап, 28 озад	8 мк (12, 34 тд, 7 мд, 2 мцп)	—	17 пмп
Соединения и части фронтового подчинения	31 ск (193, 195, 200 сд), 36 ск (140, 146, 228 сд), 49 ск (190, 197, 199 сд), 55 ск (130, 169, 189 сд), 1 вдк (1, 204, 211 вдбр), 1 (Киевский), 3 (Летический), 5 (Коростенский), 7 (Новоград-Волынский), 13 (Шепетовский), 15 (Остропольский), 17 (Изяславский) УР	5-я арт. бригада ПТО, 205, 207, 368, 437, 458, 507, 543, 646 кап, 305, 555 пап РГК, 4, 168, 324, 330, 526 гап б/м, 331, 376, 529, 538, 589 гап РГК, 34, 245, 315, 316 оад о/м РГК, 263 озад, 3, 4 дивизии и 1-я бригада ПВО, Станиславский, Ровенский, Житомирский, Тарнопольский, Винницкий бр. р-ны ПВО	19 мк (40, 43 тд, 213 мд, 21 мцп), 24 мк (45, 49 тд, 216 мд, 17 мцп), 1-й отд. д-н брп	44, 64 иад, 19, 62 бад, 14, 15, 16, 17, 63 сад, 36 иад ПВО, 315, 316 рап	45 ип, 1 пмп
Всего во фронте: армий — 4	ск — 11, сд — 32, кк — 1, кд — 2, вдк — 1, вдбр — 3, УР — 14	абр — 5, ап — 35, оад — 4, див. ПВО — 2, бр. ПВО — 1, бр. р-нов — 6, озад — 8	мк — 8, тд — 16, мд — 8, мцп — 8, д-нов брп — 1	иад — 2, сад — 5, бад — 2, иад ПВО — 1, рап — 2	ип — 3, пмп — 4

Таблица 3

Боевой состав Северо-Западного фронта на 22 июня 1941 года

Наименование объединений	Стрелковые, воздушно-десантные войска и кавалерия	Артиллерия РГК, армейская и корпусная артиллерия	Бронетанковые и механизированные войска	Военно-воздушные силы	Инженерные войска
8-я армия	10 ск (10, 48, 90 сд), 11 ск (11, 125 сд), 44 (Каунасский), 48 (Алитусский) УР	9-я арт. бригада ПТО, 47, 51, 73 кап, 39, 242 озад	12 мк (23, 28 тд, 202 мд, 10 мцп)	—	25 ип
11-я армия	16 ск (5, 33, 188 сд), 29 ск (179, 184 сд), 23, 126, 128 сд, 42 (Шяуляйский), 46 (Тельшайский), 45 УР	10-я арт. бригада ПТО, 270, 448, 615 кап, 110 гап б/м и 429 гап РГК, 19, 247 озад	3 мк (2, 5 тд, 84 мд, 5 мцп)	—	38 оиб
27-я армия	22 ск (180, 182 сд), 24 ск (181, 183 сд), 16, 67 сд, 3 сбр	613, 614 кап, 103, 111 озад	—	—	—
Соединения и части фронтового подчинения	Управления 65 ск, 5 вдк (9, 10, 201 вдбр), 41 (Либавский) УР	402 гап б/м РГК, 11 озад; 10, 12, 14 бригады ПВО, Рижский, Эстонский, Каунасский бригадные районы ПВО	—	57 иад, 4, 6, 7, 8 сад, 21 иап ПВО, 312 рап	4, 30 пмп
Всего во фронте: армий — 3	ск — 7, сд — 19, вдк — 1, вдбр — 3, сбр — 1, УР — 6	абр — 2, ап — 11, бр. ПВО — 3, бр. р-нов — 3, озад — 7	мк — 2, тд — 4, мд — 2, мцп — 2	иад — 1, сад — 4, иап ПВО — 1, рап — 1	ип — 1, оиб — 1, пмп — 2

Таблица 4

Боевой состав Северного фронта на 24 июня 1941 года*

Наименование объединений	Стрелковые, воздушно-десантные войска и кавалерия	Артиллерия РКГ, армейская и корпусная артиллерия	Бронетанковые и механизированные войска	Военно-воздушные силы	Инженерные войска
7-я армия	54, 71, 168, 237 сд, 26 (Сортавальский) УР	208 озад	—	55 сад	184 особ
14-я армия	42 ск (104, 122 сд), 14, 52 сд, 23 (Мурманский) УР	104 пап РКГ	1 тд	1 сад, 42 каэ	31 особ
23-я армия	19 ск (115, 142 сд), 50 ск (43, 70, 123 сд), 27 (Кексгольмский) и 28 (Выборгский) УР	24, 28, 43 кап, 573 пап, 101 гап, 108, 519 гап б/м РКГ, 20 оминб, 27, 241 озад	10 мк (21, 24 тд, 198 мд, 7 мцп)	5 сад, 41 бад, 15, 19 каэ	109 миб, 153 оиб
Соединения и части фронтового подчинения	177, 191 сд, 8 сбр, 21, 22 (Карельский), 25 (Псковский) и 29 УР	541, 577 гап РКГ; 2-й корпус ПВО (115, 169, 189, 192, 194, 351 зенап), Выборгский, Мурманский, Псковский, Лужский и Петрозаводский бригадные районы ПВО	1 мк (3 тд, 163 мд, 5 мцп)	2 сад, 39 иад, 3, 54 иад ПВО, 311 рап, 103 каэ	12, 29 ип, 6 пмп
Всего во фронте: армий — 3	ск — 3, сд — 15, сбр — 1, УР — 8	ап — 10, оминб — 1, корп. ПВО — 1, бр. р-нов — 5, озад — 3	мк — 2, мд — 2, тд — 4, мцп — 2	иад — 1, бад — 1, сад — 4, иад ПВО — 2, рап — 1, каэ — 3	ип — 2, оиб — 1, пмп — 1, миб — 1, особ — 2

* Образован 24 июня 1941 г. на базе управления и войск Ленинградского военного округа.

Таблица 5

Всего в Архангельском, Забайкальском, Закавказском, Московском, Одесском, Приволжском, Орловском, Северо-Кавказском, Сибирском, Среднеазиатском, Уральском и Харьковском военных округах и на Дальневосточном фронте							
Фронтов — 1	ск — 16	сд — 59	ап — 65	корп. ПВО — 2	мк — 4	мд — 6	бак — 1 бад — 8, ип — 16
Округов — 12	кк — 1	кд — 7	оад — 6	бр. ПВО — 3	тд — 11	мцп — 4	иад — 10 сад — 12, оиб — 3
Армий — 6	вдк — 2	вдбр — 7	оинб — 6	бр. р-нов — 20	мбр — 1	отб — 1	рап — 4 сабр — 5, особ — 4
	осп — 1	сбр — 3	озад — 19	зенап — 2	д-нов брп — 6		сап — 2 бап — 1
	УР — 16				д-нов брдр — 1		иап — 2
							иад ПВО — 2
							иап ПВО — 2

Таблица 6

Боевой состав Красной армии и Военно-морского флота СССР на 22 июня 1941 года (по характеру действий)

Объединения, соединения и отдельные части	Действующие войска	Резерв ГК	Недействующие войска	Итого в КА и ВМФ
Управления:				
фронтов	3	—	1	4
военных округов	1	—	12	13
армий	15	6	5	26
флотов	3	—	1	4
флотилий	2	—	3	5
Управления корпусов:				
стрелковых	32	14	16	62
кавалерийских	3	—	1	4
воздушно-десантных	3	—	2	5
механизированных	20	5	4	29
авиационных	4	—	1	5
ПВО	1	—	2	3
Эскадры:				
Дивизии:	2	—	—	2
стрелковые	97	42	59	198
кавалерийские	6	—	7	13
танковые	40	10	11	61
моторизованные	20	5	6	31
авиационные	47	—	32	79
ПВО	2	—	—	2
Бригады:				
стрелковые	2	—	4	6
воздушно-десантные	9	—	7	16
морской пехоты	1	—	—	1
мотоброневые	—	—	1	1
артиллерийские	10	—	1	11
авиационные	5	—	7	12
ПВО	6	—	3	9
бригадные районы ПВО	20	—	20	40
боевых кораблей	10	—	6	16
Укрепленные районы:				
41	—	—	16	57
Отдельные полки:				
стрелковые	1	—	7	8
мотоциклетные	20	5	4	29
артиллерийские	87	17	65	169
зенитные артиллерийские	10	—	8	18
авиационные	26	—	18	44
инженерные	9	—	9	18
понтонно-мостовые	9	—	7	16

Отдельные батальоны (дивизионы)				
танковые	—	—	1	1
артиллерийские	10	—	1	11
миномётные	2	—	5	7
зенитные артиллерийские	36	1	24	61
артиллерии особой мощности	6	—	4	10
бронепоездов (дрезин)	1	—	7	8
сапёрные	2	2	4	8
моторизованные инженерные	2	1	—	3
инженерные	5	—	2	7
понтонно-мостовые	—	1	1	2
корректировочные авиационные эскадрильи	4	—	5	9
кораблей	4	—	20	24

Примечания:

1. В графе «Действующие войска» учтены формирования, входившие в состав действующей армии, т.е. созданные 22 июня на Западном ТВД на базе управлений и войск Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов, соответственно – Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты, на базе Одесского округа – 9-я армия, а также войска Ленинградского военного округа. В графе «Недействующие войска» учтены силы и средства на Южном и Дальневосточном ТВД, внутренних военных округов и частей центрального подчинения;

2. В боевой состав войск не включено управление 18-й армии (Харьковский военный округ), формирование которой началось после 22 июня 1941 года

Таблица 7

Боевой состав действующих войск Красной армии и сил Военно-морского флота СССР на Западном ТВД на 22 июня 1941 года

Объединения, соединения и отдельные части	Красная армия							ВМФ СССР					Итого
	ЛВО	СЗФ	ЗапФ	ЮЗФ	9А	Ав-я ГК	Всего	БФ	СФ	ЧФ	Пин-ская воен. фл-я	Всего	
Управления:													
фронтов	—	1	1	1	—	—	3	—	—	—	—	—	3
военных округов	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
армий	3	3	4	4	1	—	15	—	—	—	—	—	15
флотов	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	3	3
флотилий	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	2
Управления корпусов:													
стрелковых	3	7	8	11	3	—	32	—	—	—	—	—	32
кавалерийских	—	—	1	1	1	—	3	—	—	—	—	—	3
воздушно-десантных	—	1	1	1	—	—	3	—	—	—	—	—	3
механизированных	2	2	6	8	2	—	20	—	—	—	—	—	20
авиационных	—	—	—	—	—	4	4	—	—	—	—	—	4
ПВО	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Эскадры:													
Дивизии:	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	2	2
стрелковые	15	19	24	32	7	—	97	—	—	—	—	—	97
кавалерийские	—	—	2	2	2	—	6	—	—	—	—	—	6
танковые	4	4	12	16	4	—	40	—	—	—	—	—	40
моторизованные	2	2	6	8	2	—	20	—	—	—	—	—	20
авиационные	8	5	8	10	5	11	47	—	—	—	—	—	47
ПВО	—	—	—	2	—	—	2	—	—	—	—	—	2
Бригады:													
стрелковые	1	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2
воздушно-десантные	—	3	3	3	—	—	9	—	—	—	—	—	9
морской пехоты	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1
мотоброневые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
артиллерийские	—	2	3	5	—	—	10	—	—	—	—	—	10
авиационные	—	—	—	—	—	—	—	3	—	2	—	5	5
ПВО	—	3	2	1	—	—	6	—	—	—	—	—	6
бригадные районы ПВО	5	3	5	6	1	—	20	—	—	—	—	—	20
боевых кораблей	—	—	—	—	—	—	—	4	1	5	—	10	10
Укреплённые районы:													
8	6	8	14	5	—	—	41	—	—	—	—	—	41
Отдельные полки:													
стрелковые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1
мотоциклетные	2	2	6	8	2	—	20	—	—	—	—	—	20
артиллерийские	10	11	25	35	6	—	87	—	—	—	—	—	87
зенитные артиллерийские	—	—	—	—	—	—	—	6	—	4	—	10	10
авиационные	1	2	3	2	2	—	10	7	2	7	—	16	26
инженерные	2	1	3	3	—	—	9	—	—	—	—	—	9
понтонно-мостовые	1	2	2	4	—	—	9	—	—	—	—	—	9
Отдельные бат-ны (див-ны):													
танковые	—	—	—	—	—	—	—	—	3	7	—	10	10
артиллерийские	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
миномётные	1	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2
зенитные артиллерийские	3	7	5	8	2	—	25	4	2	5	—	11	36
артиллерии особой мощности	—	—	1	4	1	—	6	—	—	—	—	—	6
бронепоездов (дрезин)	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	1
сапёрные	2	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2
моторизованные инженерные	1	—	—	—	1	—	2	—	—	—	—	—	2
инженерные	1	1	1	—	2	—	5	—	—	—	—	—	5
понтонно-мостовые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
корректировочные авиационные эскадрильи	4	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	4
кораблей	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	—	4	4

Примечания:

1. Боевой и численный состав ВВС (за исключением авиации Главного Командования) представлен в составе фронтов (флотов);

2. Дунайская военная флотилия учтена в ЧФ.

Численный состав действующих войск Красной армии и сил Военно-морского флота СССР на Западном ТВД на 22 июня 1941 года

Силы и средства	Красная армия							Военно-морской флот					Итого	
	ЛВО	СЗФ	ЗапФ	ЮЗФ	9А	АГК	Всего	КБФ	СФ	ЦФ	ПВФЛ	Всего		
Личный состав:														
по списку	355 243	325 559	599 450	764 941	171 570	...	2 216 763	119 645	29 721	64 205	2307	215 878	2 432 641	
на Больших учеб. сборах	49 227	44 143	71 715	142 105	3050	...	310 240	—	—	—	—	—	310 240	
Итого	404 470	369 702	671 165	907 046	174 620	...	2 527 003	119 645	29 721	64 205	2307	215 878	2 742 881	
Стрелковое вооружение:														
винтовки и карабины	591 282	374 425	773 445	1 035 420	149 433	...	2 924 005	78 641	22 211	60 544	4074	165 470	3 089 475	
пистолеты-пулемёты	7515	15 565	24 237	15 483	3293	...	66 093	339	63	60	155	617	66 710	
ручные и станковые пулемёты	15 775	14 919	27 574	35 267	6381	...	99 916	4218	910	2669	280	8077	107 993	
зенитные пулемёты (12,7 мм)	150	97	98	174	118	...	637	31	8	39	5	83	720	
Артиллерийское вооружение:														
орудия полевой и берег. арт.	2986	3546	6437	7784	1640	—	22 393	1528	502	1231	78	3339	25 732	
миномёты	3687	2969	6610	6972	1292	—	21 530	194	15	53	—	262	21 792	
всего орудий и миномётов	6673	6515	13 047	14 756	2932	—	43 923	1722	517	1284	78	3601	47 524	
зенитные пушки	1228	504	1124	2221	124	—	5201	467	76	216	15	774	5975	
Итого арт. вооружения	7901	7019	14 171	16 977	3056	—	49 124	2189	593	1500	93	4375	53 499	
Танки														
тяжёлые	всего	6	78	97	329	10	—	520	—	—	—	—	520	
	исправные	6	76	97	319	10	—	508	—	—	—	—	508	
средние	всего	97	107	291	711	50	—	1256	—	—	—	—	1256	
	исправные	77	74	247	666	50	—	1114	—	—	—	—	1114	
лёгкие	всего	1608	1344	2394	4168	834	—	10 348	—	—	—	—	10 348	
	исправные	1335	1111	1752	3560	633	—	8391	—	—	—	—	8391	
спец. танки и СУ	всего	146	20	118	257	18	—	559	—	—	—	—	559	
	исправные	125	13	96	243	18	—	495	—	—	—	—	495	
Итого танков и СУ:	1857	1549	2900	5465	912	—	12 683	—	—	—	—	—	12 683	
Из них исправных:	1543	1274	2192	4788	711	—	10 508	—	—	—	—	—	10 508	
Самолёты:														
боевые:	всего	1336	1262	1771	2059	1041	1346	8815	682	116	639	14	1451	10 266
	исправные	1216	1078	1539	1759	838	1021	7451	595	97	543	10	1245	8696
в т.ч. бомбардировщики	всего	394	453	489	466	287	1340	3429	184	11	153	—	348	3777
	исправные	356	408	441	421	245	1019	2890	157	9	133	—	299	3189
истребители	всего	902	744	1043	1341	697	—	4727	331	49	314	—	694	5421
	исправные	828	645	906	1174	565	—	4118	297	39	283	—	619	4737
штурмовики	всего	—	5	8	5	—	—	18	—	—	—	—	18	
	исправные	—	5	8	5	—	—	18	—	—	—	—	18	
разведчики	всего	40	60	231	247	57	6	641	167	56	172	14	409	1050
	исправные	32	20	184	159	28	2	425	141	49	127	10	327	752
остальные:	всего	6	82	41	—	30	—	159	131	26	155	6	318	477
	исправные	6	72	38	—	26	—	142	111	26	118	6	261	403
Итого самолётов	1342	1344	1812	2059	1071	1346	8974	813	142	794	20	1769	10 743	
Из них исправных	1222	1150	1577	1759	864	1021	7593	706	123	661	16	1506	9099	
Боевые корабли:														
линкоры	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	3	3
крейсера	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	5	—	7	7
эсминцы и лидеры	—	—	—	—	—	—	—	—	21	8	16	—	45	45
подводные лодки	—	—	—	—	—	—	—	—	68	15	44	—	127	127
остальные боев. корабли (катера)	—	—	—	—	—	—	—	—	142	24	155	42	363	363
Итого боевых кораблей	—	—	—	—	—	—	—	—	235	47	221	42	545	545
Транспортные средства:														
автомашины (всего)	28 759	19 111	35 102	49 030	10 041	...	142 043	3215	646	2182	185	6228	148 271	
в т.ч. грузовые	20 481	13 525	24 925	34 779	7821	...	101 531	2666	543	1798	153	5160	106 691	
тракторы и тягачи	4249	2978	5706	8144	1471	...	22 548	1099	214	498	50	1861	24 409	
лошади	31 520	38 826	68 648	74 917	21 701	...	245 612	—	—	—	—	—	245 612	

Примечания:

1. Численность личного состава и наземной техники соединений авиации Главного Командования учтена в ВВС фронтов;
2. В 9-ю армию не включён личный состав, находившийся на Больших учебных сборах. Эти данные отнесены к ОдВО.
3. Обозначение (...): данные не обнаружены.

Публикация полковника запаса Н.Ф. КОВАЛЕВСКОГО

ТАЙНЫЙ ФРОНТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

 КНИЖНАЯ ПОЛКА
 ВОЕННОГО ИСТОРИКА

Обложка книги

Приуроченная к 63-й годовщине победы Советского Союза в длительном противоборстве с фашистской Германией, эта книга* является первой из планируемой к изданию трилогии под общим названием «Тайный фронт Великой Отечественной». По сравнению с другими трудами, посвятившимися деятельности органов советской разведки и контрразведки и увидевшими свет в последние годы, она имеет ряд преимуществ, поскольку написана профессиональным военным контрразведчиком и многолетним исследователем данной темы.

Книга В.П. Ямпольского и впрямь раскрывает многие тайны скрытой войны, начавшейся задолго до 22 июня 1941 года, т.е. до нападения гитлеровской Германии на СССР. В этой «неизвестной» войне, главными действующими лицами которой были советские разведчики и контрразведчики, чаще побеждали высокий интеллект и точный расчёт, нежели выстрелы на полях сражений. Безупречная логика изложения материала, чёткая аргументация и строгая фиксация фактов дают возможность сегодняшнему читателю отчётливо понять, какой неоценимый вклад внесли советские органы государственной безопасности в дело борьбы против нацистской Германии и её спецслужб.

Документальную основу труда составляют материалы из архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации, а также значительное количество архивных документов, вышедших из стен немецких спецслужб и иных органов рейха, в том числе союзников Германии. Все они добыты или советскими бойцами невидимого фронта, или достигались в качестве трофеев от разгромленных гитлеровских войск.

Автор обстоятельного исследования выступает прежде всего как знаток истории отечественных спецслужб. Думается, именно поэтому его книга будет интересна и полезна не только профессионалам, причастным к «тайной» войне, военным историкам, политологам, специалистам в области международных и межличностных отношений, но и широкому кругу читателей, интересующихся прошлым нашей страны.

* Ямпольский Владимир. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.». (А. Гитлер, 31 июня 1940 года): Документальная история спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. М.: Кучково поле, 2008. 656 с.

АВИАПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЛЕНИНГРАДА И ЕЁ ПЕРЕСТРОЙКА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ авиаиндустрия заявила о своих ведущих позициях в отечественной оборонной промышленности задолго до нападения фашистской Германии на Советский Союз. Так, ещё в 1920—1930-е годы в городе на Неве было развёрнуто крупносерийное производство военных самолётов, которое стало последовательно расширяться после выхода в свет Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1939 года. В соответствии с этим документом Народный комиссариат оборонной промышленности (НКОП) был разделён на несколько ведомств (наркоматов), среди которых особое место занял Наркомат авиационной промышленности (НКАП)¹. Обращает на себя внимание тот факт, что в год начала Второй мировой войны (1939-й) на долю ленинградцев пришлось почти четверть всего советского авиапроизводства, т.е. 2293 учебных и 251 транспортный самолёт из общего числа в более чем 10 тыс. машин².

Существенным дополнением к сказанному может служить выдержка ещё из одного документа той поры — «Краткого анализа о работе 1-го Главного управления НКАП³ за 1939 год по производству». В нём свидетельствовало, что «наряду с невыполнением» имеются заводы, «выполнившие и перевыполнившие план сдачи самолётов», а также привелись конкретные факты. К примеру, в числе пяти названных лучшими самолётостроительных предприятий отмечались и два ленинградских завода: № 23, выполнивший план на 104,4 проц., и № 47 — на 101,1 проц.⁴ Первый из них (авиазавод № 23 «Красный лётчик») с марта 1928 года и вплоть до начала Второй мировой войны являлся монополистом в производстве одного из самых массовых и известных советских самолётов — биплана У-2 конструкции Н.Н. Поликарпова.

Впрочем, помимо основного, учебного двухместного варианта, существовали и другие, основные, модификации этой машины: АП (аэроопылитель), предназначенный для сельскохозяйственных работ, с баком для порошкообразных материалов на месте второй кабины, за которым находилась ещё одна кабина для техника; СП (спецприменения трёхместный), конструктивно повторявший АП, но с установкой кабины вместо сельхозоборудования; санитарные С-1 и С-2; У-2 ВС (войсковая серия), учебно-боевой самолёт (принят на вооружение в 1933 г.), вооружённый двумя пулемётами и малокалиберными бомбами⁵. Только в 1930—1939 гг. построили свыше 10 тыс. У-2, не считая его специализированных модификаций⁶. Во второй половине 1930-х годов парк У-2 был дополнен учебно-тренировочными монопланами УТ-2 и УТ-1 конструкции А.С. Яковлева, с тем же

двигателем (М-11), что выпускался на заводе № 47⁷.

Как же использовался У-2 разных модификаций до нападения Германии на Советский Союз? Он применялся практически во всех локальных войнах или военных акциях 1938—1940 гг. с участием СССР.

Важность самолётов связи, совершавших сотни вылетов для обеспечения боевых действий РККА, показала польская кампания. К примеру, Северная и особенно Южная группа Украинского фронта и 12-я армия, умело используя средства авиасвязи, имели возможность своевременно информировать подчинённые штабы об обстановке. Общее количество лётных часов Южной группы достигло 90 при 52 вылетах, в 12 А — 102⁸.

Большая нагрузка легла на У-2 во время Советско-финляндской войны. Известно, что только на пополнение ВВС Северо-Западного фронта в декабре 1939 — марте 1940 года было направлено 382 боевых самолёта всех типов, в том числе — 50 У-2⁹.

Кроме боевых частей У-2 использовался и гражданской авиацией, особенно активно применялся он для санитарно-эвакуационных перевозок. Так, в стенограмме заседания научно-технического совета Института гражданской авиации от 28 февраля 1941 года, посвящённого срокам службы самолётов, говорится следующее о санитарных модификациях этого воздушного аппарата (У-2 — С-1): «Старые машины работали в санавиации, имели небольшой налёт, интенсивность налёта произошла во время финских событий, так как самолёты все были там и интенсивно летали»¹⁰. Выпуск С-1 был прекращён в 1936 году и возобновлён только три года спустя в модифицированном виде (С-2), с более мощным двигателем и значительно увеличенным отсеком для больного. Завод № 23 в 1940 году перевыполнил план их выпуска в три с лишним раза именно из-за начавшейся войны с Финляндией¹¹.

У-2 активно использовался в качестве учебного самолёта в армейской и морской авиации. Самый же многочисленный авиапарк, в том числе и этих машин, имелся, если сравнивать с возможностями других авиационных вузов ВМФ РККА, в Военно-морском авиационном училище (ВМАУ) имени И.В. Сталина. По состоянию на 1 января 1939 года здесь насчитывалось 584 самолёта 14 типов, среди которых преобладал У-2 (222 единицы, в том числе 116 исправных)¹².

Решением Политбюро ЦК ВКП(б) № П23/99-ОП от 30 ноября 1940 года «О тыловой авиации» был утверждён соответствующий проект постановления СНК, согласно которому утверждался штатный состав тыловой авиации к концу 1941 года. Только в составе военно-учебных за-

ведений ВВС РККА предполагалось иметь 464 учебных самолёта У-2¹³.

Накануне Великой Отечественной войны У-2 был самым массовым самолётом гражданской авиации. К 22 июня 1941 года количество его разных модификаций в ГУГВФ выросло до 2234¹⁴. В военной авиации их также имелось значительное число, которое постоянно росло. По состоянию на 1 мая 1940 года в РККА насчитывалось 2977 У-2 (санитарных, учебно-тренировочных и связи), а на 1 января 1941-го в составе тыловой авиации было уже 3363 этих самолёта¹⁵.

У-2 производства завода № 23 поставлялся также и на экспорт. Известно о его поставках в 1930-х годах в Турцию¹⁶, Китай¹⁷, Монголию. Так, на 1 октября 1938 года авиация МНР насчитывала четырнадцать У-2 (в том числе один С-1)¹⁸. Исследованиями документы показывают, что так называемая Тувинская Аратская Республика¹⁹ в конце 1939 года тоже имела как минимум один самолёт СП. Замнаркома авиапрома М.В. Хруничев в письме замнаркому внешней торговли Ю.М. Кагановичу от 21 ноября 1939 года, озаглавленном «Экспорт запчастей к моторам и самолётам», сообщал по этому поводу следующую информацию:

«На Ваш № 1917 от 11.XI.[19]39 г. сообщаю, что заказ Тувинской Народной Республики может быть выполнен по ценам нашей промышленности в следующие сроки:

на моторы М-11Г с запчастями — в январе 1940 г.
на запчасти к самолёту СП — в феврале 1940 г.»²⁰.

Уместно привести статистические данные об объёме выпуска авиатехники на ленинградских авиазаводах в 1939—1941 гг., тем более что уже опубликованные сведения зачастую либо не имеют соответствующих ссылок на какие-либо источники, либо являются неполными, а иногда даже содержат фактические ошибки. Так, В.П. Иванов поместил в своей монографии о самолётах конструктора Н.Н. Поликарпова (глава 8 — «Небесный тихоход») таблицу («Производство самолётов У-2 на авиационном заводе № 23 в 1929—1940 гг.»), не обеспечив её сведениями об исходных данных²¹. В статье П.П. Миная о военной авиаиндустрии Ленинграда в 1920—1930-х годах исследование об авиапроизводстве ленинградских предприятий факти-

чески заканчивается цифрами плана выпуска самолётов и групповых ремкомплектов к ним, утверждёнными НКОП для завода № 23 лишь на 1937 год²². В другой публикации того же автора информация, касающаяся конкретных объёмов выпуска самолётов в Ленинграде, ограничивается показателями всё того же предприятия, достигнутыми в 1939-м²³.

Г.В. Костырченко, соавтор коллективной монографии «Самолётостроение в СССР 1917—1945 гг.» (глава 6 — «Авиационная промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны» в разделе «Транспортные и учебно-тренировочные самолёты»), составив таблицу «Динамика выпуска авиазаводами основных серийных самолётов периода 1939—1945 гг.», не привёл какой-либо информации о выпуске в 1939—1941 гг. АП, СП, С-2 на заводе № 23 и УТ-1 на заводе № 47²⁴. Можно только догадываться о причинах, по которым этот автор нашёл основания для исключения этих машин (их выпуск в 1939—1940 гг. на двух заводах составил более 1000 единиц) из числа «основных серийных самолётов». Во всяком случае, СП бесспорно являлся транспортным; изготовленные на заводе № 23 в 1940 году АП и в 1940—1941 гг. С-2 также учитывались как транспортные, о чём свидетельствуют архивные документы НКАП²⁵.

Авторы сборника «1941 год. Документы» опубликовали выписку из диспетчерского журнала Наркомата авиационной промышленности СССР по выпуску самолётов в 1941 году, по каким-то причинам изъяв из неё сведения о ежемесячном производстве заводами НКАП неболевых конструкций (транспортных и учебных машин всех типов). Они также привели неверные данные о производстве истребителей ЛаГГ-3, ошибочно отнеся цифры выпуска этих самолётов на заводе № 23 в Ленинграде к их мнимому выпуску на заводе № 21 в Горьком. Невозможно обнаружить в данном сборнике вообще никакой информации об авиавыпуске ленинградских предприятий в первом полугодии 1941 года²⁶.

В предлагаемой табл. 1 представлены данные о договорах по поставкам самолётов различным заказчикам и об их фактическом выполнении заводами № 23 и 47 в 1939 году²⁷.

В 1940 году программа производства ленинградских авиапредприятий постоянно менялась. Так, в соответствии с ней заводу № 23 предсто-

Таблица 1

Выполнение ленинградскими самолётостроительными заводами НКАП договоров с заказчиками за 1939 год

Номер завода	Тип машины	Заказчики											
		УВВС		НКВМФ		НКВД		Осоавиахим		ГУГВФ		Прочие	
		дог.	вып.	дог.	вып.	дог.	вып.	дог.	вып.	дог.	вып.	дог.	вып.
23	У-2	560	555	70	80	2	2	800	820	100	100	—	27
	УТ-2	30	73	30	48	—	—	100	103	30	30	—	—
	СП	—	—	—	—	4	4	—	—	120	118	—	4
	АП	—	—	—	—	—	—	—	—	125	125	—	—
47	УТ-1	215	213	40	40	—	—	150	150	40	40	—	2
	УТ-2	40	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего		845	851	140	168	6	6	1050	1073	415	413	—	33

Составлена по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8044. Оп. 1. Д. 411. Л. 51.

яло изготовить в этом году 650 У-2 всех типов и 440 УТ-2, а также дополнительно 90 УТ-2, переданных с завода № 47. Последнему же первоначально предполагалось изготовить 200 УТ-2, но позже в связи с переходом на выпуск УТ-3 (предписывалось изготовить 20 единиц) их фактическая сдача была снижена до 110 машин, а 90, как уже отмечалось, передавались на завод № 23²⁸. Однако 11 сентября 1941-го для завода № 47 была установлена новая программа: количество УТ-2 увеличивалось со 110 до 140, а УТ-3 снижалось до 8²⁹.

К середине 1940 года в напряжённый и без того план развития авиапромышленности были внесены очередные существенные коррективы, вызванные сведениями о большом превосходстве германского авиавыпуска над нашим. Ставка советского руководства была сделана на авральное, можно сказать, расширение авиаиндустрии со значительным увеличением производственных мощностей³⁰.

Целый ряд правительственных постановлений в области авиации касался и ленинградских предприятий. Так, решением Политбюро ЦК ВКП(б) № П19/96-ОП от 26 июля 1940 года утверждалось Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об организации производства боевых самолётов и авиадвигателей в Ленинграде»³¹. В соответствующем приложении к нему предписывалось создать в Ленинграде к 1 января 1942-го такие мощности по самолётостроению, которые смогли бы обеспечить годовой выпуск 1000 ближних бомбардировщиков ББ-22, 1500 истребителей И-301, 1500 бронированных штурмовиков БШ; кроме того, 10 И-301, 10 БШ, 10 ББ-22 в 1940-м и 500 И-301, 600 БШ, 600 ББ-22 в 1941 году. В связи с этим авиазаводу № 23 предстояло переключиться на выпуск И-301, а на базе завода имени Каракозова — ЦС Осоавиахима и нового корпуса завода «Лентекстильмаш» создать предприятие по производству учебных самолётов У-2 в количестве: 1940 год — 100, 1941-й — от 1500 до 2500 машин (к 1 января 1942 г.).

На выпуск боевых машин переориентировывались многие ленинградские предприятия, например вагоноремонтный завод (ВАРЗ) Ленсовета — на производство ББ-22. Также развёртывались мощности по моторостроению, причём

на них предписывалось изготовить: в 1940 году 10 авиадвигателей М-105, в 1941-м — 2000, а к 1 января 1942-го достичь возможности производить их до 5000 единиц в год³². Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) № П20/285-ОП от 25 сентября 1940 года утверждался ряд решений по вопросам Комитета Обороны, в частности о материально-техническом обеспечении производства авиадвигателей М-105 на заводе № 234 Наркомавиапрома³³.

Особо важным явилось решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П21/100-ОП от 8 октября 1940 года, утвердившее Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О строительстве в Ленинграде второго авиадвигательного завода»³⁴. В соответствующем приложении к нему на наркома авиапромышленности А.И. Шахурина возлагалось обязательство создать в Ленинграде вторую производственную базу (кроме переданного НКАП завода № 234) по выпуску авиационных двигателей типа М-105 мощностью в 5000 штук в год при двухсменной работе, восьмичасовом рабочем дне и семидневной неделе. Срок окончания работ и пуска первой очереди производства определялся первым кварталом 1942 года с выходом на полную мощность в четвёртом квартале. Для строительства авиадвигательного завода на ст. Сапёрной из резервного фонда СНК предписывалось выделить 40 млн рублей³⁵.

Не менее значимым было и решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П21/46-ОП от 2 октября 1940 года, которое утвердило Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об увеличении дальностей истребителей и постановке их производства на заводах». Пятый пункт этого документа касался завода № 23 и обязывал наркома авиапромышленности А.И. Шахурина, а также директора завода П.В. Фролова «ограничить выпуск самолётов И-301 5 машинами к 1 января 1941 года для проверки этого самолёта на войсковых испытаниях», а с января перейти «на производство самолётов И-26 улучшенных». Восьмой пункт данного постановления обязывал А.И. Шахурина и директора завода № 380 С.С. Баринаева приступить тогда же, с января 1941-го, к производству «двухмоторного истребителя конструкции тов. Яковлева А.С.»³⁶.

9 октября 1940 года исполнители получают очередное конкретное предписание: во изме-

Таблица 2

Программа выпуска самолётов на 1941 год по заводам НКАП СССР в г. Ленинграде

Завод	Тип самолёта	Количество выпускаемых машин				Итого за год
		I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	
23	ЛаГГ-3	60	100	150	200	510
47	УТ-2	115	140	165	180	600
380	Як-4	10	50	100	140	300
381	Ил-2	10	50	90	150	300
387	У-2	150	250	400	500	1300
387	С-2	100	100	—	—	200
Всего	Все типы	445	690	905	1170	3210

Составлена по: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 30. Л. 102.

Таблица 3

Соотношение выпуска самолётов в Ленинграде
в 1940 году с их общесоюзным производством

Тип самолёта	Заводы	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	За год
АП	23	71	54	0	0	125
С-2	23	0	6	181	178	365
У-2	23	230	242	0	0	472
УТ-2	23	66	111	70	136	383
УТ-1	47	1	0	0	0	1
УТ-2	47	44	66	0	55	165
У-2	387	0	0	0	50	50
На авиазаводах Ленинграда		412	479	251	419	1561
Всего небоевых в СССР		422	594	528	690	2234
Всех типов в СССР		2000	3319	2216	3030	10 565

Составлена по: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 3228. Л. 13 об., 14.

нение постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 2 октября 1940 года о постановке на серийное производство на заводе № 23 И-26 подготовить на этом предприятии серийный выпуск И-301 с дальностью полёта в 1000 км на 0,9 максимальной скорости³⁷.

В декабре для ленинградских авиапредприятий была составлена программа на следующий год (см. табл. 2), однако и она не была окончательной. Так, решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1941 года утверждалось Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О снятии с производства самолёта Як-4 и постановлении на производство Ил-2 на заводе № 380»³⁸.

Итоги деятельности ленинградских авиапредприятий за 1940 год отражены в табл. 3.

В объяснительной записке к отчёту НКАП за отражённый в табл. 3 период отмечалось: «Работа самолётостроительных и моторных заводов в 1940 году протекала в условиях внедрения на большинстве заводов новых типов самолётов и моторов, переход на выпуск более мощных и модифицированных моторов, а также к подготовке к запуску в серийное производство новых, ещё более современных типов самолётов и моторов». При этом подчёркивалось, что «авиационная промышленность не имела твёрдой годовой программы в натуре»³⁹. В этих условиях неизбежно происходило или снижение

выпуска авиатехники, которая уже находилась в производстве, или же возникали затруднения с постановкой в серию её новых модификаций.

Решать эти совпадавшие по времени диаметрально противоречивые задачи было физически невозможно. Так, в материалах по годовому отчёту 6-го управления ГУ ВВС РККА за 1940 год сообщалось о выполнении заводом № 23 программы за первое полугодие по С-2, У-2, УТ-2. Однако спустя непродолжительное время ситуация оценивалась по-иному: «Во втором полугодии заказа на поставку 800 самолётов У-2 завод не принял, мотивируя тем, что НКАП дал указание заводу переключиться на изготовление самолёта И-301. По этой же причине завод недовыполнил годовую программу по С-2 и УТ-2»⁴⁰.

Как следует из табл. 3, хотя в городе на Неве по-прежнему производилась основная часть небоевых самолётов общесоюзной авиационной программы, всё же доля учебных машин «ленинградской генерации» составляла чуть более 10 проц. общего числа произведённых в стране самолётов всех типов, что означало двукратное относительное снижение этого показателя по сравнению с аналогичным соотношением 1939 года. В абсолютных цифрах это выглядело так: в тот год в Ленинграде было изготовлено учебных машин больше, чем выпустили небо-

Таблица 4

Производство самолётов в Ленинграде
в первой половине 1941 года

Номер завода	Тип самолёта	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Выпуск за 1-е полугодие
23	ЛаГГ-3	—	1	4	5	10	7	27
23	С-2	—	—	—	3	2	—	5
387	С-2	—	—	—	—	—	1	1
387	У-2	68	78	112	130	137	129	654
23	УТ-2	—	5	—	—	—	—	5
47	УТ-2	35	40	43	48	61	75	302
Итого всех типов		103	124	159	186	210	212	994

Составлена по: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 3228. Л. 14 об., 15, 17 об., 18.

евых самолётов всех типов в следующем году предприятия всей страны. Создавшееся положение отражало общие тенденции перестройки авиапрома СССР и означало, что резкий рост военной авиации происходит за счёт снижения выпуска всех прочих категорий самолётов, в том числе и за счёт недополучения учебных машин.

Впрочем, те же тенденции происходили и в Германии. Если в «Плане поставок № 15», принятом 1 сентября 1939 года, производство учебных машин составляло 22 проц., то в «Плане поставок № 18», утверждённом 10 июля 1940-го, — только 10, а в «Поправке к плану 19/2Б» (принят 15 марта 1941 г.) и того меньше — 9 проц. Таким образом, всего за полтора года запланированный удельный вес учебных самолётов снизился в 2,5 раза. Тем самым создавались предпосылки для обострения проблемы обучения нового пополнения для люфтваффе и снижения уровня подготовки авиационных кадров⁴¹.

По подсчётам А.Н. Щербы, в начале 1939 года в Ленинграде работало два авиазавода, подведомственных НКАП, а к началу Великой Отечественной войны здесь было развёрнуто уже 14 предприятий НКАПа, включая собственно самолётостроительные и авиаремонтные⁴².

Подводя итоги предвоенной перестройки по расширению и усилению эффективности ленинградского авиапрома, можно отметить, что даже в существовавших планах не предусматривался крупномасштабный выпуск самолётов нового поколения в первом полугодии 1941 года, то есть в период начавшихся боевых действий, а практические результаты оказались ещё более скромными (см. табл. 4).

До начала войны заводами № 380 и 381 не было сдано ни одного штурмовика Ил-2, а выпуск ЛаГГ-3 составил неполных три десятка. За первое полугодие 1941-го на авиамоторном заводе № 234 удалось собрать 71 двигатель М-105 нескольких модификаций⁴³. Примечательно, что согласно пункту 17 протокола последнего предвоенного совещания заместителей наркома авиационной промышленности от 16 июня 1941 года, первым в повестке дня очередного заседания коллегии, намеченного на 23 июня, был включён вопрос: «Работа заводов № 380 и № 381 по подготовке производства к выпуску самолётов Ил-2». В числе докладчиков значились Ленкин, Филимончук, Жуков⁴⁴.

После нападения Германии практически сразу же началась подготовка к эвакуации самолётостроительных ленинградских предприятий, а главным их вкладом в оборону страны явился выпуск в первом полугодии 1941 года около 1000 учебных машин старых конструкций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8418. Оп. 23. Д. 2. Л. 11; Минаев П.П. Военная авиаиндустрия Ленинграда в 20—30-е годы XX века // Воен.-истор. журнал. 2005. № 12. С. 41.

² Подсчитано по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8044. Оп. 1. Д. 411. Л. 51.

³ В состав Первого (самолётостроительного) Главного управления НКАП помимо прочих предприятий в 1939 г. входили и 15 заводов сухопутного самолётостроения.

⁴ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2754. Л. 12, 14.

⁵ Гугля Ю. Сага о небесном тихоходе. Глава I // Авиация и время. 2002. № 5. С. 8—11.

⁶ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2808. Л. 7 об., 8.

⁷ Там же. Л. 13 об.

⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35084. Оп. 1. Д. 196. Л. 152, 164, 175.

⁹ Подсчитано по: РГВА. Ф. 29. Оп. 42. Д. 51. Л. 312.

¹⁰ Самарский филиал Российского государственного архива научно-технической документации (РГАНТД). Ф. 4. Оп. 1-6. Д. 10. Л. 22.

¹¹ Иванов В.П. Самолёты Н.Н. Поликарпова. М., 2004. С. 104, 105.

¹² Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-61. Оп. 7. Д. 81. Л. 17 об.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 30. Л. 59.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 1724. Л. 20/2.

¹⁵ Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940—1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. М.; СПб., 2005. С. 240, 242; 1941 год. Документы: В 2 кн. / Под ред. Наумова В.П. Кн. 2. Апрель—декабрь 1941 года; Сост. Решин Л.Е. и др. М., 1998. С. 621.

¹⁶ Иванов В.П. Указ. соч. С. 101.

¹⁷ Котельников В.Р. Семейство самолётов Р-5. М., 2005. С. 56.

¹⁸ РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 429. Л. 5, 6, 9.

¹⁹ Народная Республика Танганья — Тува была образована в августе 1921 г., с 1930 г. официально именовалась Тувинской Аратской Республикой, а 13 октября 1944 г. вошла в состав СССР на правах автономной области РСФСР (см.: Бурков В.Г. Государственная геральдика и вексиллология: Россия, СНГ, Европа, Америка. Научно-справочное издание. СПб., 2004. С. 62, 63).

²⁰ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 192. Л. 117.

²¹ Иванов В.П. Указ. соч. С. 99.

²² Минаев П.П. Военная авиаиндустрия Ленинграда в 20—30-е годы XX века. С. 45.

²³ Минаев П.П. Восстановление и развитие авиационной промышленности Ленинграда в 20—30-е годы XX века. СПб., 2004. С. 31.

²⁴ Самолётостроение в СССР 1917—1945 гг. / Костырченко Г.В., Бюшгенс Г.С. и др. Под ред. Г.С. Бюшгенса. М., 1994. Кн. II. С. 237.

²⁵ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 3228. Л. 13 об., 17 об.

²⁶ 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 492, 493; Кроме отмеченных особенностей нуждается в исправлении и ссылка на источник. На с. 495 указано: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 3228. Л. 15—17; в действительности же фрагмент опубликованной рукописи начинается не с л. 5, а с л. 14 об.

²⁷ Сведения о фактическом распределении по ведомствам построенных в 1939 г. самолётов У-2, СП и АП ранее публиковались с указанием соответствующего источника: Иванов В.П. Самолёты Н.Н. Поликарпова. С. 101.

²⁸ Там же. Л. 21, 22.

²⁹ Там же. Л. 182.

³⁰ Подробнее об этом см.: Степанов А.С. Развитие советской авиации накануне Великой Отечественной войны (1939 — первая половина 1941 г.). СПб., 2006. С. 143—185.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 28. Л. 58.

³² Там же. Л. 91, 92.

³³ Там же. Д. 29. Л. 14.

³⁴ Там же. Л. 129.

³⁵ Там же. Л. 161, 162.

³⁶ Там же. Л. 125, 126.

³⁷ Там же. Л. 129, 130.

³⁸ Степанов А.С. Указ. соч. С. 69.

³⁹ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2775. Л. 13.

⁴⁰ РГВА. Ф. 29. Оп. 56. Д. 182. Л. 1, 8, 9.

⁴¹ Vajda F.A., Dancey P. German Aircraft Industry and Production 1933—1945. Shrewsbury, England: Airlife Publishing Ltd, 1998. P. 110, 112.

⁴² В подсчёте не учитывались кооперировавшие в ленинградской авиаиндустрии предприятия и спецшеха других наркоматов, занимавшихся выпуском отдельных деталей, приборов и механизмов для авиапрома (см.: Щерба А.Н. Военная промышленность Ленинграда в 20—30-е годы. СПб., 1999. С. 130).

⁴³ Подсчитано автором по: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 3228. Л. 30 об.

⁴⁴ 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 378, 380.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ПО ФОРМИРОВАНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ВОЙСК

По опыту военных кампаний 1805, 1806—1807 гг.

СНАЧАЛОМ XIX века агрессивные устремления Франции становились всё очевиднее. Осуществляя захватнические действия, её лидер Наполеон расширял сферу своего политического и экономического влияния в Европе. В данных обстоятельствах Российская империя не могла и не хотела оставаться в стороне от тех событий, которые происходили на международной арене. Вместе с тем российское правительство, несмотря на предпринимаемые дипломатические усилия, не смогло найти мирных путей для разрешения европейских противоречий, вследствие чего Россией с 1803 года окончательно был взят курс на создание военных коалиций и вооружённое противостояние французской агрессии.

Приняв соответствующее решение, император Александр I распорядился о проведении в течение 1803—1805 гг. ряда мероприятий, позволивших создать на западных границах страны группировку войск, находившуюся в постоянной боевой готовности¹. Поставив целью скорейшее заключение союзного договора с Австрией о совместных военных действиях против наполеоновской армии, он взял на себя обязательство перед австрийской стороной выставить в случае войны большую группировку войск. В своём послании от 25 апреля 1804 года послу в Вене А.К. Разумовскому Александр I просил дипломата довести до сведения австрийского правительства, что им предприняты неотложные меры для создания на западной границе группировки военных сил из 100 тыс. человек, которые будут в скором времени поддерживаться «в полном боевом составе и постоянной готовности к действиям на благо общего дела»². В этом же документе император отметил, что он также планирует усилить до 10 тыс. человек «корпус, размещённый на Семи островах», который, «занимая столь важную позицию, сможет оказать большие услуги как для защиты Греции от каких-либо посягательств, так и для содействия, когда наступит время, диверсии в Южной Италии»³.

В процессе дальнейшего ведения переговоров об условиях подписания союзного соглашения австрийской стороной было выдвинуто требование о включении в объединённые вооружённые силы группировки русских войск в составе не менее 150 тыс. человек⁴. Согласившись с этим после окончательно решения об участии России в составе 3-й

антинаполеоновской коалиции, Александр I приказал увеличить количество войск на западном направлении и создать ударные группировки. 7 июня 1805 года императору на рассмотрение поступила «ведомость временным квартирам, назначаемым для полков для сближения их к границам»⁵. Спустя месяц были высочайше утверждены представленные ему предложения по формированию на западной границе Подольской (58 101 человек), Волынской (48 339 человек), Литовской (56 627 человек), Северной (48 037 человек) армий и десантного корпуса (19 452 человек). Расположение последнего было максимально приближено к основному российским портам в бассейне Балтийского моря (Санкт-Петербург, Кронштадт, Ревель, Рига)⁶.

Исполняя взятые на себя обязательства и формируя экспедиционные силы, Александр I зачастую лично отдавал приказы командирам полков о включении их частей в состав ударных войск. Подтверждением этому является секретный рескрипт императора командиру Малороссийского кирасирского полка генерал-лейтенанту князю А.Н. Ромодановскому-Ладыженскому, в котором было предписано «приготовить на походную ногу» вверенную ему воинскую часть, «дабы в случае повеления о выступлении в поход мог оный выйти из ныне занимаемых квартир в 24 часа и следовать немедленно в предназначенный марш»⁷.

Большую озабоченность проявлял государь о том, какую позицию займёт Пруссия в случае начала совместных действий австро-прусских сил против наполеоновских войск. Он имел достаточно оснований полагать, что в этой ситуации прусские войска могут выступить на стороне Франции. Насколько были оправданы эти опасения, можно судить по его инструкции, отправленной генералу Ф.Ф. Винцингероде 16 января 1805 года. В ней император отмечает, что на территории Пруссии, граничащей с Российской империей, «производятся военные приготовления», которые выражаются в дополнительных закупках зерна для пополнения провиантских складов и в приведении прусских полков в состояние готовности «к походу через 6 недель»⁸.

Для предотвращения нежелательных действий со стороны прусской армии император был вынужден принять меры по формированию резервного корпуса «против Пруссии»

общей численностью 13 729 человек. В то же время для безопасности южных границ от возможной агрессии со стороны Османской Порты император утвердил решение о создании ещё одного резервного корпуса «против Молдавии» в составе 19 752 человек⁹.

Создав крупные ударные группировки, Александр I был в значительной степени уверен, что с помощью этих сил сможет достаточно удачно противостоять наполеоновской армии. Однако дальнейший ход исторических событий опроверг его предположения.

Обозначившийся с началом XIX века переход в военном искусстве к новой тактике потребовал абсолютно нового подхода к боевому управлению войсками и их оптимальному организационному устройству. Именно по этому увеличению численности войск уже не могло оказывать существенного влияния на боеспособность русской армии. Создававшиеся корпуса не имели определённой, постоянной и логичной структуры, вследствие чего отсутствовали необходимые элементы боевой слаженности, которые являлись важным критерием боеготовности любой армии в новых условиях ведения войны.

Данный недостаток серьёзно отразился на кампании 1805 года. Говоря о нём, А.П. Ермолов как непосредственный участник битвы при Аустерлице определил, что главная причина поражения русской армии — это отсутствие связи и взаимодействия¹⁰. Крупные просчёты были предопределены организационным устройством войск, которые перед началом Аустерлицкого сражения находились в самом различном сочетании¹¹, а многие полки были разделены и входили в состав нескольких частей боевого порядка одновременно. «По существу это были не строго организованные войсковые механизмы, а лишь механически соединённые группы войск, — сетовал боевой генерал. — В таких условиях трудно было обеспечить взаимодействие различных родов войск, оперативность в их управлении, тесную связь между начальниками и подчинёнными им войсками»¹².

В дальнейшем известный военный теоретик генерал от инфантерии Г.А. Леер увидел главную причину неудачи в отсутствии единого главного командования. По его наблюдениям, власть главнокомандующего армией при Аустерлице принадлежала одновременно трём лицам: генералу от инфантерии М.И. Кутузову, исполнявшему обязанности лишь номинально, Александру I, предпринимавшему попытки командовать войсками, но не бравшему при этом на себя соответствующих обязательств, австрийскому генералу Ф. Вейротеру, составителю плана сражения¹³.

Подобной точки зрения придерживались и другие исследователи¹⁴, что спустя много лет послужило основанием для многих отечественных историков обвинить в просчётах и неудачах императора Александра I. Тот, по

их мнению, движимый честолюбивыми намерениями, попытался подменить главнокомандующего русскими войсками М.И. Кутузова и тем самым привёл армию к сокрушительному поражению. При этом они однозначно утверждали, что сам Михаил Илларионович не только был против сражения, но фактически не управлял войсками ни при расстановке их в диспозиции перед началом боевых действий, ни в ходе битвы.

В противовес данному мнению целесообразно отметить, что решение об Аустерлицком сражении было принято военным советом, где главную роль играли австрийские генералы. Ведь по условиям союзного договора положение нашей армии было таковым, что при оказании военной помощи Австрии русские войска всецело поступали под австрийское руководство¹⁵. При этом позиция самого Венского двора заключалась в желании скорейшего заключения мира, дескать, одинаково возможного как при победе, так и при поражении. Следует также учитывать, что основу военной силы после капитуляции австрийцев при Ульме составляла армия России. Она-то и приносилась в жертву, тогда как жертвенность её ненадёжного союзника в случае военного фиаско была бы минимальной¹⁶.

Необходимо также подчеркнуть, что и сам Александр I находился в крайне щепетильном положении, в котором созданная его усилиями коалиция (при согласии Пруссии выделить 170 000 человек своих войск) могла развалиться от любого несогласованного с союзниками действия¹⁷. В этой связи русский император был вынужден действовать в угоду позиции австрийского военного командования, которое единолично принимало решение о сражении и самостоятельно составляло его план.

После 1805 года Александр I кардинально пересмотрел свои взгляды относительно многих вопросов, касающихся устройства русской армии в целом и военного управления в частности. Сразу же после возвращения из Австрии в Санкт-Петербург он учредил специальный военный совет, в состав которого были включены фельдмаршалы князь Салтыков и граф Каменский, генералы Кутузов, Вязмитинов, Ласси и Сухтелен, граф Толстой, морской министр адмирал Чичагов¹⁸. Данное распоряжение послужило началом процесса совершенствования организационной структуры войск, поскольку новому органу было высочайше предписано как можно скорее привести армию в боеготовое состояние путём изыскания «способов к удобнейшему составлению новых войск»¹⁹. Главным результатом деятельности совета стало то, что в войну 1806—1807 гг. русская армия вступила с более совершенной организационной структурой. В соответствии с ней полк переставал являться единственной тактической единицей армии, сформированной на постоянной основе. По распоряжению

Александр I

Александра I от 6 февраля 1806 года все воинские части были сведены в дивизии, которые получили устойчивую структуру, сохранявшуюся не только в военное, но и в мирное время²⁰. В данных соединениях равномерно сочетались пехотные и кавалерийские полки. Также в их состав были включены артиллерийские бригады, образованные 23 августа 1806 года в соответствии с повелением императора.

Проведённые преобразования существенно изменили общую систему управления войсками и благоприятно отразились на боевой слаженности частей и подразделений. Стройная иерархическая структура подчинённости дивизионных, бригадных и полковых начальников повысила боеспособность русской армии, что позволило ей более успешно действовать в войне на территории Восточной Пруссии.

Для участия в прусском походе в соответствии с расписанием, утверждённым Александром I, были сформированы три экспедиционных корпуса: под командованием генерала от кавалерии Л.Л. Беннигсена (60 тыс. человек), генерала от инфантерии Ф.Ф. Буксгевдена (40 тыс.) и генерал-майора П.К. Эссена (22 тыс.). Особую озабоченность у императора вызывал вопрос о назначении главнокомандующего данными силами. Руководствуясь мнением большинства передовой общественности того времени, государь поручил командование всеми экспедиционными силами генерал-фельдмаршалу М.Ф. Каменскому. При этом необходимо отметить, что Александр I после поражения русской армии в битве при Аустерлице существенно изменил свой взгляд на роль главнокоманду-

ющего в управлении войсками. Это видно из его рескрипта от 10 ноября 1806 года, по которому графу Каменскому высочайше вручали «славу русского оружия, безопасность империи и спокойствие» царских подданных, а также предоставляли право неограниченной власти над войсками. Однако император, назначая его на столь престижную должность, как иронизировал впоследствии по этому поводу граф К.В. Нессельроде, «не совсем охотно сдавался» на такое решение. Дальнейшие события показали, что в своих сомнениях Александр I был абсолютно прав.

Пробыв при армии, находившейся в Восточной Пруссии, шесть дней, М.Ф. Каменский самовольно оставил подчинённые ему войска, из-за чего пришлось в срочном порядке да ещё и при усложнившейся обстановке искать ему замену. В письме дежурному генералу графу П.А. Толстому от 15 января 1807 года император пожаловался на «затруднительное положение», в котором оказался. Рассматривая кандидатуры «Михельсона, Григория Волконского из Оренбурга, Сергея Голицина, Георгия Долгорукова, Прозоровского, Мейендорфа, Сухтелена, Кнорринга», он, по его признанию, ни в одном из названных лиц не видел «человека, пользующегося всеобщим доверием, который соединял бы военные дарования с необходимой строгостью в деле командования»²¹.

Сделать окончательный выбор помог сам ход событий, разворачивавшихся в Восточной Пруссии. После удачных действий русских войск при Пултуске на должность главнокомандующего экспедиционными силами был назначен генерал от кавалерии Л.Л. Беннигсен, успешно руководивший войсками в этом сражении. Вместе с тем Александр I испытывал по отношению к новому назначенцу глубокую антипатию, вызванную причастностью генерала к заговору, в котором, по мнению многих исследователей, и сам был замешан, соблазнившись на возможность сменить отца (Павла I) на троне. Так или иначе, но, даже вознося по должности Беннигсена, Александр заявлял, что «победами при Пултуске и Эйлау мы обязаны не ему и его мнимым талантам, а единственно доблести наших войск»²².

При рассмотрении деятельности Александра I, которая была направлена на укрепление русских экспедиционных сил, особого внимания заслуживают предпринимаемые им меры по продовольственному обеспечению войск, принимавших участие в австрийском и прусском походах. Так, ещё в период подготовки русской армии к войне 1805 года он, осознавая экономические и финансовые сложности, вызванные необходимостью ведения боевых действий за пределами государства, при подписании союзного договора с Австрией настаивает на взятии австрийской стороной твёрдых обязательств по снабжению русских войск

продовольствием²³. Не ограничившись этой мерой, приказывает создать на западной границе, в районе сосредоточения войск, принимавших участие в австрийском походе, дополнительные запасы, состоящие из 61 038 четвертей* муки, 5880 крупы, 81 847 овса²⁴. Русское военное руководство предполагало, что в случае необходимости указанной продовольствия должно хватить не менее чем на два месяца.

Однако предпринятые шаги оказались бесполезны. Австрийское правительство только на первом этапе войны выполняло взятые на себя обязательства. В дальнейшем, после поражения австрийских войск при Ульме, снабжение русских войск продовольствием было прекращено. В этой ситуации, руководствуясь крайней необходимостью, Александр I повелел выделить из казны 100 тыс. червонцев, которые должны были использоваться для закупки продуктов у местного населения²⁵. Несмотря на значимость денежной суммы, проблему снабжения армии провиантом до конца решить так и не удалось.

Как показал дальнейший ход событий, полностью извлечь полезные уроки из столь почетной обстановки Александр I не сумел, и при подготовке русских войск к войне в Восточной Пруссии, с которой Россия заключила союз в борьбе против Наполеона, были вновь допущены значительные просчёты в планировании продовольственного снабжения. 5 июля 1806 года на военном совете он утвердил операционный план войны с Францией на прусской территории, которым, как и при организации похода в Австрию, предусматривалось обеспечение наших сил продуктами питания за счёт союзной стороны²⁶. Правда, опасаясь повторения австрийского сценария, приказал приступить 17 августа к формированию у западной границы России продовольственных запасов на случай чрезвычайной необходимости²⁷. Опасения оказались не напрасными: после того, как прусская армия потерпела поражение при Йене и Ауэрштедте и Наполеон оккупировал значительную часть Германии, прусское правительство перестало проявлять договорную заботу о союзных войсках, вынужденно перешедших в который раз на самостоятельный прокорм.

Тут-то и вскрылась непродуманность затеи с созданием у западной границы дополнительных продовольственных складов без предварительного закрепления за ними средств доставки продуктов к войскам. Да и сами пункты снабжения были расположены на достаточно большой площади и находились на значительном удалении друг от друга. Также выяснилось, что созданный запас продовольствия из-за недостатка выделенных казной денег был сформирован только на 75 проц. предписанного распоряжением императора количества.

* Старая русская мера сыпучих тел, содержащая в себе 8 четвериков (около 210 л).

Стремясь как можно скорее исправить положение, Александр 25 апреля 1807 года дал указание об учреждении армейского подвижного магазина, одновременно обязав губернатора Малороссии князя А. Н. Куракина купить и доставить в Гродно 1 тыс. пароволовых фур при 1020 погонщиках²⁸.

Проведённое по императорскому приказу разбирательство с целью установления истинной причины неполного заполнения складов продовольствием показало, что субсидируемой суммы не хватило из-за завышенной стоимости закупленных продуктов²⁹. При этом, как выяснилось, военные чиновники интендантской службы умышленно производили закупку на невыгодных условиях. Осуждая их действия, Александр I с горечью и негодованием отметил, что «с жадными поставщиками делали они сие хищение и возвышением цен на все припасы увеличивали непомерно все расходы, истощая казну»³⁰. Находясь 28 июля 1807 года в Тильзите и подводя итог войны 1806—1807 гг., он дал крайне низкую оценку деятельности комиссариатского и провиантского департаментов, которые, по его заключению, «во время продолжавшейся между Российской империей и Францией войны... не исполнили обязанностей своих в снабжении и пропитании армии»³¹, вследствие чего «храбрые войска наши часто терпели недостаток и нужду»³².

Наказание, которому подверг Александр I провинившихся военных чиновников, было достаточно суровым для того времени. Сразу же после окончания прусского похода все служащие провиантских и комиссариатских ведомств по высочайшему указу были лишены офицерских званий.

Вместе с тем следует отметить, что перед началом войны 1806—1807 гг. структура системы военно-хозяйственного обеспечения претерпела серьёзные изменения. Начавшаяся её трансформация была вызвана реорганизационными преобразованиями, происходившими в армии. Создание в 1806 году постоянных дивизий как крупных соединений, сочетавших в себе возможности использовать все виды оружия, поставило вопрос о поиске новых подходов для повышения качества продовольственного снабжения войск. Для решения этой проблемы Александром I было принято решение о перераспределении функций интендантского департамента из центра на места. 4 июля 1806 года он повелел, чтобы «при каждой дивизии быть особенным комиссариатской и провиантской комиссиям»³³, способным обеспечить «продовольствие и снабжение всем подлежащим той дивизии»³⁴. В соответствии с императорским указом от 12 сентября 1806 года эти комиссии поступили в непосредственное подчинение дивизионных начальников³⁵.

Размещение в дивизиях интендантских органов позволяло объективно оценивать

ситуацию, связанную с обеспечением частей продуктами питания, и оперативно реагировать на её изменения. В свою очередь прямое подчинение сформированных комиссий командирам воинских соединений повышало ответственность интендантских служб за качество продовольственного обеспечения и давало возможность осуществлять дополнительный контроль над их деятельностью.

Участвуя в войнах 1805 и 1806—1807 гг., российская армия наиболее остро стала ощущать проблему обеспечения её частей и подразделений огнестрельным оружием в нужных количествах и с необходимыми боевыми качествами. Однако, несмотря на увеличение объёма отечественного оружейного производства, промышленных мощностей российских заводов не хватало для полного удовлетворения и этих потребностей русской армии. Александр I был вынужден прибегнуть к помощи Англии, которая в то время являлась мировым лидером в производстве огнестрельного оружия. В январе 1807 года он обратился к военному министру С.К. Вязмитинову с требованием сообщить министру иностранных дел барону А.Я. Будбергу о необходимости как можно скорей договориться о производстве в Англии 50 тыс. ружей.

Данному событию предшествовало донесение от 12 декабря 1806 года советника российского посольства в Лондоне барона П.А. Николаи, адресованное генерал-интенданту Д.П. Волконскому и впоследствии переданное на рассмотрение российскому императору. В нём дипломат сообщал о состоявшемся у него разговоре с одним из крупнейших бирмингемских промышленников, который предложил русскому правительству разместить заказ на производство огнестрельного оружия на английских оружейных заводах. Однако, предлагая возможность военно-технического сотрудничества, английский представитель предупредил русскую сторону о достаточно высокой цене за изготовление ружей по английским стандартам. Поэтому, согласившись на сделку, Александр I приказал Волконскому отправить барону Николаи образцы оружия, по которым в соответствии с договором английская военная промышленность должна была изготовить соответствующую партию ружей. Данный шаг помог не только избежать лишних финансовых затрат, но и соблюсти требование к унификации оружия, использовавшегося русской армией.

Вести переговоры с английским правительством о всех деталях договора Александр поручил специально назначенному для этого тайному советнику М.М. Лопеусу. Итогом деятельности последнего стала поставка в начале 1807 года первой партии ружей, изготовленных в Англии, в количестве 60 тыс. единиц. Они были доставлены в российский порт

Ревель на четырёх английских судах. Однако это событие уже не смогло оказать влияния на ход вооружённого противостояния России и Франции в войне 1806—1807 гг., так как сообщение о прибытии кораблей из Англии император получил 21 мая 1807 года, находясь в Тильзите и готовясь подписать мирный договор с Наполеоном.

Исследованные документы и факты достаточно убедительно раскрывают эволюцию взглядов на многогранные вопросы отечественного военного строительства. Тот же Александр I, пересмотрев многие подходы к организации и управлению русской армией, смог значительно усилить её боевые качества, опираясь на энергию и опыт предприимчивых деловых людей и военачальников, что впоследствии сыграло свою положительную роль в Отечественной войне 1812 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 679. Оп. 1. Д. 105. Л. 41—45.

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Собр. 1-е. Т. 2. С. 37.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 105. Л. 48.

⁶ Там же. Л. 1, 2.

⁷ Отдел политической истории Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 83. Оп. 2. Ед.хр. 1.

⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 2. С. 273.

⁹ ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 105. Л. 1, 2.

¹⁰ См.: Записки Алексея Петровича Ермолова. М., 1856. С. 40, 41.

¹¹ См.: М.И. Кутузов: Сборник документов. М., 1951. Т. 2. С. 218—220.

¹² Богданович Л.П. Русская армия в 1812 году. Организация, управление, вооружение. М., 1979. С. 36.

¹³ Леер Г.А. Прикладная тактика. СПб., 1870. С. 45, 46.

¹⁴ См., к примеру: Михеев С. История русской армии. Вып. 3. М., 1911. С. 36.

¹⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Полн. собр. соч. СПб., 1849. Т. 1. С. 137.

¹⁶ Там же. С. 139.

¹⁷ Там же. С. 140.

¹⁸ Там же. С. 194.

¹⁹ Там же. С. 195.

²⁰ См.: Редигер А.Ф. Комплектование и устройство вооружённых сил. 4-е изд. СПб., 1914. Ч. 2 (Организация армии). С. 83.

²¹ Цит. по: Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 2. С. 160.

²² Там же. С. 168.

²³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 567. Л. 12—69.

²⁴ Столетие Военного министерства. 1802—1902. СПб., 1903. Т. 4. Ч. 1. С. 173.

²⁵ Там же. С. 179.

²⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4409. Л. 1—3.

²⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1806. Л. 9—13.

²⁸ Там же. Д. 1335. Л. 1.

²⁹ Там же. Ф. ВУА. Д. 18138. Л. 1—7.

³⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 29. № 22542. С. 1208, 1209.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. № 22161. П. 21. С. 347.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. № 22269. С. 720, 721.

Майор Д.М. ШАРОВ

МИНСКИЙ ОРЕШЕК ДЛЯ ГЕРМАНСКОГО ЗУБА

В АВГУСТЕ 1915 года решением Ставки Верховного главнокомандования (СВГ) действующей русской армии¹ Северо-Западный фронт был разделён на два новых оперативно-стратегических объединения: Северный фронт во главе с генералом от инфантерии Н.В. Рузским, прикрывавший подступы к Петрограду, и Западный, командующим которым был назначен генерал от инфантерии А.Е. Эверт. Штаб вновь созданного Западного фронта обосновался в Минске. Относительная близость города к линии фронта требовала принятия безотлагательных мер по его защите, в том числе и создания противовоздушной обороны. В состав последней вошли так называемые противосамолётные батареи и команды² бывшей Варшавской крепостной артиллерии, ранее эвакуированные из Польши. Вскоре их усилили Отдельной автомобильно-зенитной батареей³ под командованием капитана В.В. Тарновского⁴, действовавшей до начала сентября 1915 года в районе г. Лиды.

Общее руководство обороной от воздушного нападения (наземными средствами) г. Минска было возложено на полковника фон Н.М. Эндена⁵. По его поручению капитан В.В. Тарновский в короткий срок представил в штаб фронта (инспектору артиллерии) на утверждение структуру зенитно-артиллерийской обороны города. В частности, для создания единого светового поля в ночных условиях в границах Минска предлагалось разместить батарейные расчёты, вооружённые специальными зенитными прожекторами. В техническом отношении они подчинялись командиру прожекторной команды штабс-капитану Кутынцеву, в оперативном — начальнику ПВО города. По указанию полковника Н.М. Эндена противосамолётные батареи с прожекторами устанавливались возле Виленского и Александровского (Брестского) вокзалов, а также в районе кирпичного завода. Принятые меры оказались своевременными. Противник усилил своё давление на Минск, используя крупные военные дирижабли жёсткой конструкции — цеппелины, действовавшие исключительно в тёмное время суток. На пути их вероятного маршрута по приказу Н.М. Эндена выставлялись разведывательные, так называемые слежечные посты, под контроль взяли также воздухоопасные направления, особенно со стороны станций Кайданово и Изяславль, где противник имел полевые аэродромы. Силами слежечных постов было организовано круглосуточное дежурство по контролю за воздушной обстановкой в районе Минска. В дополнение к слежечным постам действовали и посты стражников, в задачи которых входило при обнаружении воздушного противника сообщать о нём пуском сигнальных светящихся ракет. При появлении ночью в небе дирижабля наблюдатель был обязан «пустить одну за другой 2 светящиеся ракеты вверх»⁶. Не исключалось и боевое применение ракет против цеппелинов, если высота их полёта не превышала одного километра.

Графический рисунок старого Минска

С первых дней существования противовоздушной обороны Минска противник начал проверять её на прочность. 16 октября германская авиация предприняла групповой налёт на город. Огнём зенитной артиллерии нападение удалось отбить, хотя враг успел сбросить 15 бомб. Последующие налёты благодаря действиям ПВО также не принесли противнику особого успеха. В начале 1916 года ранее созданный противосамолётный дивизион перестроивается в сводный дивизион отдельных лёгких батарей для стрельбы по воздушному флоту во главе с полковником фон Энденом⁷. Помимо обороны города и его ближних окрестностей дивизион должен был обеспечивать прикрытие наиболее важных военных объектов, включая здание штаба Западного фронта⁸. Для этого из состава 3-й Отдельной лёгкой батареи, имевшей ещё один противовоздушной обороны Варшавы, было выделено несколько орудийных расчётов, занявших оборудованные позиции вокруг здания штаба.

Надо, однако, отметить, что наличие в городе достаточных зенитных средств не спасало от налётов германской авиации, хотя она и несла определённые потери.

Пользуясь отсутствием самолётов истребительного типа в Западной армии, немецкие лётчики почти ежедневно бомбили город и его окрестности. Часто целями становился автомобильный и железнодорожный транспорт. Так, в ходе одного из налётов получил тяжёлую контузию помощник генерал-квартирмейстера штаба фронта полковник А.А. Самойло⁹. Часто подвергался ударам с воздуха и минский железнодорожный узел, через который на фронт шли воинские эшелоны. С целью помешать прицельному бомбометанию В.В. Тарновский предложил новый способ ведения стрельбы — заградительный огонь. Идея создания «зенитной завесы» на пути следования вражеских аэропланов стала существенным шагом в дальнейшем совершенствовании противовоздушной обороны, ибо она практически лишала противника возможности действовать большими силами. 19 октября 1915 года подчинённые Тарновского, применив заградительный огонь,

успешно отразили налёт 9 немецких самолётов. Хотя расход снарядов был довольно большим — более 250 единиц, противник так и не смог прорваться к центру города¹⁰. Вот что об этом писал тогда популярный российский еженедельник «Летопись войны»: «Германские воздушные миноноски не могли побороть наш огонь и бросить бомбы далее окраины этого города»¹¹.

Однако даже такого частичного успеха немцам вскоре стало добиваться весьма трудно из-за того, что русское командование расширило зону обстрела путём вывода части зенитных батарей за границы Минска. Тогда противник стал чаще использовать ночные налёты дирижаблей. Каждый нёс на своём борту бомбовый запас до 1000 кг. 3 апреля 1916 года очередной цеппелин, прилетевший со стороны г. Барановичи, атаковал платформу Козырево, по ошибке приняв её за Александровский вокзал. Аэронавты сбросили на платформу до 200 кг бомб. По свидетельству очевидцев, диаметр воронки от такой бомбы был порядка 3,5 м, глубина — более 2 м. К сожалению, русские зенитные батареи, хотя и предупреждённые о возможном налёте, из-за плохой погоды и технических неполадок не смогли оказать противнику надлежащего отпора¹².

К ВЕСНЕ 1916 года в составе ПВО г. Минска произошли некоторые изменения. 1-я Отдельная автомобильная зенитная батарея убыла в г. Двинск в распоряжение командующего 5-й армией Северного фронта¹³. Вместо неё из Франции ожидалось прибытие одноорудийной зенитной автомобильной батареи с 75-мм пушкой под командой лейтенанта Вильяема.

Усиливался и авиационный парк противника. По докладам наблюдателей, в районе Минска всё чаще стали появляться самолёты новейших конструкций, способные одновременно решать разведывательные и бомбардировочные задачи, а также дирижабли больших размеров, снабжённые «орудиями, пулемётами и шведскими воздушными минами (торпедами) Унге. Экипаж таких гигантов достигал 40 человек»¹⁴.

Для эффективной борьбы с ними требовались иные способы стрельбы и более совершенное артиллерийское вооружение. Но возможности оборонного комплекса Российской империи оказались крайне ограничены. Выручали, как всегда, смекалка и новаторские идеи русских военных специалистов. Например, несовер-

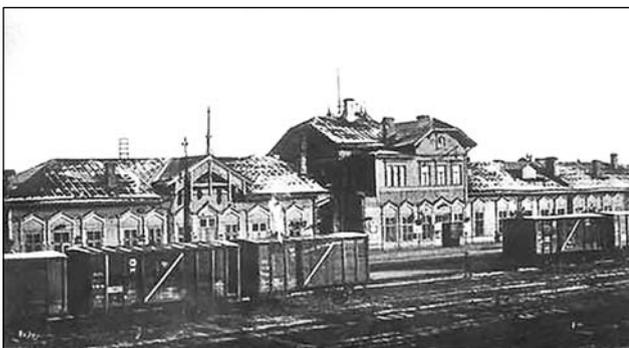
шенство орудийной установки системы прапорщика Лабзина, заключавшееся в медленных темпах стрельбы, вынудило командира 2-й Отдельной лёгкой зенитной батареи капитана А.К. Герштенцвейга¹⁵ поставить 76,2-мм пушки на специальные станки¹⁶.

Не отказывалось командование сводного зенитного дивизиона и от практики перехвата неприятельской авиации на пути её следования с помощью создаваемых «зенитных засад» (замаскированных орудийных расчётов) преимущественно вдоль дорог. В середине июня 1916 года командир 2-й Отдельной лёгкой батареи получил распоряжение выдвинуться к восточной окраине г. Минска с целью отразить возможный воздушный прорыв противника¹⁷. Однако немецкие самолёты, шедшие на высоте свыше 2500 м, оказались вне досягаемости нашей зенитной артиллерии¹⁸. Выручила 3-я батарея, стоявшая в районе Александровского вокзала. Когда неприятельская авиагруппа снизилась для бомбометания, она сразу попала под плотный огонь, что заставило немецких лётчиков повернуть назад¹⁹.

В начале июля германская авиация вновь предприняла групповой налёт на город, сбросив на выбранные цели более 30 бомб. Получили ранения 10 человек, из них двое детей²⁰.

Помимо г. Минска объектами воздушного нападения немецкой авиации всё чаще оказывались крупные железнодорожные узлы и населённые пункты прифронтовой полосы. В середине лета 1916 года бомбёжке подверглись станции Молодечно, Замирье, Несвиж, Полочаны, Маневичи и другие, являвшиеся важными транспортными артериями Западного фронта. Чаще всего противник бомбил станцию Замирье, через которую шёл основной транспортный поток. Вечером 25 июля 6 самолётов сбросили на станцию 32 бомбы. Защита Замирья была возложена на 2-ю Отдельную лёгкую батарею. 28 июля она отразила два воздушных налёта, а на следующий день удалось сбить два вражеских аппарата, что стало крупным успехом ПВО г. Минска. В журнале боевых действий 2-й Отдельной лёгкой батареи появилась запись: «Батарея получила известие, что один из аппаратов, обстрелянных 16(29) июля, упал вблизи д. Хвосво Александровской железной дороги, а другой, объятый пламенем, упал вблизи своих окопов»²¹. В ходе отраже-

Александровский (Брестский) вокзал

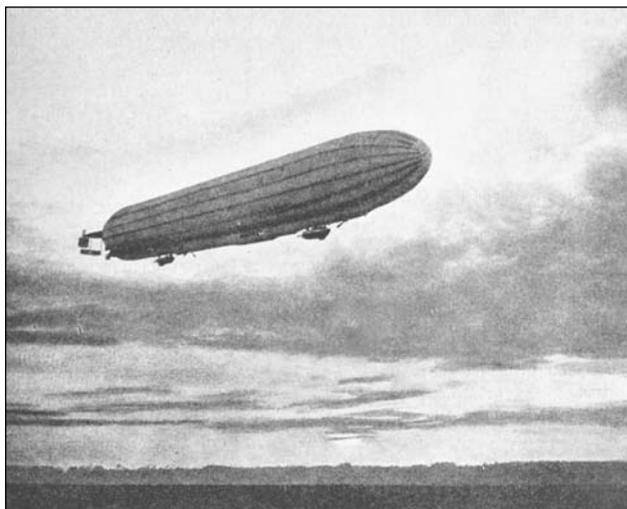

Соборная площадь г. Минска

Общий вид Виленского вокзала

Цеппелин в вечернем небе

ния налёта личный состав батареи выпустил по противнику свыше 320 снарядов, используя новый способ стрельбы по воздушным целям — стрельба по «квадранту». Противник попытался уничтожить батарею: утром 30 июля германский аэроплан типа «Альбатрос» атаковал её позиции, сбросив 3 бомбы, не причинившие, однако, батарее никакого вреда. 6 августа с изменением обстановки на фронте приказом инспектора артиллерии армий Западного фронта батарея капитана Герштенцвейга вернулась в состав ПВО г. Минска. Узнав об этом, противник возобновил бомбардировку станции.

Продолжались налёты германской авиации и непосредственно на Минск. К осени 1916 года возле города было сконцентрировано до 40 проц. всей зенитной артиллерии Западного фронта — преимущественно за счёт вновь формируемых противосамолётных подразделений²².

Борьба с неприятелем организовывалась при тесном взаимодействии с инспекцией авиации фронта и командованием 10-го авиационного дивизиона. Руководствуясь проектом «Наставления по применению авиации в войне» (1916 г.), наши лётчики создавали временные «воздушные завесы» на пути следования вражеской авиации. Все полёты над городом нашей авиации заранее согласовывались

с командованием сводного зенитного дивизиона. Посильную помощь ПВО г. Минска оказывало и руководство 3-го боевого отряда эскадры воздушных кораблей «Илья Муромец», расквартированного вблизи города. Своими рейдами тяжёлые бомбардировщики ослабляли воздушную группировку противника, методически разрушая её прифронтовую аэродромную сеть. Но, несмотря на это, немецкая сторона не снижала своей активности. В течение двух месяцев наблюдательными постами ПВО было зафиксировано до 15 одиночных и групповых налётов на Минск. Всё чаще противник пытался проникнуть в черту города с менее охраняемых направлений (северного и восточного). Командование сводного зенитного дивизиона было вынуждено постоянно менять дислокацию своих батарей и вести обстрел неприятельских самолётов шрапнелью и бризантными гранатами. За первую половину 1917 года только личным составом 2-й и 3-й Отдельных лёгких батарей по воздушным целям было выпущено 486 различных типов снарядов²³.

После Февральской революции боевая мощь ПВО г. Минска значительно ослабла. Всё чаще под угрозой оказывалось выполнение стоящих боевых задач. Наглядным примером стало проведение июльской общегородской манифестации на улицах города. С целью избежать неоправданных людских жертв в ходе возможного налёта немецкой авиации от осколков собственных снарядов командование сводного зенитного дивизиона вынуждено было ограничить деятельность своих батарей на все время политического мероприятия²⁴. На счастье митингующих, противник в этот день в небе города не появился.

В августе весь личный состав противовоздушной обороны г. Минска был приведён к новой военной присяге (клятвенному обещанию) Временному правительству. Но процесс демократизации, вызванный революционной волной в России, начал негативно сказываться на общем состоянии дел в подразделениях

Полевой аэродром немецкой авиации

Отдельная автомобильная зенитная батарея

дивизиона, включая организацию внутренней службы на местах. Всё чаще стали отмечаться случаи отказа нижних чинов выполнять приказы офицеров, а выборные солдатские комитеты практические подменили собой управленческие функции, внося своими необдуманными решениями настоящий хаос в ранее отлаженный механизм противовоздушной обороны.

К ноябрю 1917 года ПВО г. Минска продолжала оставаться в составе сводного дивизиона, включая 1, 2, 3-ю Отдельные лёгкие и 24-ю позиционную зенитные батареи²⁵.

Начавшийся в декабре процесс демобилизации русской армии охватил также и подразделения противовоздушной обороны. К середине февраля 1918 года сводный зенитный дивизион официально прекратил своё существование. Окончательно противовоздушная оборона Минска была ликвидирована с захватом 21 февраля немецкими войсками города и здания штаба русского Западного фронта. В качестве трофеев им достались незначительное количество лёгких полевых орудий и имущество 21-го корпусного авиаотряда²⁶. Таким образом, общий развал русско-германского фронта позволил противнику добиться того, что он безуспешно делал на протяжении более 2,5 лет, ломая свои зубы о крепкий минский орешек.

Зенитный пулемётный расчёт

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приказ Верховного главнокомандующего (ВГ) от 24 августа 1915 г. № 687. Все даты приводятся по старому стилю.

² 1, 2 и 3-я лёгкие Отдельные батареи для стрельбы по воздушному флоту, прожекторная команда.

³ В соответствии с приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего от 4 ноября 1915 г. № 172 преобразована в 1-ю Отдельную автомобильную батарею для стрельбы по воздушному флоту (ВФ).

⁴ **Тарновский Василий Васильевич** (15(27).10.1880—25.10.1936) — российский артиллерист, полковник (1917). На военной службе — с 1900 г. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1902), участник Русско-японской войны 1904—1905 гг. В 1907—1915 гг. — в Офицерской артиллерийской школе. Один из создателей первого отечественного зенитного орудия образца 1914 г. С марта 1915 г. — на фронте. Командир автомобильной зенитной батареи (1915—1917), начальник противовоздушной обороны 5А (1917), начальник Курсов стрельбы по ВФ Северного фронта (1917), начальник Офицерской школы стрельбы по ВФ (1917). В 1918—1919 гг. — в Киевском артиллерийском управлении. С 1919 г. — в эмиграции.

⁵ Весной 1918 г. инженер-технолог Н.М. Энден назначен начальником противовоздушной обороны г. Москвы. Приказ Военного руководителя Московского района обороны от 25.04.1918 г. № 01. Российский Государственный военный архив (РГВА). Ф. 25883. Оп. 5. Д. 1024. Л. 11.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1837. Оп. 1. Д. 481. Л. 131. По этому поводу была даже издана специальная «Инструкция для строевых постов со светящимися ракетами».

⁷ Приказ начальника штаба ВГ от 26 декабря 1915 г. № 368.

⁸ Приказ главнокомандующего армиями Западного фронта от 29 мая 1916 г. № 3481.

⁹ **Самойло Александр Александрович** [23.10(4.11).1869—8.11.1963] — российский (советский) военачальник, генерал-лейтенант авиации (1940), профессор (1943). На военной службе — с 1889 года. Окончил Московское юнкерское училище (1892), Николаевскую академию Генштаба (1898). В Первую мировую войну — в управлении генерал-квартирмейстера штаба Ставки ВГ, с 1915 г. — помощник генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта, с сентября 1917 г. — генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии, затем начальник этого штаба.

¹⁰ РГВИА. Ф. 4187. Оп. 1. Д. 8. Л. 13—15.

¹¹ Летопись войны 1914—1917 гг. / Изд. генерал-майора Д.Н. Дубенского. № 64. С. 1026.

¹² РГВИА. Ф. 4190. Оп. 2. Д. 1. Л. 2; Ф. 4188. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

¹³ Там же. Ф. 4187. Оп. 1. Д. 19. Л. 16.

¹⁴ Там же. Ф. 4188. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

¹⁵ Капитан А.К. Герштенцвейг выступил разработчиком специального станка для ведения зенитной стрельбы из 76,2-мм орудий образца 1900 г. Такой станок, по мнению инспектора артиллерии армий Западного фронта генерал-майора А.А. Шихлинского, обладал простотой конструкции, устойчивостью и допускал угол возвышения до 60°. В дальнейшем предполагалось сформировать 16 зенитных батарей в составе Западного фронта, оборудованных таким типом станка. РГВИА. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 102. Л. 50.

¹⁶ Там же. Ф. 4188. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Там же. Л. 4 об.

¹⁹ Там же. Ф. 4190. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.

²⁰ Летопись Великой войны / Изд. генерал-майора Д.Н. Дубенского. № 100 / Приложение «Официальный отдел». С. 174.

²¹ РГВИА. Ф. 4188. Оп. 1. Д. 1. Л. 6 об., 7.

²² На сентябрь 1916 г. в состав сводного дивизиона отдельных лёгких батарей для стрельбы по воздушному флоту входили: 1, 2 и 3-я Отдельные лёгкие батареи, 24, 44, 50, 51 и 52-я позиционные лёгкие батареи. РГВИА. Ф. 4190. Оп. 2. Д. 11. Л. 8.

²³ Там же. Ф. 4188. Оп. 1. Д. 1. Л. 10—12; Ф. 4190. Оп. 2. Л. 8, 9.

²⁴ Там же. Ф. 4190. Оп. 2. Д. 12. Л. 292.

²⁵ Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего от 5 ноября 1917 г. № 788.

²⁶ РГВИА. Ф. 6043. Оп. 1. Д. 3. Л. 47.

Полковник запаса А.Ю. ЛАШКОВ

УЧАСТИЕ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА в Гражданской войне (сентябрь 1918 — февраль 1920 г.)

Проблема участия Дальневосточных казачьих войск (ДКВ) в Гражданской войне и степень оказания ими военной помощи Верховному правителю России адмиралу А.В. Колчаку вызывает в последнее время повышенный интерес исследователей. В центре их внимания вопросы: почему казацкие атаманы Дальнего Востока не захотели (или не смогли?) оказать последнему действительную поддержку в противоборстве его вооружённых формирований с армиями советского Восточного фронта и какую роль могли бы сыграть строевые части дальневосточников в ходе и исходе этой борьбы? В предлагаемой вниманию читателей статье кратко рассматривается процесс формирования ДКВ, состав и боевые возможности их строевых частей, а также делается попытка дать ответ на вопрос о причинах нежелания руководителей казачества Дальнего Востока направить подчинённые им войска на помощь Колчаку.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ казачьи войска (Забайкальское, Амурское и Уссурийское) принимали самое активное участие в Гражданской войне на Дальнем Востоке на стороне Белого движения.

Весной—летом 1918 года на Дальнем Востоке начались боевые действия между советскими войсками, с одной стороны, и чехословаками* и белогвардейцами — с другой.

* 25 мая сформированный в России в апреле—июне 1917 г. из военнопленных австро-венгерской армии и русских подданных чешской и словацкой национальности корпус (около 50 тыс. человек) поднял мятеж против советской власти.

Союзники России в Первой мировой войне, входившие в состав Антанты, — Япония, Великобритания, Франция, США и Китай оказывали Белому движению значительную финансовую и материальную поддержку. На стороне антибольшевистских сил выступила также значительная часть дальневосточного зажиточного и среднезажиточного казачества. В первой декаде августа 1918 года во Владивостоке произошла массовая высадка войск интервентов (американские, английские, французские и японские десанты), принявших непосредственное участие в боях на стороне белогвардейцев. Это предопределило поражение советских войск на Дальнем Востоке. 26 августа белогвардейские и чехословацкие части, наступавшие из Сибири, захватили Читу, а 31 августа на ст. Оловянной соединились с наступавшим из Маньчжурии Особым Маньчжурским отрядом забайкальских казаков во главе с атаманом есаулом Г.М. Семёновым и чехословаками, прибывшими из Приморья. 4—5 сентября выдвигавшиеся со стороны Приморья войска Особого казачьего отряда под командованием атамана Уссурийского казачества есаула И.М. Калмыкова, японские, а также (позже) и американские части заняли Хабаровск. 18 сентября в Благовещенск вошёл Амурский отряд под командованием атамана Амурского казачьего войска эсера И.М. Гамова, а затем японские войска высадились на Камчатке. В сентябре советская власть на Дальнем Востоке была повсеместно свергнута. Большевики перешли к подпольной и партизанской борьбе.

К этому времени на восточной окраине России образо-

вался целый ряд антибольшевистских правительств, как областных, так и с претензией на всероссийскую роль. Атаман И.М. Калмыков отказался их признать и объявил автономию Уссурийского войска. Для ликвидации всех этих правительств и переговоров с интервентами из Омска на Дальний Восток прибыл председатель Временного Сибирского правительства (ВСП) П.В. Вологодский, миссия которого в ряде случаев имела успех. В Забайкалье есаул Г.М. Семёнов, пользовавшийся большим авторитетом среди белогвардейцев как один из первых, кто поднялся на борьбу с большевиками, к тому же располагавший определёнными военными силами и поддержкой со стороны Японии, заявил о своём подчинении ВСП. Однако ни Амурское, ни Уссурийское казачьи войска власти этого правительства не признали.

После свержения советской власти Дальневосточные казачьи войска начали своё восстановление**. Осенью 1918 — в начале 1919 года происходило формирование и обучение их строевых частей. Призваны были казаки младших сроков службы. Фронтовики-участники Первой мировой войны призыву не подлежали: в качестве официальной причины называлась их «усталость», хотя на самом деле это было обусловлено тем, что большинство фронтовиков вернулось с войны пробольшевистски настроенным и принимало активное участие в установлении советской власти на Дальнем Востоке.

Временное Сибирское правительство ещё 20 августа 1918 года объявило мобили-

** Весной и летом 1918 г. по настоятельной просьбе беднейших и части среднезажиточных казаков ДКВ были советской властью упразднены.

зацию забайкальских казаков 1915—1918 гг. сроков службы. 9 сентября призывались и офицеры войска¹.

10 сентября ВСП назначило атамана Г.М. Семёнова, имевшего в своём подчинении наиболее сильный русский воинский отряд на Дальнем Востоке, главным начальником Приамурского военного округа и командиром вновь формируемого 5-го Приамурского армейского корпуса, то есть фактически командующим всеми белогвардейскими войсками в регионе.

В состав корпуса включались Забайкальская казачья дивизия и сводная дивизия Амурского и Уссурийского казачьих войск. Формирование Забайкальской казачьей дивизии началось 15 сентября (её начальником был назначен родственник Г.М. Семёнова генерал-майор Д.Ф. Семёнов)². В состав дивизии должны были войти 4 конных четырёхсотенных полка и артиллерийский дивизион (две батареи 4-орудийного состава).

В сентябре Временное Сибирское правительство выделило Забайкальскому казачьему войску 4200 тыс. рублей, которые поступили в распоряжение генерал-майора Д.Ф. Семёнова³. Кроме ВСП осенью 1918 года средства на формирование и содержание строевых частей, подчинённых атаману Г.М. Семёнову, выделяли также Япония и Франция⁴. Вместе с тем при формировании строевых частей ощущалась нехватка личного состава: часть забайкальских казаков, воевавших на стороне советской власти, вынуждена была скрываться, а многие, не желая служить, от призыва уклонились. Всё это приводило к определённым трудностям при комплектовании казачьего войска в Забайкалье.

В сентябре 1918 года были мобилизованы все казаки-уссурийцы, служившие в Красной гвардии, и направлены в Особый казачий отряд, на базе которого началось формирование строевых частей Уссурийского войска⁵. Сам

отряд, как автономная боевая единица, не подчинялся никакому русскому командованию, а большая часть его вооружения и снаряжения поступила из Японии⁶.

20 сентября приказом по Амурскому казачьему войску было объявлено о формировании 1-го Амурского казачьего полка (командиром назначен есаул А. Чехович), началась мобилизация казаков очередных возрастов⁷. Средства на их содержание выделяло в основном японское командование в Амурской области⁸.

23 сентября на Государственном совещании в Уфе были объединены антибольшевистские силы Сибири и Дальнего Востока. Власть перешла в руки созданного там Временного Всероссийского правительства (Директории). Тогда же было объявлено о создании Восточного союза казачьих войск, в состав которого приглашались и ДКВ⁹.

8 октября Г.М. Семёнов приказом войсковым атаманом казачьих войск Дальнего Востока объявил о мобилизации всех офицеров в возрасте от 18 до 43 лет и привлечении на действительную службу казаков 1917—1918 гг. призыва. Забайкальскому войску предписывалось сформировать Забайкальскую казачью дивизию, Амурскому — 2 конных четырёхсотенных полка и Амурскую казачью батарею (4 орудия), Уссурийскому — конный полк в составе 4 сотен. При формировании атаманы должны были руководствоваться штатами, выработанными штабом 5-го Приамурского армейского корпуса¹⁰.

Созванные в октябре 1918 года 5-й войсковой круг Амурского казачьего войска в Благовещенске и 5-й чрезвычайный войсковой круг Уссурийского в Хабаровске объявили о завершении восстановления своих частей и соединений. Амурцы выступили с предложением созвать краевой казачий сход (т.е. съезд представителей Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск)¹¹.

Это предложение было поддержано и уссурийцами.

31 октября 1918 года на встрече атаманов Г.М. Семёнова, И.М. Гамова и И.М. Калмыкова*** в Хабаровске было решено объединить Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска в Союз Дальневосточных казачьих войск. Семёнову предоставлялись права походного атамана в отношении строевых частей Амурского и Уссурийского казачества¹². Поскольку Г.М. Семёнов уже был назначен высшим военным начальником на Дальнем Востоке, это соглашение фактически позволяло достигнуть казачьей гегемонии в регионе. И действительно, дальневосточные казаки представляли собой наиболее внушительную и организованную силу, а образование ими своего союза и их отказ вступить в создаваемый Восточный союз казачьих войск свидетельствовали о стремлении атаманов проводить собственную сепаратистскую политику. В этом они получили поддержку со стороны Японии, стремившейся в перспективе к созданию на территории русского Дальнего Востока своего маррионеточного государства, во главе которого встали бы зависимые от неё дальневосточные атаманы¹³.

Создаваемые на Дальнем Востоке по распоряжению ВСП вооружённые силы были незначительными и состояли из добровольцев. До весны 1919 года власти воздерживались от объявления в регионе мобилизации, и следовательно, осенью 1918 года войска, находившиеся в распоряжении дальневосточных атаманов, представляли собой реальную вооружённую силу.

В начале ноября Директория объявила об образовании в Омске совещания представителей войсковых самоуправлений под председательством помощника военного и морского министра по делам казачьих войск генерал-майора Б.И. Хорошкина¹⁴. В разное

*** 5-м чрезвычайным войсковым кругом Уссурийского казачьего войска есаул И.М. Калмыков «за отличия в борьбе с большевиками» был награждён чином генерал-майора.

время своих представителей на это совещание отправили и Дальневосточные казачьи войска.

18 ноября 1918 года в Омске в результате военного переворота к власти пришёл адмирал А.В. Колчак, объявленный ВСП «Верховным правителем России» и «Верховным главнокомандующим всеми вооружёнными сухопутными и морскими силами России». Вновь обрёл актуальность лозунг о «единой и неделимой России». В течение нескольких дней власть Верховного правителя была признана антибольшевистским руководством почти всех областей Сибири и Дальнего Востока. Дальневосточные казачьи атаманы, не желая мириться с потерей своей самостоятельности и принимая во внимание соответствующие рекомендации японского командования, опасавшегося потерять влияние на территории, контролируемой Японией, отказались признать власть Колчака¹⁵. Последний обвинил Г.М. Семёнова в государственной измене и своим приказом снял его со всех постов. Между военачальниками разгорелся конфликт, главной причиной которого стали сепаратизм атаманов и идея дальневосточной казачьей гегемонии, фактически совпадавшие с желанием Японии установить контроль над регионом.

8 декабря атаман Семёнов объявил о создании под своим командованием Отдельной Восточно-Сибирской армии. В её состав вошёл и 1-й Восточно-Сибирский казачий корпус, командовать которым был назначен начальник Забайкальской казачьей дивизии генерал-майор Д.Ф. Семёнов. Штаб-квартира корпуса располагалась в Чите¹⁶.

Конфликт между А.В. Колчаком и Г.М. Семёновым в декабре 1918 года чуть было не перешел в вооружённую фазу, но усилиями интервентов был локализован. Тем не менее Семёнов отказался признавать власть Верховного правителя и с согласия и при поддержке японского

командования взял курс на создание в Монголии и Забайкалье сепаратного Монголо-Бурятского государства, в котором рассчитывал играть первые роли.

В конце декабря прибывший в Читу для ознакомления с ситуацией представитель Оренбургского казачьего войска, ещё в ноябре 1917 года поднявшего мятеж против советской власти, полковник В.Г. Рудаков призвал оказать военную помощь оренбуржцам. Войсковой атаман В.В. Зимин отдал приказ о приведении в боевую готовность казачьей бригады (двух конных полков. — **Авт.**), которую предполагалось отправить на поддержку Отдельной Оренбургской армии А.И. Дутова в течение месяца¹⁷. По некоторым данным, атаман Г.М. Семёнов в свою очередь выразил готовность направить с этой целью казачью дивизию, стрелковую бригаду и три бронепоезда, что составило бы около трети всех находившихся в Забайкалье сил¹⁸. Однако атаман Дутов ввиду непризнания Семёновым власти адмирала А.В. Колчака отказался принять эту помощь¹⁹.

Тогда же, в конце декабря 1918 года, колчаковские власти обратились к атаману Семёнову с просьбой отправить часть своих сил на так называемый Енисейский фронт против партизан. Г.М. Семёнов не ответил. В феврале 1919 года командование войск Колчака вновь выступило с просьбой о помощи, но из-за поставленных атаманом условий переговоры с ним были прекращены²⁰.

Стремясь вывести строевые части Забайкальского казачьего войска из подчинения Семёнова, 18 февраля военный министр Омского правительства выделил Забайкальскую казачью дивизию из состава 5-го Приамурского корпуса в особый корпус, подчинив его войсковому атаману В.В. Зимину²¹. Последний отдал соответствующий приказ по Забайкальскому войску, но Г.М. Семёнов вынудил Зимина приостановить его действие²².

Адмирал А.В. Колчак

В феврале 1919 года, когда шла подготовка войск адмирала Колчака к наступлению против армий советского Восточного фронта, представители казачьих войск в Омске призвали сибирских и забайкальских казаков оказать помощь Уральскому и Оренбургскому казачьим войскам²³. Однако атаман Семёнов отказался сделать это под тем предлогом, что активность партизан в Забайкалье высока и необходимо противостоять им. Вместе с тем, по мнению войскового правления Забайкальского казачьего войска, сил в Забайкалье было «более чем достаточно для борьбы с большевистскими вспышками... особенно если принять во внимание» поддержку казаков со стороны японцев, поэтому часть из них могла бы быть отправлена на фронт²⁴.

Общее военное и общественно-политическое положение в Сибири и на Дальнем Востоке заставило проходившие в феврале—марте 1919 года 6-й войсковой круг Амурского и 6-й войсковой круг Уссурийского казачьих войск признать власть адмирала Колчака. Атаман И.М. Гамов в связи с «переутомлением» отказался от должности, и войсковым атаманом Амур-

ского казачества был избран полковник А.Д. Кузнецов²⁵. Произошли также некоторые организационно-штатные изменения и в строевых частях Амурского казачьего войска.

6-й войсковой круг Уссурийского войска демобилизовал часть своих казаков, оставив в строю лишь лиц призыва 1918—1920 гг., при этом последние были выделены из состава Особого казачьего отряда в отдельные строевые части под командой офицеров войска²⁶.

На повестку дня вновь встал вопрос о военной помощи армиям А.В. Колчака. Амурцы, объявив о своей готовности отправиться на фронт, в то же время заявили, что ввиду «пожара партизанской борьбы в области» это временно невозможно²⁷. Атаман И.М. Калмыков также обнародовал решение выступить на помощь со своим отрядом²⁸. К этому времени строевые части ДКВ, куда осенью 1918 года влились по объявленной мобилизации казаки, представляли собой хорошо вооружённую и обученную силу.

Весна 1919 года на Дальнем Востоке была достаточно благоприятной для белогвардейских властей. В Забайкалье партизанское движение было слабым. По японским данным, с декабря 1918 по март 1919 года семёновские войска и казаки всего лишь около 15 раз участвовали в боевых действиях против партизан²⁹. Вспыхнувшее в январе—марте 1918 года антиколчаковское восстание в Амурской области, в котором активное участие принимали казаки, было подавлено. В Приамурье и Приморье партизаны также особой активности не проявляли. К апрелю 1919 года, по оценке атамана Зимина, численность семёновских войск в Забайкалье составляла примерно 8000–10000 человек, из них до 5000 забайкальских казаков. По его мнению, держать такое количество сил в этом регионе не было необходимости ввиду отсутствия здесь крупных партизанских отрядов³⁰. Кроме того, дальневосточные

атаманы могли значительно увеличить численность своих строевых частей за счёт дополнительной мобилизации, а также они имели полную поддержку со стороны японских интервентов. Таким образом, весной 1919 года возможность отправить ряд дальневосточных казачьих строевых частей в район боевых действий с советскими войсками была вполне реальной, и в начале апреля И.М. Калмыков во главе бригады в составе 1-го Забайкальского, Уссурийского казачьих полков и батальонов (они должны были составить Особый отряд Отдельной Восточно-Сибирской армии) собирался двинуться на фронт³¹. Однако Г.М. Семёнов выдвинул ряд условий, на которых он мог бы согласиться отправить свои части на помощь А.В. Колчаку****. В частности, атаман потребовал от Омска дополнительных пособий на сумму 5 млн рублей. Колчаковское правительство отказалось выполнить данное требование Семёнова, постановив выделить средства только войсковому правлению Забайкальского казачьего войска. Во время переговоров с В.В. Зиминим о посылке частей на фронт Г.М. Семёнов заявил, что в Забайкалье неспокойно и что все войска могут ему потребоваться на Дальнем Востоке³². В конечном итоге, под разными предложениями местные атаманы так и не отправили свои части на помощь Колчаку. Они опасались, что с их убытием влияние в регионе будет утрачено, а это затрагивало также и интересы Японии. При этом, принимая такое решение, атаманы умело использовали нежелание казаков воевать в период Гражданской войны далеко от родных мест.

23 апреля 1919 года атаман Г.М. Семёнов объявил о том, что казачество Забайкалья избрало его своим походным атаманом³³ и, таким образом, присоединилось к союзу ДКВ.

Весной 1919 года на Даль-

**** Встреча Семёнова и Калмыкова для обсуждения вопроса об отправке подчинённых им казачьих частей на фронт для борьбы с войсками Красной армии состоялась в конце марта 1919 г.

нем Востоке начался подъём партизанского и подпольного движения, в Забайкалье возник Восточно-Забайкальский партизанский фронт. Причём казаки составляли большую часть партизан, для борьбы с которыми стали привлекаться и строевые части ДКВ. В Уссурийском казачьем войска 17 мая было объявлено о создании поселковой, станичной и войсковой охран³⁴, а летом 1919 года там прошла мобилизация.

К весне 1919 года Дальневосточные казачьи войска в связи с усилением правительственных войск в регионе утратили здесь военное превосходство. По этой причине влияние местных атаманов на военно-политическую ситуацию стало падать, а необходимость консолидации сил для борьбы с большевиками, усиление партизанского и подпольного движения, стремление интервентов примирить А.В. Колчака и Г.М. Семёнова заставили их идти на компромисс с Верховным правительством.

25 мая адмирал Колчак снял с атамана Семёнова обвинения в государственной измене и назначил его командиром 6-го Восточно-Сибирского неотдельного корпуса³⁵. 27 мая Г.М. Семёнов признал власть Верховного правителя, а 10 июня 3-м войсковым кругом Забайкальского казачьего войска был избран его войсковым атаманом³⁶. 28 мая 1919 года Отдельная Восточно-Сибирская армия приказом из Омска переформировывалась в 6-й Восточно-Сибирский армейский корпус, а входившие в неё корпуса — в дивизии³⁷. 18 июня атаман Семёнов объявил о предстоящем формировании 2-й Забайкальской казачьей дивизии, для чего распорядился призвать казаков младших сроков службы. Пунктами формирования дивизии назначались места стоянок уже существовавших полков (Нерчинский завод)³⁸. 5 июля генерал-майору Д.Ф. Семёнову было приказано объединить командование частями Забайкальско-

го фронта, созданного для действий против партизан³⁹.

Летом 1919 года семёновские войска вели в Забайкалье активную борьбу с партизанами, на сторону которых нередко переходили и казаки самого атамана. Так, в июле в районе Нерчинского завода почти в полном составе ушёл к партизанам 1-й Забайкальский казачий полк, а в районе самого Нерчинска — часть 4-го полка⁴⁰.

18 июля произведённый приказом А.В. Колчака в генерал-майоры атаман Г.М. Семёнов был назначен помощником командующего войсками Приамурского военного округа — главного начальника Приамурского края⁴¹.

В июне—августе 1919 года на Дальнем Востоке со специальной миссией находился походный атаман всех казачьих войск генерал-лейтенант А.И. Дутов. Он должен был провести инспекцию войск, ознакомиться с размахом большевистского движения, а главное, провести в жизнь соглашение между Колчаком и Семёновым и добиться отправки казачьих частей на фронт. Но всё под тем же предлогом необходимости борьбы с партизанами дальневосточные казаки вновь не были направлены на запад. Семёнов в конце июля 1919 года в своём послании даже указывал Калмыкову: «Не слушай Дутова... Ни одного человека на фронт не давай»⁴².

В августе выборные представители девяти казачьих войск, собравшиеся в Омске на чрезвычайный казачий съезд, обратились к забайкальцам, амурцам и уссурийцам с просьбой отправиться на Восточный фронт «на защиту родины и казачества»⁴³. Но и эта просьба не была услышана.

В конце августа 1919 года во Владивостоке на встрече с атаманами Г.М. Семёновым, И.М. Калмыковым и А.Д. Кузнецовым командующий Приамурским военным округом, главный начальник Приамурского края генерал С.Н. Розанов заявил, что Омское правительство утвердило решения войсковых кругов

об избрании их атаманами⁴⁴. 29 августа Розанов отдал ряд приказов, имевших большое значение для Дальневосточных казачьих войск. Было подтверждено их подчинение непосредственно своему походному атаману Семёнову, все казачьи дела сосредоточивались в его штабе⁴⁵. А.Д. Кузнецов был назначен уполномоченным по охране государственного порядка в Амурской области, а И.М. Калмыков 2 сентября — уполномоченным по охране государственного порядка и спокойствия в Хабаровском и Иманском уездах и одновременно начальником гарнизона Хабаровска⁴⁶. Эти назначения озаменовали собой переориентацию Омского правительства на местных атаманов как основную опору в борьбе с партизанским и подпольным движением на Дальнем Востоке.

Таким образом, конец августа — начало сентября 1919 года прошли под знаком усиления роли ДКВ и самих дальневосточных атаманов. В ожидании ответных шагов Омское правительство вновь обратилось к ним с призывом выступить на фронт. Однако и этот призыв остался без ответа.

В конце августа началось реформирование строевых частей ДКВ. Увеличивается численный состав войск, находящихся под командованием атаманов.

29 августа приказом по ДКВ № 41 атаман Семёнов объявил о создании Отдельной Амурской казачьей бригады и развёртывании Особого казачьего отряда в Отдельную Уссурийскую атамана Калмыкова бригаду⁴⁷.

В августе в Амурском казачьем войске была досрочно призвана на службу казачья молодёжь. Одновременно мобилизованы 3 старших возраста; запасные сотни, сформированные из них, размещались в разных пунктах области, с тем чтобы в случае необходимости иметь возможность оперативно направлять их на борьбу с партизанами. Все остальные казаки,

способные носить оружие, также привлекались к экспедициям против партизан. В то же время в конце августа в 1-й и 3-й сотне Амурского казачьего полка были созданы подпольные большевистские организации⁴⁸. 5 сентября восстала и ушла к партизанам часть 3-го Забайкальского казачьего полка⁴⁹.

22 сентября атаман Семёнов объявил о создании Отдельной Амурской казачьей бригады и назначении её командиром с правами начальника дивизии, оставив за собой прерогативу утверждать кандидатуры командиров строевых частей (по представлению войсковых атаманов)⁵⁰.

Между тем обстановка на Дальнем Востоке в конце августа—сентябре 1919 года вновь была благоприятна для белых. Партизанское движение в Амурской области было частично локализовано, в Приамурье и Приморье партизаны потерпели поражение и до ноября 1919 года активных действий не предпринимали. В Забайкалье они были оттеснены в сопки. У дальневосточных атаманов снова появилась возможность отправить часть подчинённых им войск на фронт. Но этого вновь не произошло.

Приказом атамана Семёнова от 3 октября 3-й Забайкальский казачий полк из-за «неблагонадёжности» был отправлен в долговременную командировку в Приморье в ст. Гродеково. Туда же направлялась и 1-я Забайкальская казачья батарея. Взамен в ноябре Уссурийский казачий полк из Гродеково был расквартирован в районе Нерчинска⁵¹. Для борьбы с партизанским движением в Забайкалье атаман Г.М. Семёнов 28 октября объявил о формировании из казаков Забайкальского войска охранных сотен со сведением их в полки. Были созданы 9—14 полки четырёхсотенного состава. Командиры этих полков подчинялись атаманам так называемых отделов, которым предоставлялись права начальников дивизий⁵².

Несмотря на мобилизацию, количество призванных казаков оставалось небольшим. Вместе с тем к зиме 1919 года вопрос об отправке строевых частей Дальневосточных казачьих войск на помощь А.В. Колчаку отпал сам собой в связи с поражением и начавшимся отступлением его войск, а также ростом партизанского движения в регионе.

В ноябре 1919 года осуществлялось переформирование строевых частей Забайкалья. 1-й Забайкальской казачьей дивизии (начальник генерал-майор Г. Мациевский) и 1-й отдельной Забайкальской казачьей бригаде (начальник генерал-майор Шемелин) были назначены определённые районы ответственности для борьбы с партизанами⁵³.

Для непосредственной охраны территории Амурского и Уссурийского казачьих войск от партизан 6 декабря атаман Семёнов отдал приказ сформировать самоохранные сотни и свести их в полки с подчинением командиров начальникам Амурской казачьей и Отдельной Уссурийской атамана Калмыкова бригад⁵⁴. С той же целью атаман И.М. Калмыков 23 декабря объявил о временной мобилизации уссурийских казаков 1908—1917 гг. призыва⁵⁵. С 1 января 1920 года Уссурийская бригада атамана Калмыкова развёртывалась в Отдельную Сводную Уссурийскую его же имени дивизию (начальник дивизии И.М. Калмыков). В её состав вошли все строевые части Уссурийского войска⁵⁶. В то же время объявленная Калмыковым 23 декабря временная мобилизация встретила противодействие среди уссурийских казаков. Часть из них перешла на сторону партизан⁵⁷.

Общеполитическая и военная обстановка заставила белогвардейские власти и местных атаманов предпринимать чрезвычайные меры для спасения ситуации. Катастрофическое положение армий белых в районе Иркутска вынудило А.В. Колчака назначить 24 декабря атамана Семёнова

главнокомандующим всеми вооружёнными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с производством в генерал-лейтенанты⁵⁸.

Разгром белогвардейских войск в Сибири, широко развернувшаяся партизанская борьба, общий кризис Белого движения заставили адмирала Колчака 4 января 1920 года передать всю полноту военной и гражданской власти на территории восточной окраины России атаману Г.М. Семёнову⁵⁹.

Однако все попытки атамана ДВК жёсткой военной диктатурой подавить подпольное и партизанское движение не увенчались успехом, колчаковская власть на Дальнем Востоке была в конечном итоге свергнута. 31 января 1920 года во Владивостоке наместник Колчака генерал С.Н. Розанов был смещён. Бразды правления перешли в руки Временного правительства Приморской областной земской управы⁶⁰.

В начале 1920 года большая часть казаков строевых частей Амурского казачьего войска сочувствовала партизанам, а 5 февраля, когда колчаковская власть в Амурской области окончательно пала, амурцы перешли на сторону образованной здесь советской власти.

12 февраля ввиду своей ненадёжности Отдельная Сводная Уссурийская атамана Калмыкова дивизия была переформирована в Особый Уссурийский атамана Калмыкова отряд, который 13 февраля ушёл из Хабаровска в Китай. 16 февраля в город вошли революционные войска. Уссурийское казачье войско перешло на сторону Временного правительства Приморской областной земской управы.

И только в Забайкалье атаман Семёнов при активной помощи японских интервентов сумел сохранить свою власть. В середине февраля 1920 года туда прорвались отступавшие из Сибири под

ударами Красной армии капеллевы (оставшиеся относительно боеспособными колчаковские войска), которые соединились здесь с семёновскими частями⁶⁰.

В ноябре 1920 года все они (в том числе часть забайкальского казачества) под натиском Народно-революционной армии Дальневосточной республики были вынуждены оставить Забайкалье и уйти в Приморье. Осенью того же года Забайкальское казачье войско упразднено.

Таким образом, казачий сепаратизм, его ориентация на иностранные державы, атамановщина настраивали население Дальнего Востока в целом против белогвардейских властей. Всё это, а также отказ местных атаманов от править подчинённые им боеспособные войска на помощь А.В. Колчаку явилось одной из причин поражения Белого движения в Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40417. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 35.

² Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 45, 47.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 178. Оп. 1. Д. 1. Л. 123, 123 об.; Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 364. Оп. 1. Д. 2. Л. 347.

⁴ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 1736. Оп. 1. Д. 51а. Л. 139; Партизаны: Сб. статей партизанских и красновардейских воспоминаний, исторических документов и боевых песен, посвящённый трёхлетней героической борьбе рабочих и крестьян Забайкалья за власть Советов. Чита, 1929. С. 159.

⁵ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 582. Л. 41, 87.

⁶ Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах. М., 1934. С. 178; Дальневосточное обозрение. 1920. 21 марта.

⁷ ГАРФ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3. Л. 60, 61; Государственный архив Амурской области (ГАО). Научно-справочная библиотека (НСБ). Приказы № 713, 714 от 20 сентября 1918 г. и № 732 от 2 октября 1918 г.

⁸ ГАРФ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

⁹ Вестник Маньчжурии. 1918. 26 ноября.

¹⁰ РГВА. Ф. 40138. Оп. 1. Д. 2. С. 1, 1 об.

¹¹ ГАХК. НСБ. Протокол № 7 от 13 октября 1918 г. // Протоколы заседания 5-го Круга Амурского казачьего войска. Благовещенск, 9—17 октября 1918 г. С. 17.

¹² Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИИ ДВ). Ф. 129. Оп. 1. Д. 80. Л. 78, 78 об. О своём избрании войсковыми кругами походным атаманом этих войск Семёнов объявил 19 ноября.

¹³ Между тем Забайкальское казачье войско (ЗКВ) не признало Семёнова своим походным атаманом, и с осени 1918 г.

***** Его власть распространялась на Сахалинскую, Камчатскую, часть Амурской области, территорию КВЖД (с апреля 1920 г. в него вошли большевики П.М. Никифоров и И.Г. Кушнарёв). В декабре 1920 г. это правительство сложило свои полномочия.

войсковое правление ЗКВ во главе с войсковым атаманом В.В. Зиминым в силу разных причин стало в оппозицию к атаману Семёнову.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 17. Л. 4, 7, 8.

¹⁵ ГАХК. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 3. Л. 222; Уорд Джон. Аргонавты с берегов Темзы. Из записок начальника английского экспедиционного отряда // «Им не убить идеала!». Хабаровск, 1990. С. 74.

¹⁶ РГВА. Ф. 40138. Оп. 1. Д. 2. Л. 59, 59 об. В 1-й Восточно-Сибирский казачий корпус были включены Забайкальская казачья дивизия, Амурская бригада и Уссурийская казачья бригада. Начальником Забайкальской казачьей дивизии стал командир 1-го Забайкальского казачьего атамана Семёнова полка генерал-майор Г. Мацневский.

¹⁷ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1552. Л. 74.

¹⁸ Кручинин А.С. К истории конфликта между А.В. Колчаком и Г.М. Семёновым // История Белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции 6—7 февраля 2001 года. Кемерово, 2001. С. 215.

¹⁹ ГАХК. Ф. 819. Оп. 2. Д. 1. Л. 3. В ноябре 1918 г. Отдельная Оренбургская армия вошла в подчинение А.В. Колчака.

²⁰ ГАРФ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 9, 25, 25 об.

²¹ Там же. Д. 21. Л. 106 об.; Омское правительство адмирала А.В. Колчака не признало создание атаманом Г.М. Семёновым Отдельной Восточно-Сибирской армии и продолжало считать части, находившиеся в Забайкалье и на Дальнем Востоке, 5-м Приамурским корпусом. Поэтому и был отдан приказ военного министра о выделении Забайкальской казачьей дивизии из состава 5-го Приамурского корпуса, а не 1-го Восточно-Сибирского казачьего корпуса Отдельной Восточно-Сибирской армии.

²² ГАРФ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 1. Л. 135—136 об.

²³ Амурская жизнь. 1919. 6 февраля.

²⁴ ГАРФ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 1. С. 135—136 об.

²⁵ ГАХК. НСБ. Протоколы 6-го Войскового круга Амурского казачьего войска. Благовещенск, февраль—март 1919 г. Б.м., б.г. С. 29, 30.

²⁶ РГИА ДВ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6. Л. 131, 132, 140.

²⁷ ГАХК. НСБ. Протоколы 6-го Войскового круга Амурского казачьего войска. С. 21—24.

²⁸ РГИА ДВ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6. Л. 140, 140 об.; Дальний Восток. 1919. 19 марта.

²⁹ Забайкальская новь. 1919. 23 марта.

³⁰ ГАРФ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 1. С. 123, 124.

³¹ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1552. Л. 177, 177 об.

³² ГАРФ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 1. С. 123.

³³ Дальний Восток. 1919 г. 8 мая. Приказ по Дальневосточным казачьим войскам № 1 от 23 апреля 1919 г.

³⁴ ГАХК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 6. Л. 61, 61 об. В состав поселковой охраны входили все пешие и конные казаки посёлка во главе со своим атаманом. Станичную охрану организовывал станичный атаман из конных казаков поселковой охраны, которые должны были выступить по его первому требованию, пешие же оставались в своих посёлках для их защиты. Войсковую охрану составляли строевые части во главе с войсковым атаманом, которые, по мере необходимости, оказывали бы помощь тому станичному округу, где возникнет необходимость. Предусматривалась возможность объединения всех станичных охран в особую дивизию под командованием войскового атамана.

³⁵ Приамурская жизнь. 1919. 25 июня.

³⁶ Забайкальская новь. 1919. 3, 11 июня.

³⁷ Барон Унгерн в документах и мемуарах. М., 2004. С. 13.

³⁸ РГВА. Ф. 40138. Оп. 1. Д. 6. Л. 460—462; ГАЧО. Ф. 364. Оп. 1. Д. 2. Л. 513. В состав 1-й Забайкальской казачьей дивизии (начальник генерал-майор Мацневский) входили 1—4 Забайкальские казачьи полки, во 2-ю Забайкальскую казачью дивизию (начальник генерал-майор Шемелин) — 5—8 Забайкальские казачьи полки

³⁹ Там же. Д. 8. Л. 30. В годы Гражданской войны местные и красные, и белые командиры зачастую фронтом называли направления или район боевых действий.

⁴⁰ ГАХК. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 1; Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918—1922 гг. М., 1957. С. 97; Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1920 гг.). Владивосток, 1984. Кн. 2. С. 117, 118. У партизан 1-й Забайкальский казачий полк получил наименование 5-го революционного кавалерийского полка.

⁴¹ Новости жизни. 1919. 23 июля; Дальний Восток. 1919. 24 августа.

⁴² АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1552. Л. 235.

⁴³ ГААО. НСБ. Приказы № 596 от 26 августа 1919 г. // Приказы по Амурскому казачьему войску (АКВ) за 1919 г.

⁴⁴ Приамурье. 1919. 30 августа.

⁴⁵ Государственный архив Приморского края (ГАПК). НСБ. Приказы командующего войсками Приамурского военного округа за 1919 г.

⁴⁶ ГААО. НСБ. Приказы по АКВ за 1919 г.; Приамурье. 1919. 5 сентября.

⁴⁷ Там же. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 153. Л. 97, 98. В состав Амурской бригады вошли 1-й Амурский казачий полк и 1-я Амурская казачья батарея, в Отдельную Уссурийскую бригаду, кроме добровольческих частей, включены также строевые части (Уссурийский казачий полк, отдельная Уссурийская конная сотня и 1-я Уссурийская казачья батарея).

⁴⁸ Малышев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961. С. 234.

⁴⁹ Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. С. 99.

⁵⁰ ГААО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 153. Л. 97, 98.

⁵¹ ГАХК. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 7. Л. 10 об.; Военный вестник. 1919. 13 ноября.

⁵² Там же. Д. 12. Л. 29, 29 об.

⁵³ Там же. Д. 2. Л. 3, 120. Приказы войскам Читинского военного округа от 12 ноября 1919 г. № 1 и от 3 декабря 1919 г. № 90. Штаб Отдельной Забайкальской казачьей бригады располагался в Нерчинском заводе, в её состав вошли 2 казачьих полка и отдельный Забайкальский пластунский батальон.

⁵⁴ Там же. Д. 4. Л. 29.

⁵⁵ Там же. Ф. И-221. Оп. 1. Д. 39; Дальний Восток. 1919. 26 декабря.

⁵⁶ РГИА ДВ. Ф. 2201. Оп. 1. Д. 7. Л. 365, 366; ГАХК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 44. Л. 87.

⁵⁷ Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 171—173.

⁵⁸ ГАХК. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 2. Л. 233, 240.

⁵⁹ Военный вестник. 1920. 23 января.

⁶⁰ ГАХК. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 2а. Л. 135—137.

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

В Доме Русского Зарубежья имени Александра Солженицына в марте произошла торжественная передача в дар «Библиотеки имени генерал-лейтенанта А.П. Будберга». Членами Общества Русских Ветеранов Великой Войны и Объединения Кадет Российских кадетских корпусов в Сан-Франциско было передано свыше 8000 книг, десятки наименований периодики общей численностью свыше 10 тыс. номеров.

Библиотека получила своё название в честь генерала Алексея Павловича Будберга, известного военачальника и военного писателя, подарившего ей около трёхсот томов из личной коллекции. Пополнение происходило и за счёт дарителей, которыми были практически все члены Общества Великой Войны, и за счёт скромного бюджета «военной семьи» ветеранов. Некоторые редкие издания выкупались на аукционах, куда они попадали из Советского Союза.

Уникальное книжное собрание будет храниться отдельно, в одном из залов Дома Русского Зарубежья. Главная цель выставки — дать представление о содержании библиотеки имени генерала А.П. Будберга, её особенностях и ценности. Для этого отобрано более 500 изданий. Они размещены в витринах, расположенных на пяти этажах здания Дома Русского Зарубежья. Основное внимание уделено книгам, посвящённым военному делу. Ведь именно оно объединяло большинство собирателей — офицеров русской армии и Белого движения. Часть витрин занята материалами архивного содержания, переданными организациями и частными лицами, проживающими в Соединённых Штатах Америки.

Важность этого события заключается в первую очередь в том, что это единственный случай поступления из зарубежья практически в полной сохранности библиотеки известного эмигрантского объединения, с описанием и даже со штампом для книг. Ценность не исчерпывается только лишь содержанием раритетных изданий. Подлинное значение библиотеки в сохранившейся ценности её, в том, что она факт, который можно и должно предъявить современникам и потомкам. Библиотека — наглядное свидетельство культуры эмиграции, её деятельного патриотизма, верности национальным духовным ценностям.

Публикация лейтенанта
Д.С. СМЕРНОВА

С.Н. САВЧЕНКО

ФАЛЬШИВЫЕ МЕМУАРЫ

КАК-ТО на сайте одного из крупных интернет-магазинов увидел книгу из серии «За линией фронта. Мемуары»*. Воспоминания участника операций спецподразделений, да ещё человека «с той стороны» всегда вызывают интерес. Я не удержался и заказал книгу. И пожалел. Впрочем, судите сами.

Автор описывает операции 115-го Прусского отряда гитлеровских военно-морских сил, куда молодой аристократ и яхтсмен Георг фон Конрат поступил 15-летним юношей весной 1938 года. Через 6 месяцев обучения ему присвоили в присутствии Гитлера и Канариса звание младшего лейтенанта. Затем наступил второй период обучения — теперь уже в разведшколе, где юноша должен досконально изучить русский язык и полностью перевоплотиться в лейтенанта Красной армии Григория Кириллова. В школе Конрат-Кириллов, получив чин капитана, изучает стрелковое и ракетное(!) оружие, учится подводному плаванию, вождению автомобиля и танка, парашютным прыжкам, причём после приземления бегаёт с «развевающимся за плечами парашютом».

И вот новоявленный немецкий Джеймс Бонд прибывает на советско-германскую границу. Война началась для супердиверсанта с операции по захвату моста. Передвигаясь по советской территории с пенем «Катюши», его отряд с необыкновенной лёгкостью меняет караулы, занимает бетонные доты (названные в книге «бункерами») с ничего не подозревающими красноармейцами, которые тут же присоединяются к гитлеровцам и стреляют по своим товарищам. Пришедший на помощь к Конрату полковник СС по этому поводу заявляет: «Они (красноармейцы-предатели. — И.П.) достойны

быть свободными людьми, но никак не пленниками войны» (с. 102). И несостоявшихся военнопленных отправляют в части генерала Власова, который к тому времени ещё не сдался.

Вторая операция — высадка в Одессе. Для этого фон Конрат тренируется в подводном плавании в Средиземном море и даже в Ла-Манше. На операцию диверсантов провожает вновь лично фюрер. По мнению автора книги, Одесса окружена горами, а с юга, видимо, из-под воды к ней движется миллионная армия под командованием генерала Жукова. Высадившись с подводной лодки на берег с пенем неизменной «Катюши», фон Конрат натывается на часового и вместо пароля называет первые пришедшие ему на ум русские слова — «синее море» (с. 169). Выпив водки с часовым, brave диверсанты продолжили свой путь — ещё бы, ведь их документы подписаны самим «генералом Жуковым». Первым русским офицером, с которым фон Конрат завязал дружеские отношения, оказался майор со звучной фамилией Калоша, который, напившись, мастерски пляшет казачок на столе (с. 193). Основная задача диверсантов заключалась в том, чтобы, «приблизившись к детонатору и чиркнув спичкой, безопасно поджечь взрыватель» (с. 240). Оказывается, речь идёт о противотанковых минах с боеголовками и мешках с порохом» для взрыва очередного моста. Затем открывается картина горящей Одессы, подожжённой диверсантами «мощнейшими нитроглицериновыми(!) бомбами», а группа фон Конрата, успешно выполнив задание, уходит на захваченных танках, уничтожая по пути массу техники, в том числе и очередной супертанк «Иосиф Сталин». Совершив ещё массу «подвигов», диверсанты прорываются к своим, но

автор как бы даёт читателю гарантию, что «мемуары» будут продолжены, так как в последних строках адмирал Канарис произносит: «Теперь вас зовут Василий Баранов из Смоленска».

Так что можно ждать дальнейших приключений фон Конрата-Баранова, которым, пожалуй, и сам господин Мюнхгаузен позавидовал бы. Удивительно, впрочем, не то, что эта пустопорожняя брехня появилась на свет, а то, что её, ничтоже сумняшеся, перевели на русский язык.

Но дело не столько в этом. В конце концов над авторскими (или переводческими) ляпами можно посмеяться — только и всего. Опасность в том, что под видом воспоминаний, которые пользуются доверием, читателям подсовывается откровенная и злонамеренная ложь. Такая спекуляция на доверии может привести к тому, что мифический майор Калоша или сдавшиеся семнадцатилетнему немецкому капитану в первые часы войны красноармейцы сформируют в сознании читателей, интересующихся военной историей и не видевших той войны, её искажённый образ. В этой псевдореальности, как в параллельном мире, будут существовать отважные и вездесущие немецкие диверсанты, легко побеждающие незадачливых бойцов и командиров РККА. На наш взгляд, публикация такого рода фальшивок является глумлением над памятью о Великой Отечественной войне и формирует неправильное представление об истории нашего народа.

Обложка книги

* Конрат Г. фон. Немецкие диверсанты. Спецоперации на Восточном фронте. 1941—1942 гг. / Пер. с англ. Н.В. Гасановой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 335 с.

И.А. ПОДШИВАЛОВ

ПУТЬ ДОБЛЕСТИ И СЛАВЫ 18-го ЕГЕРСКОГО ПОЛКА В 1812–1814 гг.

18-й Егерский полк ведёт свою историю от 1-го Сибирского Егерского батальона, сформированного в Омске 10 апреля* 1786 года¹. 29 ноября 1796-го 1-й Сибирский Егерский** батальон был переименован в 19-й Егерский, а 29 марта 1801 года он стал полком и получил номер 18. Полк располагался по частям в крепостях, форпостах, редутах и шанцах Сибирской инспекции. В 1808 году, сведённый воедино, он квартировал в Железнодорожной крепости Тобольской губернии². В 1810 году российский военный министр М.Б. Барклай-де-Толли представил императору Александру I доклад, где предлагал ряд мероприятий по подготовке Российской империи к новой войне с Францией. В частности, у юго-западных границ России решено было разместить вновь образованную 23-ю пехотную дивизию (бывшую 24-ю). На что 26 августа 1810 года последовал высочайший указ: «По безнужности там (в Сибири. — А.М.-Г.) двух доселе ещё остающихся Селингинского мушкетёрского и 18-го Егерского выведь оттуда и сии последние полки, дабы с лучшею пользою для государства они могли быть употреблены в других местах»³.

* Все даты в статье даны по старому стилю.

** Егера — лёгкая пехота; часто использовались в качестве авангарда и арьергарда армии, служба в таких частях, наиболее переловых по своему обучению, состояла в умении действовать в зависимости от боевой задачи штыком или огнём, считалась трудной и почётной и требовала от каждого солдата и офицера инициативы, находчивости и смелости.

К ЭТОМУ времени 18-й Егерский полк согласно новым штатам насчитывал 1584 человека (схема 1). Первый и третий батальоны считались действующими, а второй — запасным. При выступлении батальона в поход его егерские оставались на своих квартирах, а гренадерская выступала, входя в особый сводно-гренадерский батальон своей дивизии.

10 октября 1808 года было издано положение о запасных рекрутских депо. От дивизии туда выделялись штаб-офицер, 6 лучших поручиков, 24 унтер-офицера, 240 рядовых, 2 барабанщика, 3 цирюльника и 3 лазаретных служителя. 18-й Егерский, как и остальные полки 23-й дивизии, с 16 марта 1811 года комплектовался рекрутами из Ельнинского депо⁴. При-

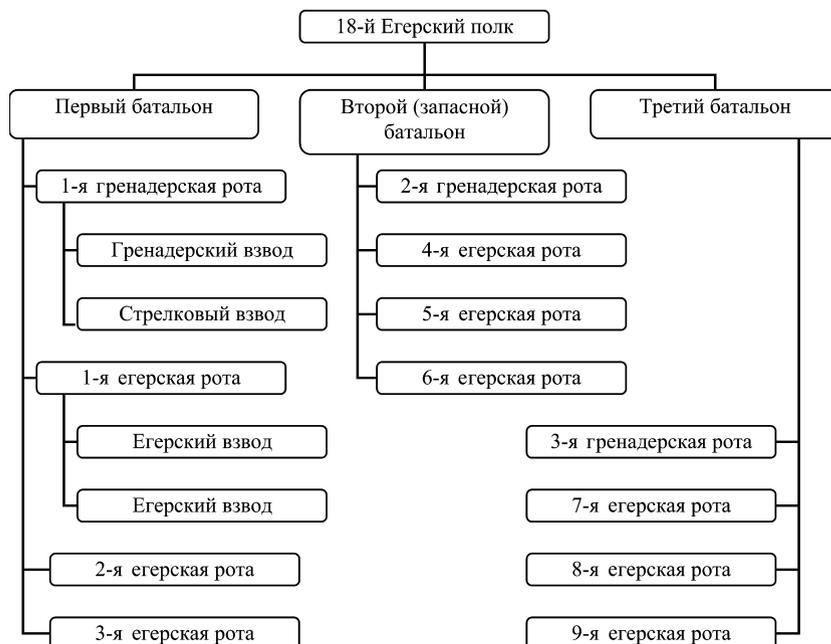
чём четвёртый батальон последнего стал считаться четвёртым (резервным) батальоном 18-го Егерского полка. В Ельнинское депо поступали рекруты из Воронежской, Курской и Харьковской губерний.

Так как служба в егерских полках требовала особых навыков, рекрутов туда направляли лишь «молодых и проворных» (мужчины от 18 до 40 лет), а половину некомплекта пополняли мушкетёрами, уже служившими в пехотных полках. В свою очередь 18-й Егерский обязан был (с 1811 г.) пополнять ежегодно гвардию (4 гренадера и 2 стрелка) и Павловский гренадерский полк (6 гренадеров и 9 стрелков)⁵.

К июню 1812 года оба действующих батальона 18-го Егерского полка состояли в 1-й Западной армии, в IV

Схема 1

Структура 18-го Егерского полка. 1810 год

пехотном корпусе⁶, в 23-й пехотной дивизии генерал-майора А.Н. Бахметьева 3-го. Полк входил во вторую бригаду вместе с Селенгинским пехотным полком (бригадный командир — генерал-майор Фёдор Пантелеймонович Алексополь, он же и шеф 18-го Егерского). Гренадерская рота второго батальона состояла в первом сводно-гренадерском батальоне своей дивизии, в сводно-гренадерской бригаде IV корпуса. Запасной батальон (три егерские роты второго батальона) состоял в 32-й дивизии, предназначенной для формирования 1-й резервной армии, а затем I резервного корпуса Е.И. Меллера-Закомельского, но поступил в гарнизон крепости Динабург⁷.

В 18-й Егерский полк (шеф — генерал-майор Ф.П. Алексополь, командир — подполковник Т.И. Чистяков) к июню 1812 года входили батальоны: два действующих (первый — майора Остен-Сакена, потом Ф.И. Загорского 2-го и третий — майора Еремеева); один запасной (второй — майора И.Т. Петрова); один резервный (четвёртый — майора Тимченко-Рубана), а также 2-я гренадерская рота (капитана Левченко 2-го) в составе второго сводно-гренадерского батальона 23-й пехотной дивизии при

18-й Егерский полк
(без второго и четвёртого батальонов), июль 1812 года

Личный состав	По списку	В госпиталях	В командировке	Налицо
Штаб-офицеры	6	—	1	5
Обер-офицеры	47	—	12	35
Унтер-офицеры	89	3	17	69
Музыканты	40	3	10	27
Рядовые	1511	366	183	962

Составлена по: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 1740. Л. 177, 178.

IV корпусе. Полк фактически находился в четырёх разных точках.

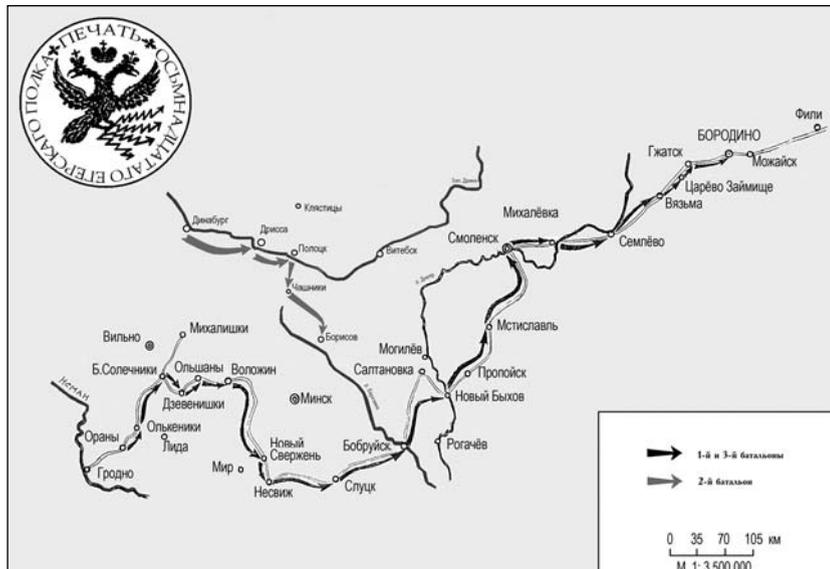
IV пехотный корпус 1-й Западной армии находился в Олькениках, а его авангард под командой генерал-майора И.С. Дорохова (1-й и 18-й Егерские, Изюмский гусарский и два казачьих полка с одной ротой лёгкой артиллерии⁸) — в Оранах⁹. Основные силы корпуса отступили к Вильно. Авангарду же приказ в спешке отправлен не был. Отряд генерал-майора Дорохова фактически был разделён на две части. Первая часть — 1-й Егерский, Изюмский гусарский, часть казаков и артиллерия, вторая — 18-й Егерский и казаки.

18-й Егерский следовал в Ловаришки и прикрывал участок между IV пехотным и II резервным кавалерийским генерал-майора барона Ф.К. Корфа корпусами¹⁰.

15 июня Дорохов, соединив обе части авангарда, выступил в Олькеники, надеясь найти там IV корпус, но тот был уже в Вильно. В ночь на 17 июня капитан гвардейской конной артиллерии А.Н. Сеславин (будущий партизан) доставил Дорохову приказ князя М.Б. Барклая-де-Толли идти на Михалишки. 17 июня арьергард прибыл в Большие Солечники. Дорохов послал конные разъезды по направлению к 1-й армии, но они всюду обнаруживали неприятеля, тогда начальник авангарда принял решение идти на соединение со 2-й Западной армией князя П.И. Багратиона. Отряд Дорохова двинулся на Дзевенишки, Ольшаны и Воложин и 23 июня «вошёл в сношение» с казаками отряда атамана М.И. Платова, а 25 июня в местечке Новый Свержень присоединился к армии князя Багратиона¹¹.

Путь отряда генерал-майора Дорохова протекал в тяжелейших условиях полного окружения противником. Тем не менее общие потери составили не более 60 человек. По воспоминаниям непосредственного участника событий командира I батальона 1-го Егерского полка майора М.М. Петрова, «изнурение нижних чинов егерской нашей бригады (1-й и 18-й Егерские полки. — **А.М.-Г.**) в жаркий день до того простёрлось, что несколько человек пали на пути мёртвыми, и у многих, по истощении всего поту, выступила под мышками кровь. Тут офицеры 1-го и 18-го Егерских полков изъ-

Боевой путь 18-го Егерского полка в Отечественную войну 1812 года

явили чрезвычайную любовь к своим подчинённым: они верховых своих лошадей навьючили ранцами обессилевших солдат, а сами несли на своих плечах по две патронные сумы и по два ружья, а иные могучие — и более»¹².

26 июня 1812 года вся 2-я армия, в которую вошёл отряд генерал-майора Дорохова, собралась у Несвижа. Оттуда путь 2-й армии лежал через Слуцк и Бобруйск к Новому Быхову. Там 12 июля «18-й Егерский, находившийся до сего времени в отряде Дорохова, оставлен при главных силах, по чрезвычайному утомлению в нём людей прежними маршами»¹³. А отряды Платова и Дорохова (вместо 18-го туда был включён 33-й Егерский полк) переправились за Днепр и пошли на соединение с 1-й армией.

Армия князя Багратиона направилась к Смоленску. 22 июля 1812 года в этом городе соединились 1-я и 2-я Западные армии.

Но люди в полку, непривычные к постоянным маршам и частым боям и стычкам, особенно после тихой и безмятежной гарнизонной службы в далёкой Сибири, были переутомлены. 26 июля полк попал на глаза Барклаю-де-Толли. В результате этого появился приказ № 75 по 1-й Западной армии: «18 Егерский полк, отойдя вчера 5 вёрст от лагеря при Смоленске, имел так много отсталых, что другие полки, на самый ночлег пришедшие, столько не оставили. Главнокомандующий, относя сие на счёт недостатка внимания на сбережение людей командующего полком, замечает, что оное должно быть давно пренебрежено, а между усталыми остающиеся здоровые люди доказывают, сколько мало усердия в полку, когда прочие все горят нетерпением сразиться с неприятелем; по чему полк сей, как не заслуживающий быть в авангарде, впредь обращён будет на сохранение обозов...»¹⁴. Но основная задача это-

го приказа состояла в том, чтобы «явить гг. офицерам и нижним чинам всей армии пример»¹⁵, ибо уже 6 августа 18-й Егерский полк был причислен к арьергарду отступавшей армии под командой барона Ф.К. Корфа.

5 августа 1812 года произошло знаменитое Смоленское сражение, в результате которого русская армия оставила город. 6 и 7 числа егеря 18-го полка¹⁶ вместе с другими лёгкими частями отбивали атаки французов, прикрывая перегруппировку 1-й Западной армии для дальнейшего движения в глубь России. В этих боях были тяжело ранены: «саблею по голове, с лишением левого глаза» командир 8-й роты 18-го Егерского полка капитан П.В. Поляков¹⁷, «в левую руку в безымянный палец по 1-й сустав» полковой казначей подпоручик А.М. Судейкин¹⁸. Поручик 7-й егерской роты А.И. Герцберг

егерей Розена. Кровавопролитный бой длился до полуночи, неприятель был отражён, пленных практически не было — лишь несколько офицеров и 60 нижних чинов²¹. В последующие дни армия отступала и 14 августа остановилась у села Семлёва.

15 августа соединённые 1-я и 2-я Западные армии находились у Вязьмы, арьергард же перешёл через реку Осму и имел кровавопролитный бой с неприятелем в районе села Семлёва, причём особо отличилась 7-я егерская рота полка. Рассыпанная в цепи, она несколько часов сдерживала неприятеля. Командовавший стрелками поручик А.И. Герцберг был ранен «в правую ладонь пулею навывлет»²². Арьергард несколько раз отбивал попытки противника перейти Осму вброд, и отошёл лишь после подхода основных превосходящих сил французов. На следую-

Таблица 2

Безвозвратные потери нижних чинов полка (1-го и 3-го батальонов и 2-й гренадерской роты) с июля по сентябрь 1812 года

Личный состав	Убито		Пропало без вести		Итого убито по полку в целом
	1-й и 3-й бат.	2-я гр.рота	1-й и 3-й бат.	2-я гр.рота	
Унтер-офицеры	10	4	4	—	21
Барабанщики	4	—	3	—	8
Рядовые	469	21	100	12	647
Нестровые	—	—	2	1	8

Составлена по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1740. Л. 213, 215, 216.

«за отличие» награждён орденом Св. Анны 3-й степени (класса)¹⁹.

В итоге 8 августа вся 1-я армия переправилась на левый берег Днепра. На правом же берегу был оставлен арьергард под общей командой генерала Платова, состоящий из 3 гусарских и 1 уланского полков и отряда егерей генерал-майора барона Ф.Ф. Розена (1, 18, 19, 33, 34, 40-й Егерские полки)²⁰.

10 августа арьергард, сдерживая наступление французов, отошёл к деревне Михалёвке и приготовился дать сражение. В 16 ч казаки Платова с помощью ложного отступления навели французов на находившихся в засаде

Этот день состав арьергарда был изменён, сменился и его командующий: новым начальником стал генерал-лейтенант П.П. Коновницын.

17 августа в селе Царёво Займище в командование армиями вступил князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Войска начали движение к селу Бородино.

По «диспозиции к Бородинскому сражению» 18-й Егерский полк находился в 2-м передовом отряде центра соединённых армий под командой шефа²³. При обороне люнета — батареи Раевского полк находился непосредственно за ним, в резерве. При второй атаке на батарею, в 10 ч, французы брига-

ды генерала Шарля-Огюста Бонами из 1-й дивизии Шарля-Антуана-Луи-Алексиса Морана (30-й линейный полк) выбили оттуда 26-ю дивизию И.Ф. Паскевича и егерскую бригаду 12-й дивизии, переколов штыками орудийную прислугу.

Проезжавший невдалеке генерал А.П. Ермолов, заметив на курганной батарее французов, взял лишь третий батальон Уфимского пехотного полка (по воспоминаниям фон Левенштерна — Томского полка) и повёл солдат в атаку. Генерал Н.Н. Раевский послал им на помощь 18-й Егерский под командой подполковника

Таблица 3

18-й Егерский полк (без второго батальона) в ноябре 1812 года

Личный состав	По списку	Налицо
Штаб-офицеры	1	1
Обер-офицеры	9	8
Унтер-офицеры	12	12
Музыканты	12	12
Рядовые	427	370
Рекруты	—	359

Составлена по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1740. Л. 172.

Тихона Ивановича Чистякова. 19-й и 40-й Егерские полки полковника Н.В. Вуича стали обходить неприятеля с левого фланга. Генерал И.В. Васильчиков с двумя полками 12-й дивизии ударил с правого фланга, а И.Ф. Паскевич с остатками своей 26-й дивизии и бригады 12-й дивизии обошёл французов с тыла²⁴.

Атакой 18-го Егерского полка руководил генерал Ф.П. Алексополь. Полковой командир Т.И. Чистяков непосредственно вёл своих егерей на реду. Командиры батальонов майоры Загорский и Еремеев шли впереди батальонных колонн. Интенсивность огня оказалась настолько сильной, что выжить можно было лишь чудом.

Генерал Алексополь получил рану в колено. Его адъютант капитан И.Н. Павлов — в правое плечо²⁵. Полковой адъютант подпоручик

П.М. Томиловский 1-й ранен картечью в левую ногу.

После ранения командира первого батальона майора Загорского 2-го «сзади правого уха в шею тремя гранатными черепками»²⁶ командование батальоном принял командир 1-й гренадерской роты штабс-капитан С.А. Эйсмонт. Принявший от него роту поручик А.И. Мей в рукопашной получил рану «в левый бок пониже груди»²⁷. Но контратакой егерские роты капитана Панченко (2-я) и штабс-капитана Ускова 2-го (3-я) отбросили неприятеля. Храбро дрались офицеры польского происхождения А.К. Дворжевский-Богданович (ранен «пулею навывлет с повреждением костей»)²⁸ и И.А. Барановский («пулею в лоб сколзом»)²⁹.

В третьем батальоне его командир майор Еремеев также выбыл из строя. Командир 3-й гренадерской роты капитан В.И. Бреер фактически принял на себя командование батальоном. Поручик А.Е. Мандерштерн 1-й взял командование ротой на себя, но практически сразу же был контужен.

Через четверть часа упорной битвы люнет опять стал русским³⁰. Основной боевой задачей стало удержать отвоёванное. Вместо раненого генерала Алексополя оборону егерей возглавил командир полка Чистяков, гренадерские роты штабс-капитана С.А. Эйсмонта (1-я) и капитана В.И. Бреера (3-я) с трудом отбивались от французов, стремившихся взять реванш. Особенно тяжело приходилось левому флангу: там поручик Тхоржевский с остатками 8-й роты, рассыпанными в стрелковую цепь, уже несколько раз отбивал французов штыковыми атаками. В одной из них был тяжело ранен 16-летний прапорщик Е.Е. Мандерштерн 2-й, который через 20 лет станет последним (до его соединения с Орловским пехотным) командиром 18-го Егерского полка.

В это время фельдфебель 1-й гренадерской роты 18-го Егерского полка Василий Васильевич Золотов³¹ взял в плен в рукопашной схватке генерала Ш.-О. Бонами, который, стремясь спастись, назвал себя королём Неаполитанским Мюратом. Правда выяснилась, когда фельдфебель В.В. Золотов привёл именитого пленника к М.И. Кутузову. Случай этот описал в своих воспоминаниях офицер 11-й артиллерийской бригады И.Т. Радожицкий: «...этот мнимый Мюрат был генерал Бонами. Когда русский гренадер хотел его колоть, то он, для спасения своего, вскричал: «Я король!» Тогда усач, взявши короля за шиворот, потащил к главнокомандующему. Князь Кутузов тут же... наградил его знаком отличия военного ордена Св. Георгия»³².

За этот подвиг В.В. Золотов на самом деле не получил знака отличия ордена Св. Георгия, а был произведён в подпоручики, что подтверждает его формуляр за 1815 год³³. В полковых документах об этом герое говорится следующее: «Фельдфебель Василий Золотов его светлостью господином главнокомандующим армиями князем и кавалером Голенищевым-Кутузовым во время сражения 26-го числа августа при селе Бородине за взятие французского генерала в плен произведён в подпоручики. Которому сей чин того ж августа 26-го числа 812-го года и объявлен»³⁴.

Надо сказать, что Василий Васильевич Золотов был типичным младшим офицером провинциального полка начала XIX века. В 1812 году ему исполнилось 29 лет, 10 из них он посвятил военной службе. По происхождению — из солдатских детей. Вся служба В.В. Золотова, со звания рядового в 1803 году, была связана с 18-м Егерским полком. В 1804-м (на втором году службы) его произвели в унтер-офицеры, а в 1806 году (на четвёртом) — в фельдфебели³⁵.

В рапорте князю Барклаю-де-Толли Ермолов указывал также на личную храбрость командира 18-го Егерского полка подполковника Т.И. Чистякова³⁶. За Бородину его наградили орденом Св. Георгия 4-й степени.

10 офицеров 18-го Егерского были особо отмечены в «Списке 23-й пехотной дивизии... отличившимся господам штаб- и обер-офицерам, бывшим в сражении против французских войск 26-го числа августа при селе Бородине», подписанном генерал-лейтенантом графом А.И. Остерманом-Толстым; шеф полка георгиевский кавалер генерал-майор Алексополь, командовавший полком во время штыковой атаки на люнет, где был тяжело ранен пулей в ногу, представлен к ордену Св. Владимира 3-й степени; подполковник Чистяков, кроме Георгия 4-й степени, — к Анне 2-й степени за «отличную храбрость и мужество»; майоры Загорский и Остен-Сакен, капитан Бреер и штабс-капитан Эйсмонт — к ордену Св. Владимира 4-й степени «за личную храбрость и умелое руководство нижними чинами при защите батареи и контратаке на неприятеля»; поручики Мандерштерн, Мей, Тхоржевский и подпоручик Барановский — к ордену Св. Анны 3-й степени «за то, что во время штыковой атаки, презирая опасность, вели за собой» нижних чинов³⁷.

Но не все они получили заслуженные награды: орден вручили лишь майору Остен-Сакену. Генерал-майор Алексополь, подполковник Чистяков, поручики Мандерштерн 1-й и Тхоржевский не были награждены вовсе. Остальных офицеров произвели в очередной чин³⁸.

Награждение состоялось, по-видимому, позже: к 1815 году за прошлые подвиги при Бородине полковник Чистяков уже числился кавалером ордена Св. Георгия 4-й степени, бригадный адъютант капитан Павлов и

командир 2-й егерской роты капитан Панченко стали кавалерами ордена Св. Анны 3-й степени.

Следует сказать, что не только строевые чины полка показали чудеса храбрости. Сохранился список священников разных полков, награждённых медалью «В память войны 1812 года». Под № 9 в списке указан священник 18-го Егерского полка отец Улиан Заморской³⁹. Он был награждён также бронзовым наперсным крестом на Владимирской ленте⁴⁰.

В результате Бородинского сражения полк потерял 303 нижнихчина (убиты 147 рядовых, ранены 6 унтер-офицеров, 111 рядовых и 4 нестро-

ский 1-й, прапорщик Евгений Егорович Мандерштерн 2-й⁴².

Для последнего последствия ранения сказались даже через 54 года. На Введенском кладбище в Москве находится памятник со следующей надписью: «Генераль-Лейтенантъ / Евгений Егоровичъ / Мандерштернъ / родился 20 Мая 1796, / скончался 3 Сентября 1866 / вслѣдствіи болѣзни / произошедшей отъ раны / полученной имъ / на Бородинскомъ полѣ / въ 1812 году».

В этом сражении большие потери понесла вся 23-я дивизия: её командиру А.Н. Бахметьеву 3-му ядром оторвало ногу, погибли мно-

Таблица 4

18-й Егерский полк к 1 февраля 1813 года

Батальоны и роты		По списку состоит					Недостаёт					Налицо						
		Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых	Нестроевых	
Первый батальон	1-я грендерская	-	3	3	11	99	-	1	4	17	4	131	-	-	3	3	11	89
	1-я егерская	-	2	2	1	98	-	1	2	18	2	132	-	-	1	2	1	88
	2-я егерская	-	2	2	1	98	-	-	2	18	2	132	-	-	1	2	1	87
	3-я егерская	1	1	2	1	98	-	-	3	18	2	132	-	-	-	2	1	88
	Итого:	1	8	9	14	393	-	2	11	71	10	527	-	-	5	9	14	352
Третий батальон	3-я грендерская	1	2	3	1	98	-	-	3	17	5	132	-	1	2	2	1	90
	7-я егерская	-	1	2	-	98	-	1	3	18	3	132	-	-	1	2	-	88
	8-я егерская	-	1	2	-	98	-	-	3	18	3	132	-	-	1	2	-	84
	9-я егерская	-	1	2	-	98	-	1	3	18	3	132	-	-	1	2	-	88
	Итого	1	5	9	1	392	-	2	12	71	14	528	-	1	5	8	1	350
Всего		2	13	18	15	785	-	4	23	142	24	1055	-	1	10	17	15	702

Составлена по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1742. Л. 3 об., 4.

евых; без вести пропали 4 унтер-офицера, 30 рядовых и 1 нестроевой⁴¹.

Потери офицерского состава оказались также велики. Ранены были шеф генерал-майор Фёдор Пантелеймонович Алексополь, майоры Еремеев, Фёдор Иванович Загорский 2-й, капитан Даниил Иванович Панченко, штабс-капитан Усков, поручики Александр Иванович Мей, Алексей Егорович Мандерштерн 1-й (контужен), подпоручики Адам Казимирович Дворжевский-Богданович, Иван Андреевич Барановский, Бурдуков, Пётр Матвеевич Томилов-

гие офицеры и нижние чины.

Многих потеряли и французы. Так, в 30-м линейном полку бригады Ш.-О. Бонами, в котором 23 августа 1812 года насчитывалось 3078 человек, после атаки на курганную батарею осталось 268 человек, в том числе 11 офицеров⁴³.

На рассвете 27 августа русская армия оставила Бородинское поле и начала движение к Можайску, а затем к Москве.

В связи с ранением Бахметьева 3-го 23-ю дивизию принял бывший командир 2-й бригады 11-й пехотной дивизии отставной генерал-майор В.Д. Лаптев.

С 28 августа по 2 сентября 1812 года остатки 18-го Егерского полка, сведённые в один батальон, находились на дороге по направлению к Звенигороду⁴⁴.

2 сентября русские войска оставили Москву. 15 сентября в связи с тяжёлыми потерями 18-й Егерский полк расформировали, его обученный состав поступил на доукомплектование 1-го (1 штаб-офицер — майор Остен-Сакен, 8 обер-офицеров, 6 унтер-офицеров, 4 барабанщика и 146 рядовых⁴⁵) и 33-го (8 обер-офицеров, 9 унтер-офицеров, 4 барабанщика и 146 рядовых⁴⁶) Егерских полков. А команда, состоявшая из «30 рядовых с батальона с приличным числом унтер-офицеров и офицеров и унтер-штаб»⁴⁷, во главе с подполковником Т.И. Чистяковым была отправлена в Арзамас на доукомплектование до полных штатов.

Рассмотрим вопрос комплектования 18-го Егерско-

го полка, после потерь, понесённых им в июле—сентябре 1812 года. Следует отметить, что процесс доукомплектования полка до полных штатов из-за нехватки личного состава проходил довольно медленно. Руководил им подполковник Т.И. Чистяков. На комплектование были употреблены нижние чины и офицеры временных полков, сформированных в Воронежской, Тамбовской и Ярославской губерниях⁴⁸.

Но личный состав прибывал небольшими партиями, что задерживало отбытие полка к местам боевых действий. К примеру, в январе 1813 года из 3-го Егерского Воронежского полка поступили: 1 штаб-офицер (майор князь П.А. Кропоткин), 2 обер-офицера, 6 унтер-офицеров, 3 музыканта, 123 рядовых, 12 нестроевых и денщиков⁴⁹. Они послужили основой для 1-го батальона. На протяжении января — мая 1813 года таких партий прибыло 5. Кро-

ме того, несколько обер- и унтер-офицеров поступило из 2-го Егерского Ярославского и 1-го и 7-го пехотных Тамбовских полков, два офицера — произведённые за отличия нижние чины лейб-гвардии Егерского полка.

На 1 октября 1812 года в 18-м Егерском насчитывалось: 1 штаб-офицер, 4 обер-офицера, 6 унтер-офицеров, 12 музыкантов и 60 рядовых⁵⁰. Количество раненых, числившихся в батальоне, было явно больше: 2 штаб-офицера, 14 обер-офицеров, 32 унтер-офицера, 12 барабанщиков и 626 рядовых⁵¹.

Что касается второго (запасного) батальона, то следует сказать, что с началом войны 1 резервный корпус был фактически расформирован. Запасные батальоны полков 7-й и 23-й пехотных дивизий и запасные эскадроны полков лёгкой кавалерии 2-й кавалерийской дивизии остались в гарнизоне крепости Динабург.

Корпус графа П.Х. Витгенштейна направлялся через р. Солоку на Динабург. За ним по пятам следовал маршал Шарль Удино. Не получив на то разрешение императора Наполеона, маршал двинулся к крепости, чтобы сходу занять её. Гарнизон крепости в то время насчитывал немногим более 2500 человек при 80 пушках. Корпус Удино имел 32 тыс. человек пехоты, 2400 кавалерии. Это более чем в 10 раз превышало количество защитников крепости. В течение трёх дней, с 1 по 3 июля 1812 года маршал Удино штурмовал Динабургскую крепость, но результаты были неутешительными для французского корпуса. Русские артиллеристы в два раза быстрее производили выстрелы, перетаскивали пушки с места на место, что создавало у противника впечатление, будто на бастионах количество пушек постоянно увеличивается. Батальон же 18-го Егерского полка под командой майора И.Т. Петрова оборонял самый опасный

Таблица 5

Офицеры 18-го Егерского полка, удостоенные наград за Отечественную войну 1812 года и Заграничные походы

Вид награды	Кол-во	Чин и фамилия награждённого
Орден Св. Георгия 4-й степени	1	Подполковник Т.И. Чистяков
Орден Св. Анны 2-й степени	1	Майор И.Т. Петров
Орден Св. Владимира 4-й степени с бантом	6	Подполковник Ф.И. Загорский, Майор В.И. Бреер, Майор Остен-Сакен, Майор И.Т. Петров, Штабс-капитан И.И. Шумилов, Подпоручик И.А. Пономарёв
Орден Св. Анны 3-й степени	8	Подполковник Ф.И. Загорский, Майор В.И. Бреер, Капитан И.Н. Павлов (бригадный адъютант), Капитан Д.И. Панченко, Штабс-капитан Г.И. Петровский, Штабс-капитан И.И. Шумилов, Поручик Ф.А. Комаев, Поручик А.И. Герцберг
Высочайшим благоволением	2	Штабс-капитан Г.И. Петровский, Прапорщик Р.С. Шпакковский
Произведены за храбрость в следующий чин	6	Майор Ф.И. Загорский в подполковники, Капитан В.И. Бреер в майоры, Штабс-капитан С.А. Эйсмонт в капитаны, Поручик А.И. Мэй в штабс-капитаны, Подпоручик И.А. Барановский в поручики, Прапорщик П.С. Бердюгин в подпоручики
Произведён за храбрость из нижних чинов в офицеры	1	Фельдфебель В.В. Золотов в подпоручики
Бронзовый наперсный крест на Владимирской ленте	1	Священник отец Улиан Заморский
Прусский королевский орден «Pour le Mérite»	1	Майор И.Т. Петров

участок — предмостные укрепления⁵².

Понеся большие потери и получив приказ Наполеона об отходе, маршал Удино в ночь на 4 июля отвёл свои войска от Динабурга и двинулся вверх по Даугаве к Дриссе. Ему предстояло догнать Великую армию. Вслед был выслан отряд «охотников» из состава всё того же второго батальона 18-го Егерского полка, который завязал бой с арьергардом французской колонны и захватил в плен около 80 человек. Это были первые пленные в таком большом количестве. В целом попытка неприятеля овладеть Динабургом, захватить переправу через Даугаву и угрожать Петербургу была сорвана. Французское наступление получило другое направление.

«Храбрый гарнизон, — так характеризовал Барклай-де-Толли этот подвиг. — Я никогда не полагал, чтобы Динабургское мостовое прикрытие можно было защищать против превосходных сил неприятельских долгое время». Личному составу крепости объявили благодарность, а особо отличившихся наградили.

4 июля последовало повеление запасным батальонам отрядов генерал-майора А.Ю. Гамена (остатки 32-й дивизии — фактически только запасные батальоны 23-й дивизии) состоять при корпусе графа Витгенштейна. 1-я Западная армия в это время отступала к Полоцку.

5 и 6 августа на петербургском направлении при Полоцке произошло сражение, в котором довелось принять участие второму (запасному) батальону 18-го Егерского полка.

Ещё в середине июля отряд генерал-майора Гамена продолжал находиться в районе Динабурга. В то время как основные части корпуса Витгенштейна перекрывали войскам Удино путь на Петербург, задача отряда была занимать ложными действиями корпус Этьена-Жака-Жозефа-Александра Макдональда

и защищать дорогу через Режицу на Лютцен, дабы не допустить его выхода в тыл основным нашим силам. После тяжёлых потерь в успешных для нас сражениях при Клястицах и Головчине и в связи с наступлением превосходящих сил Макдональда отряду Гамена было приказано следовать на соединение с главными силами графа Витгенштейна в район Полоцка.

20 июля Макдональд занял Динабург. Но дальнейшего наступления на Ригу он не предпринял. Удино также был пассивен. Более того, действия корпуса графа Витгенштейна не только обезопасили Санкт-Петербург и Ригу, но и оттянули с главного, московского, направления корпус Гувиона Сен-Сира. 29 июля Витгенштейн выступил к Полоцку. В результате сражения 5 и 6 октября, в ходе которого батальон 18-го Егерского находился в резерве за центром в районе мызы Спас и принял активное участие в контратаке на францу-

зов, те удержали Полоцк, но дальше продвинуться были уже не в состоянии. Паритет сохранился на этом участке до октября⁵³.

Бурные события происходили в районе Полоцка в октябре. В результате трёхдневных боев 6, 7 и 8 октября Полоцк был взят штурмом. При этом ряд офицеров второго батальона 18-го Егерского полка получил награды: командир батальона майор И.Т. Петров — орден Св. Владимира 4-й степени с бантом⁵⁴; командир 4-й роты штабс-капитан И.И. Шумилов — орден Св. Анны 3-й степени (в бою был ранен картечью в ногу)⁵⁵; поручик 6-й роты Ф.А. Комаев — орден Св. Анны 3-й степени⁵⁶; прапорщик 4-й роты П.С. Бердюгин получил чин подпоручика⁵⁷.

19—31 октября 1812 года батальон участвовал в сражении при Чашниках, а 1 и 2 ноября — при мызе Смоляны. В составе корпуса графа Витгенштейна преследо-

Таблица 6

Нижние чины 18-го Егерского полка, награждённые знаком отличия военного ордена Св. великомученика и победоносца Георгия за подвиги во время Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов

Фамилия, имя, отчество	Номер знака отличия	Происхождение	Лет от роду
Фельдфебели			
Иванов Алексей Степанович	.....	Тверской губернии из дворовых	29
Потанин Алексей Иванович	25064	Пермской губернии из крестьян	36
Тимушев Андрей Малофеевич	24622	Вологодской губернии из крестьян	29
Стидырнов Степан Степанович	29049	Томской губернии из мещан	29
Чупин Николай Матвеевич	24685	Из солдатских детей	22 года
Волков Степан Яковлевич	25647	Из солдатских детей	26
Унтер-офицеры:			
Алексеев Федуп Алексеевич	24694	Тульской губернии из крестьян	37
Малышев Иван Данилович	25645	Томской губернии из крестьян	36
Ячменев Иван Никитич	25653	Тамбовской губернии из крестьян	33 года
Исаков Прокопий Федорович	25643	Из солдатских детей	26
Сизых Степан Антонович	25648	Иркутской губернии из крестьян	26
Глушков Данило Алексеевич	25644	Вятской губернии из крестьян	26
Дозмороз Филат Петрович	.....	Пермской губернии из крестьян	38
Тулаев Захар Филатович	25066	Иркутской губернии из госуд. крестьян	28
Пантелеев Антип Иванович	25665	Вологодской губернии из крестьян	23 года
Емельянов Степан Емельянович	25654	Рязанской губернии из крестьян	20
Максимов Семён Назарьевич	33711	Из солдатских детей	25
Кирилов Иван Фролович	25668	Томской губернии из крестьян	26
Семенёв Александр Семёнович	33745	Из солдатских детей	25
Петров Степан Петрович	64671	Вятской губернии из детей священников	48
Филиппов Иван Филиппович	.....	Пензенской губернии из однодворцев	25
Свиньин Дмитрий Ерофеевич	25655	Томской губернии из мещан	30
Дмитриев Иван Васильевич	.....	Из солдатских детей	21 год
Тетюцкой Александр Семёнович	25642	Из детей священников	24 года
Жеребцов Иван Фёдорович	25664	Города Томска, из церковников	48
Безруких Игнатий Афанасьевич	33620	Иркутской губернии из крестьян	27

Составлена по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1743. Л. 58—97. Исправлено на 1815 г. по: там же. Д. 1744. Л. 33—35.

вал неприятеля до границы. Участвовал в сражениях 15 и 16 ноября при г. Борисове и р. Березине. За храбрость в последнем командир 4-й роты штабс-капитан И.И. Шумилов был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом⁵⁸.

В декабре 1812 года 18-й Егерский полк подполковника Чистякова в составе первого батальона майора князя Кропоткина (находился при Главной квартире и фактически не участвовал в формировании батальона и обучении людей) и третьего батальона произведённого в майоры Бреера, имея в своём составе 1 штаб-офицера, 10 обер-офицеров, 17 унтер-офицеров, 15 музыкантов и 702 рядовых, отправился «в поход к вновь назначенным квартирам Могилёвской губернии в город Новую Белицу»⁵⁹ (под Гомелем. — **А.М.-Г.**). В марте 1813 года вошедший в Резервную армию князя Д.И. Лобанова-Ростовского первый батальон квартировал в местечке Ветка Белицкого повета Могилёвской губернии, а третий продолжал движение на запад, к крепости Данциг. Интересно, что вооружение армии князя Лобанова-Ростовского оставляло желать лучшего: из необходимых 117 тыс. ружей на армию было получено только 64 тыс., из которых 13 тыс. «трофейных» — собранных у неприятеля, а остальные — английские⁶⁰.

В связи с переводом Кексгольмского и Перновского пехотных полков за отличия в гренадеры, в 11-ю дивизию из 23-й были переведены Екатеринбургский и Рыльский полки, а Селенгинский пехотный и 18-й Егерский планировалось перевести в Финляндский корпус графа Ф.Ф. Штейнгеля⁶¹. 23-ю дивизию надлежало сформировать заново. Но 18-й Егерский не отправился в Финляндию, а, разбитый на три отдельных батальона, продолжал сражаться с непри-

ятелем на различных участках театра боевых действий.

По расписанию войск на 29 августа 1814 года 18-й Егерский полк значится в 6-й пехотной дивизии I корпуса⁶², но в реальности переформирование произошло раньше, ещё 28 апреля 1813 года⁶³.

Полк в 1813 году как единая боевая единица фактически не существовал: все 3 его батальона действовали автономно. С мая третий батальон (майор Бреер, потом подполковник Загорский) — под Данцигом; первый батальон (подполковник Чистяков) с июля — в пределах Великого герцогства Варшавского, с августа — под Модлиным. А командир полка (должность шефа была вакантной) подполковник Чистяков даже совмещал труды по комплектованию с командованием 6-й (резервной) пехотной дивизией I пехотного корпуса.

В 1813 году первый батальон майора князя Кропоткина (в реальности батальоном за его отсутствием по разным причинам командовал подполковник Чистяков), войдя в июле в пределы Великого герцогства Варшавского, до середины августа участвовал в блокаде Модлина и только 10 сен-

тября соединился с другими батальонами⁶⁴.

Второй (запасной) батальон майора Петрова из корпуса Меллера-Закомельского с 10 января 1813 года находился в пределах Пруссии. До февраля — под Данцигом, а войдя в отряд генерала Клейста, — в Вестфалии, потом — в Саксонии. 20 апреля батальон принял участие в битве при деревне Лейденау. За отличия в битве командир батальона был награждён орденом Св. Анны 2-й степени. 27 апреля батальон участвовал в обороне моста в Мильзберге, а 8 мая — в генеральном сражении при Бауцене. В этом сражении майора И.Т. Петрова ранило пулей в левую ногу. За храбрость его наградили прусским военным орденом «Pour le Mérite». В сентябре 1813 года второй батальон, присоединившись к остальным батальонам полка, участвовал в блокаде и штурме Данцига⁶⁵.

Третий батальон майора Бреера (с сентября подполковника Загорского) в апреле 1813 года прибыл из России к Данцигу. В августе с его участием была отбита неприятельская вылазка в районе форштадта Оры. За эти бои орденом Св. Анны

Памятник полкам 23-й пехотной дивизии на Бородинском поле 1912 г.

3-й степени наградили командира 9-й егерской роты штабс-капитана Г.И. Петровского⁶⁶. 28—29 сентября батальон овладел высотами с передовыми неприятельскими укреплениями. За храбрость подполковника Загорского и майора Бреера наградили орденом Св. Анны 3-й степени⁶⁷. Подпоручик Рылов тогда же был ранен пулей в левую ногу. Затем батальон предпринял различные вылазки, участвовал в траншейных караулах, сражениях за Иезуит-шанцы и блокгаузы и, наконец, во взятии города Данцига 20 декабря 1813 года. Тогда многие офицеры 18-го Егерского были награждены: подполковник Загорский — орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом; майор Бреер — орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом; штабс-капитан Петровский — высочайшим благоволением; подпоручик Пономарёв — орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом; прапорщик Шпакковский — высочайшим благоволением.

После взятия Данцига для 18-го Егерского полка закончились боевые будни. Полк был отведён на постоянные квартиры в Могилёвскую губернию.

В память заслуг полка в Отечественной войне 1812 года в 1912-м 124-му пехотному Воронежскому полку (потомку 18-го Егерского) разрешено было поставить мемориал на Бородинском поле «к северу от деревни Горки». Ныне на поле, недалеко от памятника кавалергардам и конногвардейцам, находится памятник полкам, входившим в 23-ю пехотную дивизию, в том числе и 18-му Егерскому. На южной стороне монумента начертано: «124 пехотный воронежский полк / своимъ доблестнымъ предкамъ / 18го Егерскаго полка, / геройски павшимъ на батарее / Раевского / 26 августа 1812 г.».

Подводя итоги участия полка в Отечественной войне

1812 года и Заграничных походов 1813—1814 гг., следует отметить три важных обстоятельства.

Во-первых, нижние чины оказались поначалу не подготовлены к тяготам боевой жизни (что вполне оправданно после долгой гарнизонной службы), но оказались хорошими учениками и честными солдатами. Во-вторых, хорошо подготовленный унтер-офицерский состав справлялся со своими обязанностями, при этом подавая пример нижним чинам. За Отечественную войну 1812 года и Заграничные походы в полку было 26 унтер-офицеров, награждённых знаком отличия военного ордена. В-третьих, офицерский состав полка, в основном участвовавший в Наполеоновских войнах, показал себя подготовленным, профессиональным, храбрым. Штаб-офицеры полка (подполковники Т.И. Чистяков и Ф.И. Загорский) порой занимали должности дивизионных начальников и успешно с ними справлялись. Ober-офицеры за профессионализм и храбрость получали не только награды, но и достойное повышение по службе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Звезинцов В.В. Хронология Русской армии 1700—1914 гг. Париж, 1961. Ч. 1. С. 26.

² Ростов Н.Д. Земли Алтайской верные сыны: из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Барнаул, 2003. С. 20—22.

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т. 31. С. 335, 336.

⁴ Звезинцов В.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 65.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2703. Оп. 4/171. Д. 2. Ч. 3.

⁶ Командир — генерал-майор граф П.А. Шувалов, 25 июня его сменил генерал-лейтенант граф А.И. Остерман-Толстой.

⁷ Табаев Г.С. Роспись русским полкам 1812 года. Киев, 1912. С. 29.

⁸ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 1. С. 149.

⁹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1911. Отд. 1. Т. 15. С. 1.

¹⁰ Там же. С. 4.

¹¹ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 1. С. 150.

¹² Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м Егерском полку полковника Петрова... // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 176.

¹³ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 1. С. 217.

¹⁴ Приказы по 1-й Западной армии // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.). М.: Студия «ТРИТЭ»; «Российский архив», 1996. Вып. VII. С. 58.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1744. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 8.

¹⁸ Там же. Л. 26.

¹⁹ Там же. Л. 20.

²⁰ Отечественная война 1812 года. Отд. 1. Т. 15. С. 19.

²¹ Там же. С. 20.

²² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1744. Л. 20.

²³ Кутузов М.И. Сб. документов. М., 1954. Т. 4. Ч. 1. С. 142.

²⁴ Там же. С. 453.

²⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1744. Л. 9.

²⁶ Там же. Л. 4.

²⁷ Там же. Л. 18.

²⁸ Там же. Л. 27.

²⁹ Там же. Л. 28.

³⁰ Бородино. 1812. М., 1987. С. 180.

³¹ Кутузов М.И. Указ. соч. С. 453.

³² Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 386.

³³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1744. Л. 30.

³⁴ Там же. Д. 1740. Л. 216 об.

³⁵ Там же. Д. 1741. Л. 9.

³⁶ Отечественная война 1812 года. Отд. 1. Т. 18. С. 99.

³⁷ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 4. Ч. 1. Л. 294 об.—296.

³⁸ Там же. Ф. ВУА. Д. 16873. Л. 48.

³⁹ Крестная сила. Духовенство в Отечественной войне // Родина. 1992. № 6—7. С. 83.

⁴⁰ Медаль в наследство // Родина. 1992. № 6—7. С. 61.

⁴¹ Кутузов М.И. Указ. соч. 1956. Ч. 2.

⁴² Там же. Т. 4. С. 163.

⁴³ РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 39. Л. 40, 50—52.

⁴⁴ Васильев А. Лукавая цифирь авантюриста // Родина. 1992. № 6—7. С. 71.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1744. Л. 11.

⁴⁶ Там же. Д. 1740. Л. 238.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Кутузов М.И. Указ. соч. 1956. Ч. 2. Т. 4. С. 285.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1742. Л. 1—3.

⁵⁰ Там же. Л. 3.

⁵¹ Там же. Д. 1740. Л. 235.

⁵² Там же. Л. 239.

⁵³ Там же. Д. 1799. Л. 4 об.

⁵⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским: В 4 ч. СПб., 1839. Ч. 1. С. 421.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1744. Л. 5.

⁵⁶ Там же. Л. 12.

⁵⁷ Там же. Л. 23.

⁵⁸ Там же. Л. 34.

⁵⁹ Там же. Л. 12.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Богданович М.И. История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам. СПб., 1860. Т. 1. С. 138.

⁶² Там же. С. 144.

⁶³ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружений Российских войск. СПб., 6/д. Т. 10. С. 44.

⁶⁴ Мишин Д. Русские егеря в Заграничных походах 1813—1814 // Цейхгауз. 1999. № 9. С. 17.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1744. Л. 3.

⁶⁶ Там же. Л. 6, 7.

⁶⁷ Там же. Л. 18.

⁶⁸ Там же. Л. 3.

ТАЙНА СМЕРТИ ВИЛЬГЕЛЬМА КУБЕ

Операция по ликвидации гауляйтера Белоруссии Вильгельма фон Кубе стала самой известной и уникальной диверсией белорусских партизан и подпольщиков в годы Великой Отечественной войны. Об этом написаны сотни книг и статей, сняты документальные и художественные кинофильмы, однако многие обстоятельства и детали тщательно спланированной акции остаются не выясненными до сих пор. Автор публикуемой статьи предлагает свою версию убийства гауляйтера, в котором, по его мнению, можно найти след и гитлеровских спецслужб.

ВИЛЬГЕЛЬМ фон Кубе (1887—1943) относился к одним из самых талантливых и неординарных деятелей «третьего рейха». В числе его идейных и политических наставников были историк пангерманист Д. Шеффер, руководители движения немецкого антисемитизма Т. Фрич и А. Бартельс. В 1909 году В. Кубе, студент Берлинского университета, увлекавшийся историей и науками о государстве, стал сооснователем и председателем «Немецкого народнического союза студентов», а два года спустя вступил в одну из многочисленных националистических партий Германии того времени — Немецкую социальную партию. В. Кубе работал домашним учителем, редактором нескольких газет, участвовал в Первой мировой войне. После поражения Германии его политическая активность возросла. В 1919 году он основал молодёжную организацию «Союз Бисмарка» (позднее «Бисмарк Югенд»), избирался депутатом городского управления Берлина, рейхстага, ланд-

тага Пруссии. С 1927 года В. Кубе — член гитлеровской Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), 1 декабря получил членский билет под номером j71682, награждён золотым партийным знаком. Спустя год, 13 сентября Гитлер назначил его руководителем фракции НСДАП и гауляйтером¹ провинции Остмарк, которая в мае 1933 года была объединена с провинцией Бранденбург под названием Кукмарк, обер-президентом которой стал Кубе. В то же время он являлся депутатом рейхстага, выделяясь своим аристократическим происхождением среди представителей нацистской верхушки, вышедшей в основном из простонародья. 29 сентября 1933 года Кубе стал оберфюрером (полковником), а 27 января 1934 года почётным группенфюрером (генерал-лейтенантом) СС.

После прихода в январе 1933 года Гитлера к власти Вильгельм Кубе, занимавший до этого пост директора управления Восточной торговой палаты, снова продвинулся по административной лестнице, став председателем торговой палаты Познань — Восточная Пруссия².

Вильгельм Кубе был хорошо образованным и эрудированным человеком, писал стихи и пьесы. Европейскую известность ему принесла историческая драма «Тотила», повествующая о последней битве готов с римлянами. Эта пьеса в 1933—1934 гг. неоднократно переиздавалась и с успехом шла в театрах по всей Германии. В «Тотиле» ярко отражена мысль о необходимости единства немецкого народа, которому предназначено судьбою мировое господство³. В сентябре 1933 года на премьеру «Тотилы» в провинциальный театр Шнейдемуля пришёл автор пьесы — В. Кубе. Между ним и исполнительницей главной роли — Сванхильды

молодой актрисой Анитой Лиденколь (Лиден) вспыхнул роман. Ради Аниты Кубе бросил жену Маргарет Шмидт и детей: сыновей 15 и 20 лет. Разница в возрасте — Кубе в это время было 46 лет, а Аните только 22 года — не стала для влюблённых преградой, и в 1938 году они поженились. После этого Кубе пьес не писал, а Анита в спектаклях не играла.

В ходе внутренней борьбы за власть в нацистской верхушке Вильгельм Кубе в 1936 году был смещён со всех занимаемых постов. Ему инкриминировалось, что по его приказу без суда и следствия были расстреляны несколько не подчинившихся офицеров и солдат⁴. По другим сведениям, его сняли из-за аферы с доносом и аморальной истории: Кубе обвинили в антипартийном поведении, растрате средств и клевете на «партайгеноссе» — основанием послужило анонимное письмо, автором которого признали В. Кубе⁵. В письме руководитель высшего партийного суда рейхслайтер Вальтер Бух обвинялся в том, что его жена — полуеврейка, при этом её зятем оказался сам Мартин Борман — в то время член штаба высшего руководства СА, тогда номинально руководившей СС. Гитлер, однако, дал указание сохранить за Кубе должность гауляйтера и место депутата рейхстага. И всё же пять лет Кубе нигде не работал, отсутствовал он и на политической арене. В апреле 1941 года Кубе решился напомнить о себе Гитлеру, послав фюреру поздравление с днём рождения⁶. О В. Кубе вспомнили. Возник вопрос о его трудоустройстве. Предлагались различные варианты. В мае 1941 года шёл разговор о его назначении куратором высшей технической школы и медицинской академии Данцига (Гданьска), в начале июня — о месте куратора Кёнигсбергского университета.

Фюрер был против. Он хотел, «чтобы Кубе непременно был назначен на ответственную должность на Востоке»⁷. Это благодеяние оказалось равносильно приговору к высшей мере. Достанься В. Кубе спокойная должность в Пруссии, вся его жизнь, скорее всего, сложилась бы по-другому.

В АВГУСТЕ (по некоторым данным, в сентябре) 1941 года Кубе приступил к непосредственному выполнению своих обязанностей генерального комиссара — гитлеровского наместника в Белоруссии (ныне Беларусь). В состав генерального округа «Беларусь» входила треть довоенной БССР — это Барановичская область, части Вилейской, Минской, Пинской, Брестской и Полесской областей. Вначале он жил в выделенных для него комнатах комиссариата, затем переехал в специально подготовленный трёхэтажный особняк.

Вильгельм Кубе был известен среди нацистской верхушки как большой любитель женщин и шнапса, что несколько смущало фашистских моралистов, и по настоятельному совету рейхсминистра по делам восточных территорий Альфреда Розенберга в сентябре 1942 года в Минск приехала Анита с тремя детьми и тремя собаками.

Надо сказать, что гауляйтер Кубе, историк по образованию, прибыл в Минск, вооружившись историческими сведениями о Белоруссии, и даже говорил о «нордической крови» белорусов, которую они сумели сохранить на протяжении своей тысячелетней истории⁸.

В издававшейся оккупационными властями «Менской газете» («Минской газете») за 5 октября 1941 года говорится о том, что генеральный комиссар Беларуси В. Кубе приказал каждый урок в школе начинать с беседы о «новом порядке» в Европе, организованном Гитлером. Так с помощью школ, газет, журналов, радио, кинофильмов и других средств агита-

ции и пропаганды оккупанты стремились привить белорусам покорность, послушание, разжечь национальную вражду среди местного населения, переориентировать жителей на сотрудничество с немецкими оккупационными органами власти. В. Кубе активно сотрудничал с представителями ряда возникших белорусских националистических организаций, разрешил им использовать белорусскую историческую национальную символику, считая, что «цвета бело-красно-белый должны быть в будущем приметой Беларуси». Летом 1942 года он согласился на создание белорусского корпуса самообороны, но предпринятое осталось незавершённым из-за нежелания руководства СС иметь в центре Белоруссии национальные вооружённые формирования⁹.

В. Кубе интенсивно занимался вопросами экономики и социальной политики, разумеется, в интересах рейха. По его инициативе был создан Союз белорусской молодёжи (СБМ), в составе которого насчитывалось около 12 тыс. членов¹⁰. В апреле 1943 года, в трудные для Германии дни Кубе говорил на секретном совещании окружных комиссаров, начальников главных отделов генерального комиссариата «Белоруссия»: «Перед нами стоит задача — воспитать белорусов в политическом отношении так, чтобы потом можно было использовать их в своих целях. Из политических соображений необходимо изменить отношение к ним, когда же благодаря смягчению в политике белорус поверит в Германию, только тогда мы сможем делать с этим народом что захотим»¹¹.

Будучи сторонником гибкой политики по отношению к населению оккупирован-

ных восточных земель, гауляйтер неоднократно критиковал деятельность местных органов СС и полиции, указывая на то, что после проведения карательных операций против партизан с применением тактики «выжженной земли» количество последних только увеличивается, так как обиженные немцами люди в этом случае массово уходят в леса. Однако в Берлине В. Кубе не слышали, зато себе он нашёл явных недоброжелателей среди нацистских и военных властей. В условиях рушившегося блицкрига те и слышать ничего не хотели, кроме самых жёстких мер по отношению к местному населению. Тем более что после поражения под Москвой в Берлине остро встал вопрос об обеспечении вермахта живой силой, а заводов в фатерлянде — трудовыми ресурсами. В Германии шла повальная мобилизация, рабочие места обнажались. Прикрыть их Гитлер решил рабочими, вывезенными с оккупированной территории. Так появились остарбайтеры. Комиссар Минска Вильгельм Янецке по распоряжению гауляйтера Кубе поручил горуправе провести особо тщательный учёт населения.

В феврале 1942 года Янецке отправил в рейх из детской колонии в Козырево 42 из 70 содержащихся в ней подростков в качестве рабочей силы, в марте — минских фольксдойче 1918—1924 годов рождения. И всё же этого было недостаточно. Начались облавы. Только в период

В. Кубе в оккупированном Минске

карательной операции под наименованием «Волшебная флейта» в домах и на заводах проверили 76 тыс. взрослых жителей, 350 этапировали в Германию. К сентябрю 1943 года, по подсчётам В. Янецке, из Минска в рейх были отправлены 2500 человек.

Однако и в Минске остро ощущалась нехватка рабочей силы. Минская дирекция железной дороги, предприятия вермахта и строительные организации Тодта, располагавшиеся в городе, требовали срочного заполнения 9600 вакансий. А тут ещё пришёл приказ до осени 1943 года уволить всех евреев — это ни много ни мало 8 000 человек.

Надо заметить, что еврейский вопрос в кругах, приближённых к нацистской верхушке, воспринимался далеко неоднозначно. Многие, даже убеждённые нацисты были обеспокоены судьбой своих прежних товарищей по оружию, отличавшихся безупречным патриотизмом. Они не были согласны и с преследованиями инвалидов войны и военных сирот «неарийского происхождения». Поэтому тех, кого посчитали достойными, отправили в лагерь Терезиенштадт в Богемии, привилегированное гетто, которое организаторами «окончательного решения еврейского вопроса» было предназначено для посещения делегатами Международного Красного Креста и другими нейтральными международными делегациями, чтобы показать им, что «третий рейх» обращается с евреями строго, но гуманно. Часть этих депортированных смогла выжить, в то время как тысячи других, переведённых в концлагерь Освенцим, были уничтожены. Немецких евреев, получивших название «гамбургских», депортированных на восток осенью 1941 года, не ликвидировали немедленно; сначала их интернировали в гетто Лодзи, Риги и Минска. Эта последняя группа нашла неожиданного защитника в лице Вильгельма Кубе и некоторых его коллег.

Об «окончательном решении еврейского вопроса» В. Янецке, ближайший подчинённый Кубе, знал не понаслышке. Но то, что произошло в Минске, потрясло даже железное сердце нациста. За два дня до его приезда в минском гетто состоялся первый страшный погром. 20 ноября 1941 года, когда городской комиссар уже принял дела, произошёл второй погром. Погибли тысячи людей, освободивших место для евреев, депортировавшихся из Западной Европы в Минск. Первый транспорт с семьёй тысячами евреев прибыл из рейха в Минск 10 ноября. После буйств карателей минское гетто напоминало поле битвы: в домах, на улицах лежали трупы, большинство обречённых погибли в районе Тучинки. Оттуда из-под мёртвых тел выбирались окровавленные, чудом уцелевшие люди и возвращались в гетто. Отдадим должное гауляйтеру: он был возмущён случившимся, хотя погромы в гетто продолжались.

ЛЕТОМ 1943 года в результате Курской битвы Германия перешла к обороне по всему фронту, на вермахт работала вся экономика «третьего рейха», во многом теперь зависевшая от оstarбайтеров. Что касается Белоруссии, то В. Кубе возмущался методами отлова рабочей силы для фатерлянда в Минске. Вот что он говорил по этому поводу в апреле 1943 года: «...если мы не будем соблюдать законы порядочности, законы политического благоразумия, то мы не сможем проводить разумную политику. Белорусы — высокопорядочный, усердный народ, и он не допустит такого обращения... Один представитель комиссии по использованию рабочей силы распорядился в случае отказа населения [от поездки в Германию] расстреливать его. Для нас, национал-социалистов, это чудовищная точка зрения!»¹² Однако столь романтические взгляды гауляйтера не разделяли не только СС, но и полиция и вермахт.

Они предпочитали действовать по-своему. Правда, Кубе продолжал выражать несогласие с методом действий, которые заканчивались, как правило, массовым расстрелом населения, но тем не менее изменить положение он не мог: шеф СС Белоруссии Курт фон Готтберг, не думавший, как Кубе, о политических последствиях хозяйничанья немцев в Белоруссии, реально имел больше власти, чем гауляйтер. В конце июля 1943 года он доложил наверх, что Кубе порвал сотрудничество с СД, наносит якобы оскорбления в адрес СС. В дополнение к этому начальник полиции безопасности и СД Эдуард Штраух обвинил Кубе в полной несостоятельности как администратора и беспомощности как руководителя. После того как с этими документами ознакомился Генрих Гиммлер, он переслал их Альфреду Розенбергу, который срочно направил в Минск своего заместителя Альфреда Мейера, чтобы «серьёзно предупредить Кубе»¹³.

В конце октября 1943 года Г. Гиммлер окончательно утвердил на пост начальника СС и полиции Белоруссии бригаденфюрера Курта фон Готтберга. Отныне все операции по отправке рабочих в рейх проходили под его неусыпным вниманием. Кубе с этим не смирился, он старался как бы отмежеваться от СС. Трудно поверить, но в оккупированном Минске даже состоялось несколько образцово-показательных судебных процессов над местными командирами эсэсовских отрядов, «превысивших свои полномочия» в ходе карательных экспедиций. Правда, все эти процессы имели чисто пропагандистское значение. Тем не менее деятельность Кубе всё больше раздражала местных эсэсовцев, которые в первую очередь подчинялись Гиммлеру и поэтому обладали свободой рук на оккупированной территории. Вряд ли эта деятельность нравилась и Москве, когда стало выясняться, что Вильгельм Кубе завоёвывает определённый

авторитет в глазах значительной части белорусов. Так получилось, что Кубе стал не нужен никому. Единственный вопрос, который предстояло решить: кто его уберёт?

Вот что вспоминала о том времени вдова Кубе Анита: «Я должна вам рассказать. Незадолго до смерти он написал письмо Гитлеру и Гимmlеру, в котором говорилось, что не может принять те методы, используемые против евреев. Можно евреев снимать с постов, но не убивать! Когда он слышал выстрелы в стороне гетто, он говорил: поехали туда. Тогда всё сразу прекращалось, и эти солдаты-собаки, которые расстреливали людей, разбежались. Я думаю, после убийства моего мужа СС могла делать всё, что хотела. Скажите, что пришлось пережить жителям Минска? Мой Бог! СС могли всех расстрелять просто так. Вильгельм был врагом СС. Гимmlер не переносил Вильгельма. После покушения Гимmlер сказал такую фразу: «Хорошо, что его убили партизаны, иначе он бы кончил в концлагере». Я помню, как однажды СС уничтожила жителей деревни рядом с Минском, где видели партизан. У дороги повесили плакат, якобы подписанный комиссаром Кубе: «Так будет со всеми, кто сопротивляется режиму». Когда мой муж увидел, он был возмущён, потребовал убрать плакат, всё повторял: «Я не убийца, я не убийца».

У нас был замок в Прилуках для приёмов. Там работало много евреев, муж их забрал из гетто, чтобы оградить от СС. Ему всегда ставили в претензию, что у него много евреев работает. В Минске был великий пианист из немецких евреев. Вильгельм хотел его защитить, поручил каждый день поправлять флюгер на крыше дома. Однажды пианист не пришёл. Муж искал его и узнал, что тот не носил звезду Давида на рукаве, и его за это расстреляли. Вильгельм был взбешён.

Они всё делали против него. Однажды Кубе вызвал к себе начальника СД по Мин-

ску Штрауха. Тот стал докладывать об уничтожении евреев, и муж воскликнул: «И ты не стыдишься этого?!» И выгнал его из кабинета. Об этом было доложено Гитлеру»¹⁴.

Конечно, Анита Кубе была заинтересована в том, чтобы обелить своего мужа, но доля истины в её рассказе есть. По словам Аниты, у её мужа в спальне лежал револьвер с пятью патронами, и при необходимости он бы застрелил всю свою семью, а затем и себя.

ЗАДАНИЕ ликвидировать Вильгельма Кубе получили все действовавшие в районе Минска партизанские командиры, чекисты С.А. Ваупшасова, П.Г. Лопатина, И.Ф. Золотаря, отряд ГРУ Д.И. Кеймаха, группы НКГБ СССР во главе с С.В. Юриным, ЦШПД и БШПД (группа С.И. Казанцева), а также местные подпольщики группы Марии Борисовны Осиповой и Минский подпольный горком партии — всего более десяти спецотрядов¹⁵.

Первой попыткой уничтожить В. Кубе стал взрыв 22 июня 1943 года в драматическом театре (Минский городской театр, теперь Театр имени Янки Купалы), в результате которого, по данным ЦШПД и ГРУ, были убиты 70 и ранены 110 немецких солдат и офицеров, но сам Кубе не пострадал¹⁶.

Летом 1943 года разведчики из бригады «Градова» (С.А. Ваупшасова) узнали, что Кубе часто ездит на охоту в одну из своих загородных резиденций в районе бывшего совхоза «Лошица». Группа партизан во главе с Кириллом Орловским устроила засаду, в результате которой погибли около 50 охотников, но гауляйтера среди них не оказалось. В руке К. Орловского взорвалась граната, и руку пришлось ампутировать в партизанском лагере.

Вскоре партизанам удалось узнать, что 6 сентября 1943 года в офицерской столовой состоится банкет по случаю десятой годовщины прихода Гитлера к власти, и заложить

там мину. В результате взрыва уничтожены 36 высокопоставленных офицеров вермахта¹⁷, но Кубе вновь не пострадал. За то, что в результате трёх покушений гауляйтер Беларуси не получил ни одной царапины, в нацистских кругах за ним закрепилось прозвище «везунчик».

Вильгельм Кубе понимал, что охотятся за ним, и окружил себя усиленной охраной, часто менял машины, охрану и маршруты поездок. Подпольщики Михаил Иванов, Владимир и Константин Сенюко поняли, что ликвидировать гауляйтера можно лишь проникнув в его дом.

Семья Кубе занимала прекрасный трёхэтажный особняк неподалёку от его резиденции (это здание тогда располагалось между Театром имени Я. Купалы и зданием бывшего ЦК КПБ(б), снесено в 1976 г.). Партизанам удалось через разведчицу отряда «Артур» (по другим данным — «Буря») Надежду Викторовну Троян («Чёрную») из бригады «Дядя Коли» (командир П.Г. Лопатин) выйти на личную горничную Кубе Галину (настоящее имя — Елена Григорьевна) Мазаник, муж которой Терлецкий, являясь шофёром московской базы НКВД, находился в то время в Москве.

Дело обстояло следующим образом: в группе «Чёрной» находился музыкант Георгий Куликов¹⁸, который, работая в драмтеатре, познакомил подпольщиков с директором кинотеатра Николаем Похлебаевым, близко знакомым с двоюродной сестрой Елены Мазаник Валентиной Шуцкой, через которую партизаны и вышли на горничную Кубе. 18 августа 1943 года Надежда Троян встретилась с Еленой Мазаник и поставила перед ней задачу — уничтожить гауляйтера. Та согласилась.

Е.Г. Мазаник в годы войны

Елена Мазаник (в доме Кубе её почему-то называли «большая Галина») хорошо знала немецкий язык и поэтому была своего рода старшей горничной, а также «девушкой» при адъютанте Кубе Витгенштейне. За перемещениями прислуги внутри особняка следили 12 полицейских. Елене разрешалось работать на третьем этаже, где находились комната Аниты, рабочий кабинет гауляйтера, гостиная, две комнаты адъютанта и две комнаты для гостей. Доступа на второй этаж, где находилась спальня, Елена не имела.

Однако именно Мазаник, единственной из всех служанок, разрешалось жить вне гебитскомиссариата. Трудно сказать, почему для неё существовали такие послабления. Официально это обосновывалось недостатком жилых помещений в особняке гауляйтера.

Начальный этап биографии Е. Мазаник исследован достаточно слабо, что не может не вызывать вопросов. Известно, что Елена Мазаник родилась в апреле 1914 года в деревне Поддегтярня [Поддегтярняя] Пуховичского района Минской области (Беларусь) в многодетной семье. В прессе нет упоминаний о её родителях, братьях и сёстрах, хотя в отдельных публикациях утверждается, что и после убийства Кубе семья продолжала спокойно жить в этой же деревне, что весьма трудно объяснить. В 1931—1935 гг. Елена Мазаник работала официанткой в столовой Совнаркома Белоруссии, в 1935—1939 гг. — в доме отдыха Совнаркома, в 1939—1941 гг. — официанткой в столовой ЦК КПБ. Есть сведения и о том, что она работала в качестве обслуживающего персонала на правительственных дачах и в столовой НКВД. В связи с этим возникает вопрос: каким образом малообразованная девочка (4 класса) из деревни в свои 17 лет попала на работу в Минск, в закрытые предприятия общепита, где работали только досконально проверенные

люди? Известно, что до войны и многие послевоенные годы колхозники в деревнях не имели паспортов. Для выезда на постоянное жительство из деревни требовалось специальное разрешение. Как удалось Елене получить такое разрешение? Практически нет никаких сведений о первом муже Мазаник, которого немцы расстреляли как партизана. Неизвестно, когда они поженились, кем он был, когда и за что расстрелян. Бронислав Терлецкий, шофёр НКВД, — второй муж Мазаник. Между прочим, узнав, что она работает на немцев, он отказался от неё. Утверждают, что он и сегодня жив, но кем стал после войны — неизвестно¹⁹.

Весьма загадочна история устройства Елены на работу к Вильгельму Кубе. В протоколе НКВД указывалось: якобы к ней, сидевшей на берегу реки, подошёл немецкий офицер и предложил работать уборщицей в немецкой воинской части²⁰. Даже этот, первоначальный, этап выглядит недостоверно. Как долго она там работала? Неясно также, что это была за часть и проверялись ли гестапо люди, работавшие в ней.

Когда Е. Мазаник стали готовить к осуществлению акции, произошла крупная неприятность: немцы блокировали отряд «Артур», и Надежда Троян не смогла больше выйти на связь с Мазаник. Казалось бы, все планы по уничтожению Кубе рушатся. Но с Еленой смогли связаться разведчики разведывательно-диверсионного отряда «Дима» (командир Д.И. Кеймах) разведуправления Генштаба Красной армии. Отрядом командовал майор Николай Петрович Фёдоров, получивший звание Героя Советского Союза посмертно 21 ноября 1944 года. Теперь связь с Мазаник осуществляла Мария Осипова²¹.

С ПОСОБЫ убийства Кубе обсуждались самые разные, но в конце концов решили остановиться на mine английского образца с часовым механизмом, при-

сланной самолётом из Москвы. Мария Осипова сумела пронести её (по другим сведениям — две) в корзинке с брусникой, хотя по дороге немецкие и полицейские патрули не раз тщательно обыскивали её. Что это — просто везение?

21 сентября 1943 года Осипова принесла мину к Елене Мазаник, вместе с которой находилась её двоюродная сестра Валентина Шуцкая, и, громко торгуясь о цене за якобы продаваемые туфли (за стенкой жил полицейский, о котором подпольщики знали, что он является сотрудником гестапо), показала Елене, как надо правильно заводить часовую механизм и укладывать будущее орудие убийства между пружинами матраца. Впоследствии Елена Григорьевна Мазаник вспоминала: «Мы даже подложили мину в мой матрац и обе посидели на нём, проверяя, не выпирает ли она каким-нибудь из своих углов»²².

Женщины условились, что после установки мины в постель гауляйтера они тут же покинут город и встретятся на следующий день в 10 часов утра в сквере у Театра имени Янки Купалы²³.

Сёстры не сомкнули глаз всю ночь. В назначенный Марией час они запустили взрыватель. На всякий случай простились и разделили ампулу с ядом пополам на случай возможного провала. Елена положила мину в сумочку и накрыла её сверху носовым платком, затем взяла портфель с бельём. Расчёт был прост: солдат первого поста у дома Кубе прежде

Сумка, в которой Е. Мазаник пронесла мину в дом гауляйтера

всего проверит портфель. Так всё и получилось.

Елена Мазаник рассчитывала, что на втором посту окажется один немолодой солдат охраны, который не так тщательно её обыскивал. Она, улыбаясь, часто угощала его сигаретами. Так что между ними зародилось нечто вроде симпатии. Однако в этот день рядом с солдатом оказался мрачный, как туча, эсэсовский офицер. Пока солдат осматривал портфель, офицер тем временем, пристально глядя девушке в глаза, спросил, что у неё в сумке. Пришлось показывать. Естественно, эсэсовец увидел прежде всего носовой платок и попытался вытащить его. Мазаник, смущённо улыбаясь, ответила, что платочек она вышивала специально для фрау Аниты к её дню рождения, и если господину офицеру нужны такие же, она непременно ему завтра подарит. Обворожительная улыбка Елены действовала как пропуск.

Эсэсовец растаял, милостиво махнул перчаткой, забыв про дальнейший осмотр сумочки. Хотя, надо думать, сумочка выглядела сильно раздувшейся, ибо мина была размерами с добрый кусок хозяйственного мыла, весила немало, и даже чисто визуально оставалась незамеченной в небольшой женской сумочке просто не могла²⁴.

Спустившись в подвальную каморку, Елена подвязала мину себе на живот²⁵, надела сверху рабочий фартук и поспешила заняться уборкой. За этим занятием на лестнице её и застал гауляйтер. Кубе посмотрел на бледную от волнения и страха Елену: «Почему такая бледная? Что случилось?» Она ответила: «Зубы болят, всю ночь не спала. Вы разрешите мне пойти к зубному врачу удалить зуб? Я всё-всё сделала, господин гауляйтер».

Кубе сказал адъютанту: «Отвезёшь меня в комиссариат и повезёшь её к немецкому врачу». Елена взмолилась: «Опять к немецкому врачу?» Елена поблагодарила хозяйина и тут же побежала к фрау Аните с просьбой разрешить

пойти к знакомому ей врачу без сопровождения — она, мол, скоро вернётся. Фрау отпустила Елену, сказав адъютанту: «Сопровождать её не надо, мы же ей доверяем»²⁶. Больше им встретиться было уже не суждено...

Когда Кубе уехал в рейхскомиссариат, девушка поднялась на этаж, где находились его личные покои, предложила дежурившему здесь офицеру охраны спуститься вниз, закусить с барского стола — остатки гауляйтерского завтрака были сервированы для него почтительными служанками. Услышав, как эсэсовец быстро затопал сапогами по лестнице, Мазаник помчалась по анфиладе комнат к спальне, на бегу вытащив мину и укутав её в заранее подготовленные детские штанишки. Девушке хватило буквально двух минут, чтобы поставить взрывное устройство на боевой взвод и аккуратно заложить его в пружинный матрац гауляйтерской постели. Едва она справилась с этим, как на пороге вырос слишком быстро перекусивший офицер.

— Как ты, русская свинья, посмела сюда войти?! — орал он, заматавшись по комнате и заглядывая под кровать, под подушку, в гардероб.

— Но мне фрау велела заштопать штанишки её киндера! Я просто искала нитки и... — оправдывалась «обиженная» горничная.

— Вон отсюда!!! — крикнул взбешённый офицер. Через две минуты Елена Мазаник навсегда покинула дом гауляйтера²⁷. Однако стоит отметить, что, по некоторым источникам, в доме гауляйтера имелась только наружная охрана.

В 10 часов Е. Мазаник находилась уже в сквере около Театра Янки Купалы, куда через несколько минут пришли Валентина Шуцкая и Мария Осипова, и они все отправились к Оперному театру, где сели в грузовую машину, за рулём которой находился Николай Фурц. Так что всё шло вроде бы по плану, но чьим был этот план?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нем. Gauleiter — в гитлеровской Германии руководитель фашистской организации в области и главный администратор самой области.

² Попов А.Ю. Ликвидация гауляйтера Вильгельма Кубе // Исторический архив. 2002. № 1. С. 52.

³ Космач Г.А. Гауляйтер В. Кубе о фашистском движении и «национал-социалистической революции» в Германии (1928—1934 гг.) // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі. Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск, 28 лістапада 2003 г. Ч. 3. С. 755.

⁴ Дубровский Н.В. Бессмертие подвига: документальная повесть. Минск: Народная асвета, 2007. С. 37, 38; Лота В. Операция «Возмездие» // Красная звезда. 2005. 2 февраля.

⁵ Кнатко Г.Д. Чёрные мифы Вильгельма Кубе // Советская Белоруссия. 2002. 30 марта.

⁶ Коршук В.К. Вильгельм Кубе и Беларусь // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы навуковай канферэнцыі. Мінск, 23 мая 2002 г. Мінск: МДЛУ, 2002. С. 79.

⁷ Кнатко Г.Д. Указ. соч.

⁸ Коршук В.К. Указ. соч. С. 82; Он же. Иллюзия создания гитлеровцами белорусской национальной власти // Вызваленне Беларусі ад германскіх акупантаў (восень 1943 — лета 1944 гг.). Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі. Мінск, 29 красавіка 2004 г. Мінск: БДПУ, 2004. С. 127.

⁹ Он же. Вильгельм Кубе и Беларусь. С. 80, 83.

¹⁰ Кнацько Г. Кубэ Рыхард Пауль Вільгельм. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, у 6 т. Т. 4. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1997. С. 288.

¹¹ Коршук В.К. Вильгельм Кубе и Беларусь. С. 82; Он же. Иллюзия создания гитлеровцами белорусской национальной власти. С. 127.

¹² Курков И. Маршрут скорби: OST — WEST // Обозреватель. 2002. 22 ноября. С. 14.

¹³ Кнатко Г.Д. Указ. соч.

¹⁴ Если бы Кубе не взорвали, он закончил бы в концлагере? // Комсомольская правда в Белоруссии. 2005. 28 апреля.

¹⁵ Иоффе Э.Г. Ключ к тайне убийства гауляйтера Кубе // 7 дней. 2007. 3 мая. С. 10; Он же. Ключ к тайне ликвидации Кубе // Вечерний Минск. 2007. 10 января. С. 3.

¹⁶ Селеменев В.Д., Шимолин В.И. Охота на гауляйтера. Минск: НАРБ, 2006. С. 76; Дубровский Н.В. Указ. соч. С. 102, 103.

¹⁷ Попов А.Ю. Диверсанты Сталина. М.: Яуза; ЭКСМО, 2004. С. 40.

¹⁸ Лота В. Указ. соч.

¹⁹ Усачёв О. Убийство Кубе — белые пятна, тайны и загадки // Туризм и отдых. 2004. № 43.

²⁰ Аркадьев Л. Она казнила палача // Труд. 2000. 14 июля.

²¹ Богданов Б. Возмездие: сопротивление в тылу фашистов в Беларуси было действительно всенародным // Союз. Беларусь-Россия. 2005. 8 декабря.

²² Вайс А. Мина для гауляйтера // Аргументы и факты. Долгожитель. 2006. № 5. С. 23.

²³ Лота В. Указ. соч.

²⁴ Усачёв О. Указ. соч.

²⁵ Аркадьев Л. Указ. соч.

²⁶ Дубровский Н.В. Указ. соч. С. 48, 49.

²⁷ Вайс А. Указ. соч. С. 23.

В. П. ГАРМАТНЫЙ

(Окончание следует)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

В октябре (ноябре) 1917 года к власти в России пришло новое (советское) правительство, сменившее прежнее, — Временное, устранившее монархический строй в ходе Февральской революции. Вместе с тем Республика Советов оказалась не только в международной политической и экономической блокаде, но и втянутой в Гражданскую войну, которую развязали и всячески подогревали страны Антанты, организовав против бывшей союзницы (царской, а затем буржуазной России) вооружённую интервенцию, направляя на её территорию террористические группировки. Угроза реставрации в стране прежней системы управления, а также необходимость борьбы с интервентами и различными бандами потребовали от советского правительства создания, причём на совершенно новых принципах, мобильных вооружённых сил — Красной армии. Основой же последней явились так называемые народные дружины (рабочие, крестьянские), появившиеся ещё до установления советской власти.

ИДЕЯ замены постоянного войска народным ополчением или, иначе говоря, всеобщим вооружением народа была одной из составных частей марксистского учения о социально-по-

литическом и военном развитии общества после победы социалистической революции. Анализируя с точки зрения классовой борьбы опыт европейских стран (прежде всего Франции), К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали положение о необходимости ликвидации в ходе революции старой армии и военно-бюрократического аппарата, а также о целесообразности комбинирования двух форм организации вооружённых сил народа: «1) пролетарской гвардии в городах, крестьянской гвардии в сельских местностях... для несения внутренней службы и 2) регулярной армии — против вторжения»¹.

Эти положения были легко впитаны русскими марксистами² и начали реализовываться на практике вскоре после победы Февральской революции. Практическим воплощением идеи вооружения трудящихся и стали отряды Красной гвардии, возникшие в крупных пролетарских центрах страны.

Красногвардейские дружины, оформившиеся «в автономную организацию, независимую от Советов и партий»³, сыграли большую роль в революционных событиях 1917 года. Но уже вскоре после прихода к власти большевиков стало ясно, что такая система организации вооружённых сил изжила себя. Это было связано прежде всего с быстро менявшейся внутриполитической обстановкой в стране: общество раскололось и стремительно скатывалось в пучину Гражданской войны. Если отряды Красной гвардии были пригодны для захвата власти в Петрограде и её удержания в первое время после революции, то для противостояния сравнительно более организованным силам Белой гвардии и интервенции они были явно недостаточно мобильны⁴.

Необходимо учитывать и другое обстоятельство: идея всеобщего вооружения пред-

полагала наличие оружия у народа, а в условиях известного ослабления государственных институтов в революционный период осуществлять контроль над ним было крайне сложно, а то и вовсе невозможно. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, сохранившиеся в архивных фондах. Так, в конце сентября 1917 года в Министерство внутренних дел Временного правительства поступила информация о том, что в Одессе отрядами Красной гвардии «насильственно закрыты цветочные магазины». В сравнении с нараставшими в стране социально-экономическими и политическими проблемами этот факт можно было бы считать несущественным и анекдотичным, если бы не другие строки донесения: «Жалобы местному комиссару, прокурору и начальнику военного округа остались безрезультатными. Владельцы магазинов просят министерство [внутренних дел] оказать содействие к открытию магазинов»⁵. Местные органы Временного правительства, как видим, к осени 1917 года слабо контролировали ситуацию на местах и, по сути, не могли защитить даже интересы владельцев цветочных магазинов.

Проблемы контроля над оружием и организации вооружённых сил сохранились в России и после прихода к власти большевиков. В одном из отчётов о деятельности Нижегородского губернского исполкома за период с октября 1917 до июня 1918 года говорилось буквально следующее: «Что касается вооружения Советов, партийных ячеек, то Провинциальный отдел находится по этому вопросу в совершеннейшем неведении. Где сосредоточено больше оружия, в чьих оно руках, отделу неизвестно. Несмотря на запросы Отделу вооружения о присылке сведений, кому выдано и выдаётся оружие и

в каком количестве, последний, т.е. Отдел вооружения, по каким-то причинам наши запросы оставлял без ответов»⁶. Плохо учитываемое и свободно гуляющее по рукам оружие по-прежнему благоприятствовало росту преступности и представляло большую опасность для новой власти. Под воздействием этих обстоятельств большевики от своего прежнего лозунга вернулись к тому, от чего они чересчур поспешно отказывались раньше. Впрочем, воссоздание русской армии в новых исторических условиях имело свои особенности и сопровождалось целым рядом проблем, на которые новой власти волей-неволей приходилось откликаться.

15 января 1918 года после целого ряда подготовительных мероприятий появился декрет Совнаркома об организации Рабоче-крестьянской Красной армии⁷. Первоначально (до мая 1918 г.) РККА строилась на добровольческих началах «из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс», поэтому не требовалось масштабных усилий государственной власти по её формированию. Деятельность органов центральной и местной власти носила главным образом агитационно-пропагандистский характер.

Основная работа по формированию красноармейских частей возлагалась на местные советы, при которых должны были создаваться военные отделы⁸. Анализ материалов, опубликованных зимой—весной 1918 года, позволяет заключить, что эта работа была практически не выполнена Советами. В сообщениях с мест говорилось о самой разнообразной деятельности Советов: об их попытках наладить продовольственное дело, решить земельный вопрос, обеспечить рабочий контроль над фабрично-заводской промышленностью, а вот о военных отделах в структуре местной советской власти часто даже не упоминалось. Обращает на себя внимание ещё одно немаловажное обстоятельство. В то время как страна переходила к строительству Красной армии, мно-

гие Советы по-прежнему вели активную работу по созданию красногвардейских отрядов, сочетая в их предназначении военные и сугубо полицейские функции. Более того, в материалах НКВД отмечены также случаи использования для решения внутренних проблем совершенно не предназначенных для этого красноармейских частей⁹.

С весны 1918-го усилилось внимание государственной власти к организационным вопросам (к комплектованию и снабжению армии), для чего декретом Совнаркома от 8 апреля 1918 года территория страны была разделена на ряд военных округов с учреждением местных (окружных, губернских, уездных и волостных) комиссариатов по военным делам¹⁰. С этого времени роль Советов в процессе создания частей Красной армии претерпевает существенные изменения. Такие функции, как учёт военнообязанных, проведение мобилизационных мероприятий, формирование воинских частей и обеспечение их всем необходимым, перешли от Советов к военкоматам¹¹.

Добровольческий принцип формирования армии был уступкой тем обстоятельствам, в которых оказались вооружённые силы, власть и общество к концу 1917 — началу 1918 года. «В условиях проведения быстрыми темпами демобилизации более чем 8 млн солдат невозможно было строить новую армию ни на какой другой основе, кроме как на добровольческой», — отмечал в этой связи Е.Н. Городецкий¹². Соглашаясь с этой мыслью, добавим также, что добровольческий принцип отвечал идейным установкам и программным требованиям большевистской партии в первые послеоктябрьские месяцы, когда нужно было раскрепостить энергию народа, направив её на закрепление успеха революции.

Май 1918 года стал временем тяжелейших испытаний для большевиков. Дезорганизация экономики, нависшая угроза голода подтолкнули их к введению «продовольственной диктатуры», означавшей, в числе прочего, свёртывание

самостоятельности местных Советов. Вспыхнувший в это же время мятеж Чехословацкого корпуса привёл к эскалации Гражданской войны. Для поддержания порядка внутри страны и борьбы на внешних фронтах необходимо было расширение социальной базы Красной армии, что неизбежно подрывало добровольческий принцип её комплектования. Проблема заключалась ещё и в том, что надёжных революционных сил, которые можно было бы привлечь к армейской службе, было крайне мало. Этот недостаток ощущали не только красные, но и белые. Профессор Калифорнийского университета (США) Питер Кенез, подробно изучавший события Гражданской войны на Юге России в 1918 году, пришёл к весьма существенному, хотя и не бесспорному выводу: «Подвляющее большинство русского народа не хотело ничего большего, кроме как избежать вовлечённости в борьбу»¹³. Ясно, что в таких условиях возвращение к всеобщей мобилизации было единственно возможным шагом.

Постановление ВЦИК от 29 мая 1918 года, согласно которому в России вводилась всеобщая воинская повинность, практически сразу поставило перед органами местной власти целый ряд новых вопросов и проблем. Одной из главных стала задача обеспечения призыва на воинскую службу. Однако её решение было затруднено несколькими обстоятельствами. Во-первых, мобилизационный аппарат государства находился в стадии становления, из-за чего военные комиссариаты существовали ещё не повсеместно. Во-вторых (и это, пожалуй, сказывалось летом 1918 г. сильнее всего), в целом ряде мест население противодействовало усилиям государства по созданию военкоматов и проведению мобилизации.

Относительно благополучно сложилась ситуация с призывом в армию в тех местностях, где борьба сил революции и контрреволюции была наиболее острой, и где народные низы сами ощущали, что пассивность может обернуться утратой всех завоеваний. Так,

народ массами кидается во все стороны, где бы найти хлеба, дабы не умереть голодной смертью». По-видимому, отказ от формирования военкомата и от различных других повинностей (например, от учёта лошадей) был вызван не столько занятостью сельскохозяйственными работами, которые, разумеется, существовали и раньше, сколько ощущением несправедливости, когда всеобщая воинская повинность возлагается лишь на тех, кто остался в данной местности, не распространяясь по каким-то причинам на покинувших её. Сказывались, конечно, и нестабильность общей политической ситуации в стране, неуверенность части населения в прочности советской власти, особенно после мятежа Чехословацкого корпуса, неудовлетворённость проводимой большевиками политики «чрезвычайщины».

Нельзя не заметить, что и сами местные советские деятели не всегда демонстрировали образцы поведения, достойные подражания. Находились такие, что выступали с ультрареволюционными речами о защите Отечества от внутренних и внешних врагов, но как только речь заходила о выполнении воинского долга ими самими, искали всевозможные способы избежать этого. Во время одной из кампаний по мобилизации членов РКП(б) на фронт председатель земельного отдела Луцкого волостного Демянского уезда Новгородской губернии Иван Тимофеев неожиданно «вспомнил», что не прошёл перерегистрацию в уездном комитете РКП(б) и давно уже не посещал партийных заседаний. «А потому, — писал он в своём заявлении-протесте 1 ноября 1919 года, — ни комитет, ни общее собрание городской организации не вправе меня мобилизовыват[ь]»¹⁸. А председатель Заручьевского волостного Коммунистического уезда некто Чудинов поступил и того проще: когда ему «назначили ехать на фронт, он заявил себя больным и уехал домой»¹⁹. Инструкторы и ревизоры фиксировали также случаи должностных преступлений. Так, в одном из докладов сотрудника НКВД В. Кефали-

ди по итогам ревизии учреждений Тамбовской губернии осенью 1918 года сообщалось, что тамбовский военный комиссар Саянов «получил самостийно (так в тексте. — И.Т.) 2 миллиона рублей для организации покупки лошадей для армии», после чего... «скрылся на аэроплане». Из этого докладчик делал вполне определённый вывод, что эта «самостийность» дезорганизует местную власть и является следствием слабого контроля над различными управленческими структурами со стороны исполкома местного совета²⁰.

Уездные и губернские советы различными способами воздействовали на население, пытаясь не допустить срыва мобилизации в армию. Наряду с агитационно-пропагандистскими методами (направление на места агитаторов-коммунистов, распространение газет, листовок и т.п.) с лета 1918 года всё шире стали использоваться «исключительные меры воздействия», вплоть до расстрела.

Призванные в армию и в тыловое ополчение собирались на пересыльных пунктах, где распределялись по соответствующим войсковым частям. Впрочем, и после проведения мобилизации трудности не заканчивались. Серьёзной проблемой для властей оставалось массовое дезертирство²¹. Оно таило в себе двойную опасность, так как, с одной стороны, разлагало действующую армию или местные гарнизоны, а с другой — ухудшало внутреннюю обстановку в тылу, поскольку дезертиры сбегали, конечно же, с оружием в руках, формировали вооружённые отряды и вступали в конфронтацию с властями. Чтобы положить этому конец, Совет рабоче-крестьянской обороны постановлением от 25 декабря 1918 года сформировал Центральную временную комиссию по борьбе с дезертирством²². Соответствующие комиссии стали создаваться и на местном уровне — в губерниях, уездах и волостях. Хотя они и получили чрезвычайные полномочия, деятельность их была далеко не всегда эффективной. Нередко фиксировались случаи бездействия

работников этих комиссий, а иногда их приходилось даже привлекать к ответственности за «укрывательство» дезертиров²³. Впрочем, успех в борьбе с дезертирами зависел не столько от усилий конкретных властных структур (партийных комитетов, исполкомов Советов, отрядов красноармейцев), сколько от позиции местного населения. Это хорошо видно из доклада председателя Демянского уездного комитета РКП(б) Новгородской губернии (июнь 1919 г.), где описываются невероятные трудности, возникшие в ходе подавления восстания «около 600 вооружённых дезертиров и 7000 крестьян, к ним примкнувших» в Полновской волости. В то же время говорится, что восставшие в соседней волости дезертиры «сочувствия со стороны населения не встретили, и это восстание было легко ликвидировано»²⁴.

В таких условиях полагаться на эффект агитации местные органы власти уже не могли. Но не совсем верно и встречаящееся в исторической литературе мнение о том, что в борьбе с дезертирством большевики всю использовали возможности репрессивного аппарата. Находящиеся в распоряжении историков документы убеждают, что действия органов местной власти не следует подводить под какую-то схему, пусть даже и кажущуюся вполне правдоподобной. Конечно, можно встретить немало свидетельств того, как особые тройки, опирающиеся на отряды вооружённых красноармейцев, путём широкого использования «заложничества» и иных внесудебных расправ силой ликвидировали отряды дезертиров. Однако не следует упускать из виду и того, что деятели местной власти далеко не всегда стремились противопоставлять себя местному обществу, конфликтовать с ним. В таких случаях они предпочитали действовать более осторожно, взвешенно, отделяя зачинщиков дезертирства (их ждал революционный трибунал и расстрел) от тех, кто оказался запутанным и готов был чисто-сердечно раскаяться, правда, предоставив при этом сведения об организаторах и руко-

водителях контрреволюционных банд. Склонность к поиску компромисса отчётливо видна и при решении некоторых других вопросов, связанных с мобилизацией в Красную армию в 1918—1919 гг. Например, особые условия в бытовом (в том числе в продовольственном) отношении создавались для мусульманских частей Красной армии.

Думается, что не сами по себе репрессии, а именно этот дифференцированный подход в сочетании с другими факторами (пропагандистскими усилиями властей, успехами красных в борьбе против белогвардейцев и интервентов, усилением политического контроля и др.) способствовали сокращению масштабов дезертирства. Этому в значительной мере благоприятствовало и оказываемое властью повышенное внимание к проблеме обеспечения семей красноармейцев. 24 декабря 1918 года Совнарком принял декрет²⁵, предусматривающий выплату ежемесячных денежных пособий семьям красноармейцев. Предварительно эти семьи брались на учёт местными отделами социального обеспечения.

В условиях экономической разрухи и Гражданской войны обеспечить выполнение этого декрета было далеко не просто. Но делалось всё же немало: семьям красноармейцев оказывалась не только денежная, но и натуральная помощь (заготовка дров, обработка земли и др.). Кроме того, они освобождались от уплаты всех государственных налогов, кроме натурального.

Итак, формирование вооружённых сил Советской России в конце 1917—1919 гг. проходило в крайне непростой обстановке. Помимо известных проблем, связанных с войной на внешних фронтах, существовал целый ряд внутренних проблем, затруднявших работу местных органов государственной власти. Одной из них на начальном (добровольческом) этапе строительства Красной армии являлась неорганизованность и слабость органов советской власти, в силу разных причин часто игнорировавших распоряжения центрального прави-

тельства. В дальнейшем, после перехода от добровольного к принудительному принципу комплектования армии, проявились в первую очередь такие явления, как уклонение населения от мобилизации, бегство из войсковых частей (дезертирство), трудности с организацией обеспечения семей красноармейцев. Далеко не всегда органы местной власти были подготовлены к решению встававших перед ними задач по комплектованию и обеспечению РККА. В одних случаях деятели волостных советов разделяли настроения местного населения, доходя до прямого нарушения действовавшего законодательства (например, укрывая дезертиров), в других — даже на уровне уездов и губерний царили растерянность, непонимание того, каким образом можно заставить местное население и органы местной власти выполнять распоряжения центра. Широко применяя репрессивные меры (аресты, штрафы, расстрелы, заложничество), органы местной власти тем не менее ощущали необходимость нормализации мобилизационной системы. С этой целью в 1918—1919 гг. были приняты меры (усиление агитационной работы, помощь семьям красноармейцев), позволившие в целом преодолеть серьёзные проблемы в процессе формирования Красной армии и добиться перелома в ходе Гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Госполитиздат, 1956. 2-е изд. Т. 7. С. 518.

² Подробнее см.: Азовцев Н.Н. Военные вопросы в трудах В.И. Ленина. М.: Воениздат, 1964. 2-е изд. (М., 1972).

³ Верт Н. История Советского государства. 1900—1991 / Пер. с фр. М.: Весь мир, 1998. С. 84.

⁴ См.: Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. 1917—1918. 2-е изд. М.: Наука, 1987. С. 254.

⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 152. Оп. 4. Д. 165. Л. 29.

⁶ Доклад Провинциального отдела об организации советской власти на местах // Общество и власть. Российская провинция (по материалам нижегородских архивов). / Сост. А.А. Кулаков и др. М.: ИРИ РАН, 2002. Т. 1 (1917 — середина 30-х годов) С. 47.

⁷ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 352—355.

⁸ Организация Красной Армии в 1917—

1918 гг. Сб. документов и материалов. М., 1943. С. 30.

⁹ Вестник Комиссариата внутренних дел. 1918. № 11. С. 11, 12; № 17. С. 14.

¹⁰ Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ). 1918. Ст. 31.

¹¹ Молодцыгин М.А. Деятельность местных советов по созданию прочного тыла Красной армии // Из истории гражданской войны и интервенции. 1917—1922 гг. Сб. статей / Отв. ред. И.И. Минц. М.: Наука, 1974. С. 327, 328.

¹² Городецкий Е.Н. Указ. соч. С. 261.

¹³ Kenes P. Civil War in South Russia, 1918. The First Year of the Volunteer Army. Los Angeles — London, 1971. P. 278.

¹⁴ Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919. Сб. документов и материалов / Гл. ред. П.С. Лучевников. Челябинск: Челябинское книжн. изд-во, 1962. С. 64, 65.

¹⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД). Ф. 1. Оп. 1. Д. 228. Л. 45, 46.

¹⁶ Доклад Провинциального отдела об организации советской власти на местах // Общество и власть. Российская провинция (по материалам нижегородских архивов). Т. 1 (1917 — середина 30-х годов) / Сост. А.А. Кулаков и др. С. 98, 99.

¹⁷ Выписка из постановления Семёновского волостного крестьянского собрания об отказе создания военного комиссариата в волости // Общество и власть. Российская провинция (по материалам нижегородских архивов). Т. 1 (1917 — середина 30-х годов) / Сост. А.А. Кулаков и др. С. 61, 62.

¹⁸ Из заявления И. Тимофеева в Демянский уком РКП(б) с протестом против мобилизации на фронт // Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918—1930 гг. Сб. документов: В 2 кн. СПб.: Нестор-история, 2006. Кн. 1. С. 35.

¹⁹ Из письма комиссара Н-ского полка и секретаря полкового комитета РКП(б) губернскому военному комиссару Макарову о злоупотреблениях и преступлениях представителей Советской власти в Крестецком уезде // Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918—1930 гг. Сб. документов: В 2 кн. Кн. 1. С. 201.

²⁰ Власть Советов. 1918. № 26. С. 23, 24.

²¹ Россия столкнулась с невиданным по размаху дезертирством ещё в 1916 г. Подъём антивоенных настроений после Февраля 1917 г. в сочетании с вакуумом власти способствовал дальнейшему росту этого явления. Правительственные комиссары из разных губерний и то дело сигнализировали Временному правительству «о массовом появлении дезертиров» в уездах и волостях «и росте грабежей» (см.: ОР РНБ. Ф. 152. Д. 169. Л. 4, 9).

²² СУ. 1918. Ст. 1054.

²³ Доклад Провинциального отдела об организации советской власти на местах // Общество и власть. Российская провинция (по материалам нижегородских архивов). Т. 1 (1917 — середина 30-х годов) / Сост. А.А. Кулаков и др. С. 101.

²⁴ Из доклада Демянского укома РКП(б) о восстании дезертиров и кулаков в Демянском уезде в мае—июне 1919 г. // Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918—1930 гг. Кн. 1. С. 19, 20.

²⁵ СУ. 1918. Ст. 1014.

И.А. ТРОПОВ

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ В ВОЕННЫЕ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Пенсионное обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны наряду с трудоустройством и социальным обслуживанием является основополагающим условием создания реадаптирующей среды для фронтовиков, «вдруг» оказавшихся в разряде социально незащищённой категории населения. Целью предлагаемой автором статьи является описание нормативно-правовой базы пенсионного обеспечения инвалидов Великой Отечественной — преимущественно рядового, сержантского состава, возвращавшихся из армии в прежние места проживания не по демобилизации, а зачастую ещё задолго до Победы по причине признания негодности к дальнейшему несению военной службы. Источниковой базой исследования явились постановления по данному вопросу высшей исполнительной ветви власти Советского Союза — Советов Народных Комиссаров СССР. На территории РСФСР имели действие также распорядительные документы специального ведомства — Народного комиссариата (Министерства) социального обеспечения РСФСР, его делопроизводственная документация — приказы, распоряжения и разъяснения нижестоящим инстанциям. В работе использованы материалы Национального архива Республики Коми и Государственного архива Архангельской области.

В ПЕРВЫЕ советские госорганы, курирующие социальную сферу, были созданы в 1917 году в виде советов социального страхования. В 1938-м на основании постановления СНК РСФСР от 11 сентября 1937 года их преобразовали в народные комиссариаты социального обеспечения. По Коми АССР с 1 января 1938 года при всех райисполкомах и горсовете Сыктывкара организовали отделы социального обеспечения. В июле того же года сессией Верховного Совета Коми АССР на основе Конституции СССР 1936 года (ст. 44, 48) был образован Народный комиссариат Коми АССР¹.

По численности к середине июня 1942 года в Коми АССР с фронта возвратились 563 инвалида войны². В течение месяца прибыли ещё 236 человек³. По данным на январь 1943 года, численность инвалидов войны, получивших пенсию, возросла в три раза в отношении первых приведённых цифр и составила 1412 человек, в их числе инвалидами 1-й группы с фронта прибыли 19 человек, 2-й группы — 766, 3-й — 627⁴. К 1 марта 1943 года в республике проживали зарегистрированных и получавших пенсии через органы соцобеспечения 1699 инвалидов войны, в течение марта того же года с войны «досрочно» вернулись в родные края ещё 129 человек⁵. В соседней с Коми АССР Архангельской области по состоянию на январь 1943 года инвалидов войны, получавших пенсию по линии отделов соцобеспечения, насчитывалось 5308 человек, из них 1-й группы — 81, 2-й группы — 2718, 3-й — 2509⁶.

К функциям наркоматов соцобеспечения в годы Великой Отечественной относились: осуществление руководства

и контроля за проведением в жизнь законов о государственном соцобеспечении; назначение и выплата пособий и пенсий гражданам; руководство трудоустройством инвалидов войны и организация их обучения и переобучения; организация материально-бытового обслуживания социально обеспечиваемых и принятие мер по их обслуживанию лечебно-профилактической и санаторно-курортной помощью; руководство работой врачебно-трудовых экспертных комиссий (ВТЭК); осуществление руководства Союзом кооперации инвалидов, коопинстрахкассами, отделами Общества слепых, глухонемых и контроль за деятельностью этих организаций. Штат Наркомсобеса Коми АССР в 1945 году состоял из 12 сотрудников⁷ при населении республики (без учёта лагерного контингента) в 277,2 тыс. человек⁸.

Резкий рост числа людей не просто с ограниченными физическими возможностями, но немощных, виной чему явилась война, неизбежно вёл к перестройке работы сотрудников органов социального обеспечения. Не сразу пришло понимание, но по отношению к ним в документах вышестоящих структур постепенно стали звучать не директивные указания, а скорее разъясняющие инструкции, в целом подающие психологические установки на пересмотр обращения с людьми с травмированной психикой, обращающие внимание на проявление благодушно-сочувствующего отношения к инвалидам войны со стороны сотрудников соцотделов⁹.

По итогам проверок инспекторы Наркомсобеса Коми АССР в своих предписаниях советовали работникам райсобесов, не ожидая представления надлежащих до-

Эвакуация раненого с поля боя

кументов, перед выплатами пенсий по списку пенсионеров-инвалидов запрашивать в райвоенкоматах данные о призванных в Красную армию, самим пополнять личные дела пенсионеров — инвалидов войны не достающими по положению документами путём снятия копий из историй болезни, находящихся в военкоматах. По требованию, кроме всего прочего, инвалиды войны представляли справки с прежнего места работы до призыва в армию о зарплате с точным указанием времени работы и ухода с таковой. Особое внимание отводилось оформлению и предостережению справок от сельсоветов с точным указанием о связи с сельским хозяйством не только самого инвалида войны, но и членов его семьи, живущих с ним одним хозяйством. Для наведения порядка в пенсионном обеспечении и в целях облегчения составления платёжных документов и правильной, без пропусков выплаты пенсий отделам соцобеспечения рекомендовалось составлять особую картотеку лицевых счетов, изъятых из личных дел пенсионеров — инвалидов войны¹⁰.

Для людей, психологически переживавших поиск новых ориентаций во «внезапно» навалившейся физической безысходности, выдававшие государством пенсии по инвалидности, вне зависимости от незначительности размеров их выплат, всё же являлись едва ли не единственным средством существования. Пенсии военнослужащим, признанным по заключению ВТЭК инвалидами 1-й,

2-й, 3-й групп по ранению или заболеванию, полученному во время пребывания на военной службе, не годных к нестроевой службе и уволенных в запас, выплачивались на основе ещё до войны документов, а именно постановления СНК СССР от 16 июля 1940 года № 1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начсостава срочной службы и их семьям». Касательно инвалидов войны в этом документе отмечалось: «Военнослужащим рядового состава, ставшим инвалидами вследствие ранений, контузий или увечий, полученных в боях при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, или вследствие заболеваний на фронте, работавшим до призыва на военную службу в качестве рабочих или служащих и имевших среднемесячную зарплату до 400 рублей, установить пенсии в следующих размерах: инвалидам 1-й группы — 100 проц. ежемесячной зарплаты, 2-й группы — 75 проц., 3-й группы — 50 проц.»¹¹. При исчислении стажа работы военная служба засчитывалась в стаж непрерывной службы. Как известно, в Великой Отечественной войне приняли участие спецконтингенты, призванные из системы ГУЛАГа НКВД СССР. Лицам из числа военнослужащих, перед призывом на военную службу не работавшим в качестве рабочих или служащих, а отбывавшим наказание, ежемесячная пенсия по инвалидности назначалась из расчёта в зависимости от положенной статьи выплат: инвалидам 1-й группы — 150/120 рублей, инвалидам 2-й группы — 120/100 рублей, инвалидам 3-й группы — 90/70 рублей¹².

Для того чтобы понять контрастность размеров выплачиваемых пенсий с «базарными ценами» первой половины 1941 года, приведём некоторые цифры,

введённые в научный оборот Т.И. Лахтионовой. Так, 1 кг сливочного масла стоил 60 рублей, свинины — 40, говядины — 24, картофеля — от 1,8 до 3 рублей¹³. Если учесть уровень инфляции за последующие военные годы, нетрудно представить реальный рацион питания инвалидов и в целом общий уровень их жизни.

При начислении пенсий учитывались все доходы, важным условием в назначении выплат являлось получение дополнительной помощи в бюджет семьи за счёт ведения подсобного хозяйства. Касалось это и лиц, проживавших в городской черте. Однако следует подчеркнуть, что независимо от того, проживал ли человек в городской или сельской местности, всё же на конечную значаемую сумму пенсии влияли место работы и размеры получаемых до призыва в РККА зарплат. Приведём примеры назначенных пенсий по Ижемскому району Коми АССР по состоянию на июль 1943 года. Инвалиду 2-й группы М.К. Каневу из д. Ель Бакуринского сельсовета, до отправки на фронт работавшему в качестве служащего со среднемесячным заработком в 382 рубля 51 копейку, была назначена пенсия в 191 рубль 25 копеек. Или другой пример — инвалиду той же группы Е.И. Филиппову из с. Няша-Бож, до призыва работавшему на пароходе «Социализм» в качестве помощника механика со среднемесячным заработком в 570 рублей, пенсия выплачивалась в размере 300 рублей. И в то же время эти суммы контрастируют с размерами пенсий бывших колхозников — таких же инвалидов войны, так же сражавшихся на тех же фронтах, с тем же врагом и потерявших здоровье на поле боя. Инвалид 2-й группы С.А. Ларионов, до призыва работавший бригадиром в колхозе со среднемесячной зарплатой в 45 трудодней, получал пенсию в размере 72 рубля в месяц. Аналогичные суммы по району выплачивались семьям бывших колхозников в качестве пенсий по потере кормильца

за погибших на фронтах мучай¹⁴.

Насколько мизерными были пенсии, говорят и источники личного происхождения. Приведём строки из письма, написанного в июле 1945 года инвалидом войны из Архангельской области: «...хочу идти на рынок и продать последние свои брюки и что-нибудь тебе купить. А то, Петя, у меня денег нет. Мне пенсию дают в месяц 130 руб., так вот оденюсь, покушай и выкроить тебе нужно. А когда лежал, Петя, в больнице, так доктора говорили, что нужно хорошее питание и жиры, а я не в состоянии, даже находясь дома ни разу не кушал до сыта. Вот и поправляйся как хочешь. Калека калекой, нет 4 ребёра, почки и лёгкого, и никуда не принимают на работу, да к тому же всё болен. Вот, дорогой, может не поверите, но что ж, скоро приду и хочу ехать в колхоз к матери. Там, может, будет лучше в смысле питания и мне для здоровья. А то я тоже, Петя, своё здоровье отдал за честь Родины на 100 процентов, сейчас хоть лезь в петлю, иначе жизнь моя грошовая. Не обижайтесь, пишу тебе как брату, не скрывая то, что есть в самом деле. Видимо, Петя, наша участь такая, и мы с тобой родились в невзгоды»¹⁵.

Вне зависимости от сумм для получения пенсий выжившие защитники Отечества проходили несколько этапов в «собрании» необходимых документов, доказывая свой новый социальный статус. В то время как до середины 1944 года инвалидам достаточно было представить в органы соцобеспечения копию свидетельства о болезни, заверенную военкоматом, со второй половины того же года при обращении за назначением пенсии инвалиды должны были ежегодно проходить ВТЭК и предъявлять военный билет и справки с заключением о признании их не годными к нестроевой службе. Из года в год усложнялись правила получения пенсий. Так, согласно распоряжению СНК СССР № 162 от 5 января 1944 года, вводилось правило ежегодного переосвидетель-

ствования инвалидов войны и труда со значительными заболеваниями и необратимыми дефектами (полная слепота, ампутированные конечности, стойкие параличи и др.)¹⁶. Как будто в следующем году повреждённые и ампутированные части тела могли сами собой восстановиться. Инвалиды вынужденно проходили ВТЭК и вновь и вновь подтверждали, что ранение или заболевание получено во время пребывания на военной службе.

Ещё сложнее обстояли дела в связи с получением пенсий по инвалидности у лиц, возвратившихся из плена. При обращении за назначением пенсии вместо копии свидетельства о болезни им предстояло предъявить документ, выданный военкоматом, удостоверяющий факт ранения, контузии или заболевания во время нахождения в армии, и свидетельство об освобождении от военной службы. Этих документов от военкоматов по месту нахождения бывшие военнопленные, как правило, не имели, а в выдаче документов по месту жительства таким инвалидам местные военкоматы отказывали, мотивируя это отсутствием специальных директив. Да и сами органы соцобеспечения долгое время не понимали, какие военкоматы должны были выдавать документы, подтверждающие ранения или заболевания военнослужащего, полученные на фронте: военкоматы по месту освобождения военнопленных из лагерей или же военкоматы, которые призвали данных граждан на военную службу¹⁷. Соответственно в силу обстоятельств райсобесы длительное время не назначали пенсии военнослужащим, прибывшим из плена и имевшим инвалидность, что ещё более тяжким бременем ложилось на их плечи и отражалось на психике наших соотечественников, прошедших путь не только фронтовых дорог, но фашистских, да и советских фильтрационных лагерей. Что касалось всех остальных граждан, обратившихся за назначением пенсий, в годы войны оказавшихся и проживавших на временно оккупированных

территориях, но после переехавших для проживания в иную местность, то им было необходимо получить справки из райсобесов тех областей о деятельности этих граждан на тот период с утвердительными данными, не порочащими поведение гражданина в период оккупации¹⁸.

Множество подтверждающих документов, которые должны были предъявить инвалиды в соцорганы с целью получения пенсии, наравне с изданием ряда постановлений, распоряжений и инструкций собесам разных уровней, характерным содержанием которых являлись уточняющие моменты при начислении и выдаче пенсий, вводило в заблуждение ту и другую стороны, провоцировало возникновение различного рода ошибок. В ходе плановых проверок райсобесов в апреле 1943 года по выполнению постановления СНК СССР от 16 июля 1940 года в Коми АССР только по Сторожевскому району понизили пенсии 13 инвалидам Великой Отечественной войны¹⁹, а по Корткеросскому району по итогам проверенных 52 личных дел в результате неправильного назначения пенсии выявились переплаты 9 инвалидам войны, ещё у четверых из списка проверенных образовались недоплаты. Причинами допущенных ошибок указывались плохо оформленные личные дела, в которых отсутствовали либо истории болезни, либо выписки из протоколов заседаний комиссии по назначению пенсии с уточнением статей, по которым определена пенсия, либо справки из сельских советов²⁰.

В ноябре 1943 года Наркомат соцобеспечения РСФСР объявил о проведении проверки пенсионных дел лиц, получавших пенсию по государственному социальному страхованию. И хотя в большинстве областей выполнение приказа проходило неохотно, (в источниках указано «неудовлетворительно»²¹), всё же можно сделать некоторые выводы. Проверки специальных контролирующих комиссий нередко выявляли

нецелевую выдачу государственных ресурсов. Неблагополучно обстояли дела по пенсионному начислению и в других регионах РСФСР. Так, в марте 1944 года по итогам деятельности местных органов Наркомсобеса Башкирской АССР из 76 проверили 55 рай(гор)собесов по обслуживанию инвалидов войны и труда. В 15 проц. всех пенсионных дел обнаружались переплаты и недоплаты по пенсиям, а в делах — отсутствие необходимых документов. В практике работы тех рай(гор)собесов вскрылись факты незаконного удержания с пенсионеров сумм пенсий, переплаченных по вине служащих отделов²². Похожее положение имело и в районах Сталинградской (Волгоградской) области, где одной из причин назывались слабая подготовка работников собесов и нежелание принимать меры по повышению их квалификации²³.

Случалось и так, что при начислении пенсий допускались и технические ошибки. В результате бездеятельности и халатности бывших работников Удорского райсобеса Коми АССР, на что указывалось в одном из актов по проверке выдачи пенсий, упускались сроки переосвидетельствований инвалидов войны. Например, одному гражданину вследствие неправильно назначенной пенсии за 14 месяцев было выдано 511 рублей, причём переплата в месяц составила по 36 рублей 50 копеек, а также за просроченное время (восемь месяцев переосвидетельствования) — 532 рубля. Как зафиксировано в докумен-

те, за просроченное время по неправильному назначению пенсии этому гражданину передали большую государственную сумму, составившую 1043 рубля. Стоит сказать, что из-за нерасторопности служащих отдела собеса в этом же районе задерживались сроки назначения пенсий и пособий в целом, а кассы взаимопомощи стали организовываться только с января 1943 года²⁴.

С сентября 1944-го при назначении пенсий по государственному социальному страхованию стало засчитываться как в общий трудовой стаж, так и в стаж непрерывной работы время службы в Красной армии и Военно-морском флоте, а также время нахождения в партизанских отрядах (при условии поступления на работу в качестве рабочего или служащего в течение трёх месяцев после освобождения от военной службы или из партизанского отряда)²⁵. В целом 1944 год оказался богат на введение в области пенсионного обеспечения различного рода новаций. В течение этого года инвалидам войны взамен старой формы начали выдавать особые удостоверяющие личность документы — пенсионные удостоверения инвалида Отечественной войны²⁶. Согласно пункту «а» статьи 88 инструкции, утверждённой постановлением СНК СССР № 101 от 31 января 1944 года, они выдавались военнослужащим рядового, сержантского и старшинского состава, ставшим инвалидами вследствие ранений, контузий или увечий, полученных в боях при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы во время войны, или вследствие заболеваний, связанных с пребыванием на фронте, и получавшим пенсию по статьям 1 или 3 постановления СНК СССР от 16 июля 1940 года. Бланки с надписью на обложке «Пенсионное удостоверение инвалида Отечественной войны» являлись документами строгой отчётности, изготавливались в централизованном порядке Наркомсобесом

РСФСР и распределялись по наркомсобесам АССР и край(обл)собесам, а последними — по райсобесам с учётом количества инвалидов Великой Отечественной войны, состоявших на учёте. Их выдачу в обмен прежних пенсионных удостоверений предполагалось закончить к 1 июня 1945 года.

Как до войны, так и в ходе неё в практику пенсионного обеспечения вводилась система поощрений за выслугу, выплачивались повышенные пенсии за воинское звание, за проявленное в боях мужество. Такая система касалась и инвалидов войны. Так, 11 ноября 1943 года, почти сразу после учреждения статута ордена Славы (8 ноября 1943 г.), вышел приказ наркома соцобеспечения РСФСР «О назначении повышенных пенсий утратившим трудоспособность лицам рядового и сержантского состава Красной армии, награждённым орденом Славы всех трёх степеней»²⁷. Полные кавалеры ордена Славы — инвалиды войны к положенной пенсии получили надбавку в размере 50 проц., а лицам, к примеру, сержантского состава сумма пенсии повышалась также на 50 проц., но взятая вместе с надбавкой в 25 проц.

Со времени издания инструкции «О порядке назначения и выплаты пенсий по инвалидности военнослужащим для рядового, сержантского и старшинского состава», утверждённой вышеупомянутым постановлением СНК СССР № 101 от 31 января 1944 года, можно говорить о том, что к окончанию Великой Отечественной наметилась тенденция повышения государственного пенсионного содержания участников войны, в том числе отдельных представителей категории инвалидов войны рядового состава. Постановлением СНК СССР от 7 июля 1945 года № 1634 народным комиссариатам союзных республик было разрешено назначать военнослужащим рядового состава, имеющим звание ефрейтор, повышенные на 25 проц. пенсии по инвалидности. По данному поводу уже через неделю по всем

Эвакуация в тыл

краям и областям РСФСР разослали соответствующий приказ наркома соцобеспечения РСФСР²⁸.

С 1 января 1946 года был установлен минимальный размер пенсий для военнослужащих рядового состава, ставших инвалидами 1 группы вследствие ранений, контузий, увечий, полученных в боях при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, либо вследствие заболеваний, связанных с пребыванием на фронте. Для работников иных сфер деятельности, не связанных с сельским хозяйством, он составил 300 рублей в месяц, меньший размер минимальной пенсии — в 250 рублей устанавливался для граждан, связанных с сельским хозяйством. Тем же постановлением для военнослужащих рядового состава, ставших инвалидами 1-й группы вследствие несчастных случаев, не связанных с исполнением обязанностей военной службы, или вследствие заболеваний, не связанных с пребыванием на фронте, минимальный размер пенсий определялся на 20 проц. ниже минимального размера пенсий, установленных для инвалидов Великой Отечественной войны²⁹.

Однако не все инвалиды войны подпадали под действие вышеуказанного постановления, многим из них отказали в получении пенсии по инвалидности, особенно в отношении партизан и бывших военнопленных. Пересмотр дел начался во второй половине 1946 года³⁰, когда был принят новый нормативный акт, касающийся бывших военнослужащих и партизан, ставших инвалидами после увольнения с военной службы или после выбытия из партизанских отрядов. Для получения права обеспечения пенсией по инвалидности наравне с военнослужащими таким категориям следовало получить заключение ВТЭК, которая должна была признать, что инвалидность являлась следствием: а) ранений, контузий или увечий, полученных в боях при защите СССР или при исполнении

иных обязанностей военной службы, или заболеваний на фронте, а равно ранений, контузий, увечий или заболеваний в период пребывания в плену; б) несчастных случаев, не связанных с исполнением обязанностей военной службы, или заболеваний, не связанных с пребыванием на фронте, но имевших место в период прохождения военной службы. Пенсии по инвалидности, вызванной вышеуказанными причинами, назначались в том случае, если ВТЭК инвалидность была признана не позднее 5 лет со дня увольнения военнослужащих с военной службы или выбытия из партизанских отрядов.

После окончания войны для назначения пенсий инвалидам по-прежнему требовалось представлять множество различного рода подтверждающих документов. Основополагающими среди них стали справки РВК о прохождении данными лицами военной службы с указанием даты призыва на таковую, даты увольнения, основания, по которому лицо уволено, и воинского звания к моменту увольнения с военной службы; для бывших военнослужащих, возвратившихся из плена, — справки РВК с указанием даты призыва на военную службу, времени пребывания в плену и даты прохождения в РВК воинского переучёта, а также бывшего воинского звания; для бывших партизан — справки фронтового или центрального штаба партизанского движения, штаба отряда или сведений, полученных из соответствующих архивов, с указанием времени пребывания данного лица в партизанском отряде, названия должности в отряде и причин выбытия из отряда. На сбор необходимых документов — переписку и получение справок, выписок и прочего уходило немало времени. Важно отметить, что по установленному порядку пенсии назнача-

В санитарном поезде

лись людям со дня вынесения заключения ВТЭК о причинах инвалидности³¹.

Однако вплоть до конца 1946 года поступающие от бывших военнослужащих жалобы и заявления, а также рабочие материалы отделов социального обеспечения по пересмотру дел о назначении пенсии по категории инвалидов войны бывшим военнослужащим, уволенным с военной службы по демобилизации, военнослужащим, возвратившимся из плена, и бывшим партизанам свидетельствуют о том, что приказ министра социального обеспечения РСФСР № 391 от 31 июля 1946 года, к примеру, в ряде районов и областей (Калужская, Курская, Костромская и др.) не выполнялся или применялся отделами соцобеспечения неправильно³².

В отношении облегчения участи инвалидов войны, оказания им внимания государство широко использовало общественный ресурс. О положительных примерах оказания помощи и передачи опыта работы Наркомат соцобеспечения сообщал в централизованно рассылавшихся письмах. В частности, в 1944 году по г. Москве сообщалось, что во всех 26 продовольственных магазинах, специально обслуживавших инвалидов Отечественной войны, имелись столы заказов и производилась доставка продуктов на дом инвалидам 1-й и 2-й групп с тяжёлыми формами инвалидности. К нуждавшимся в уходе инвалидам отделе соцобеспечения прикрепляли активисток-общественниц, которые

оказывали им ту или иную помощь: убрали комнаты, читали газеты, художественную литературу, стирали бельё, готовили пищу, ухаживали за детьми и т.д. Для слепых инвалидов, не имевших возможности отсутствовать из дома ввиду отсутствия у них провожатых, организовали школу взрослых, которая проводила обучение по системе Брайля сорока инвалидов в индивидуальном порядке на дому³³. В дополнение к процитированному документу, явно имевшему пропагандистский уклон, следует упомянуть и то, что обществом и государством в годы войны практиковалось проведение месячников и декадников — специальных мероприятий, в ходе которых оказывалась помощь особо нуждающимся, как инвалидам, так и в целом членам семей военнослужащих. Помощь оказывалась в самых разнообразных формах — единовременная выдача денег, продуктов питания или одежды из специально создаваемых материально-вещевых, продовольственных и денежных фондов, трудоустройство или устройство детей в школы и детские учреждения, заготовка и подвозка дров, ремонт квартир, улучшение общественного питания и т.д. С другой стороны, следует отметить, что данная помощь была разовой и избирательная. По воспоминаниям старожил, оказывалась она, как правило, многодетным семьям, в которых воспитывалось от пяти—шести и более детей.

Письма, хранящиеся в архивах, передают настроения тех лет. Так, в начале мая 1945 года из Елецкого района Архангельской области на московский адрес ушло письмо, содержание которого было отмечено цензурой НКГБ области: «...да, Алёша, я не хотел тебе писать, но напишу. Нас служило и служит в Красной армии пять братьев, на твоих детей и мать пайка не дают. Твои дети в связи с неурожаем почти голодные. Я пишу, но руки трясутся, даже думаю, зачем я жив остался. Досыта не кушаю. Я как инвалид, хлеба мне дают 500 грамм, на детей по 200 грамм, на твоих —

ничего. Маруся ежедневно падает в обморок. Родители, видя это, чувствуют себя плохо. Зачем ты пишешь так глупо: уж живи, но молчи. Но детям помогай, пойми, если дедко свалится, а он плохой, то твоя семья — семья офицера — будет просить. Кому позор? Не сердись, друг, но это так, больше я тебе писать не в силах. Ну, пока и всё, это сушая правда»³⁴.

За прошедшие послевоенные десятилетия неоднократно изменялось законодательство в области пенсионного обеспечения инвалидов и участников Великой Отечественной войны. В 1995 году был принят Федеральный закон «О ветеранах», который «устанавливает правовые гарантии социальной защиты ветеранов в Российской Федерации в целях создания условий, обеспечивающих их достойную жизнь, активную деятельность, почёт и уважение в обществе»³⁵. С 2002 года, с начала вступления в силу Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» № 166 от 15 декабря 2001 года, инвалидам войны выплачиваются две государственные пенсии: первая — согласно соответствующим статьям названного закона; вторая — по трудовому стажу, по расчётам пенсионного законодательства, аналогично и для всех остальных гражданских лиц.

Сегодня год за годом всё меньше остаётся ветеранов войны. По данным на январь 2007 года, в г.Сыктывкаре с населением более 240 тыс. человек проживали 55 инвалидов Великой Отечественной войны. В противовес распространённому мнению «кухонных разговоров» о том, что чем меньше остаётся ветеранов войны, тем малозатратнее и выгоднее государству оказывать уважительное отношение к заслугам «поколения победителей», можно привести народную поговорку — «Лучше поздно, чем никогда». Но как бы то ни было уже ничто не сможет вычеркнуть из памяти ещё живущих свидетелей войны, миллионов «детей войны» воспоминаний

унизительного, нищенского существования тех далёких лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Коми (НА РК). Ф. Р-1499. Оп. 1.

² Там же. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1016. Л. 1.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 34.

⁶ Государственный архив Архангельской области (ГА АО). Ф. 2065. Оп. 1. Д. 99. Л. 7.

⁷ НА РК. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 716. Л. 1.

⁸ *Безносова Н.П.* Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Научные доклады. Сыктывкар: Коми научный центр УрО Российской академии наук, 2003. Вып. 460. С. 25.

⁹ НА РК. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 652. Л. 35.

¹⁰ Там же. Д. 660. Л. 56 об., 57.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 1. Д. 170. Л. 8.

¹² ГА АО. Ф. 2065. Оп. 1. Д. 107. Л. 120; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 170. Л. 8.

¹³ *Ляхтионова Т.И.* Условия жизни населения города Сыктывкара в годы Великой Отечественной войны (по документам Национального архива Республики Коми) // Защита Отечества: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 55-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Сыктывкар, 2001. С. 36—44.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-1499. Оп. 1. Д. 660. Л. 60 об., 61.

¹⁵ ГА АО. Ф. 2063. Оп. 9. Д. 143. Л. 348.

¹⁶ НА РК. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 652. Л. 3.

¹⁷ ГА АО. Ф. 2065. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.

¹⁸ Там же. Д. 107. Л. 104.

¹⁹ НА РК. Ф. Р-1499. Оп. 1. Д. 660. Л. 18.

²⁰ Там же. Л. 20.

²¹ Там же. Д. 652. Л. 25.

²² Там же. Л. 22.

²³ Там же. Л. 59.

²⁴ Там же. Д. 660. Л. 1.

²⁵ Там же. Д. 652. Л. 68.

²⁶ По этому вопросу была издана специальная инструкция Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР «О порядке выдачи пенсионных удостоверений инвалидам Отечественной войны» от 24 ноября 1944 г. См.: ГА АО. Ф. 2065. Оп. 1. Д. 137. Л. 28.

²⁷ Там же. Д. 108. Л. 47.

²⁸ Там же. Д. 121. Л. 25.

²⁹ С 1 января 1946 г. вступило в действие постановление СНК СССР от 28 января 1946 г. № 231 «О повышении размера пенсий инвалидам Великой Отечественной войны 1-й группы». См.: там же. Д. 137. Л. 30.

³⁰ Приказ № 391 министра социального обеспечения РСФСР от 31 июля 1946 г. «О пенсиях бывшим военнослужащим рядового, сержантского и старшинского состава» в соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 1516 от 9 июля 1946 г. «О пенсиях бывшим военнослужащим и их семьям». См.: там же. Л. 31.

³¹ Там же. Л. 31.

³² Там же. Л. 4.

³³ НА РК. Ф. Р-1499. Оп. 1. Д. 652. Л. 34, 35.

³⁴ ГА АО. Ф. 2063. Оп. 9. Д. 143. Л. 269.

³⁵ Федеральный закон от 12 января 1995 года № 5-ФЗ «О ветеранах», изменения в закон вносились в 2000, 2004, 2005 годах.

Е.Н. БОЛЕ

«СВЕДЕНИЯ ПОЛУЧЕНЫ ОТ НАДЕЖНОГО ИСТОЧНИКА»

О взаимодействии военных разведок стран антигитлеровской коалиции
в годы Второй мировой войны

В ГОДЫ Второй мировой войны разведывательные службы Советского Союза, Англии, США, а также Чехословакии, Франции, Бельгии, Польши, Дании, Голландии, Норвегии и Югославии, несмотря на обособленность и секретность своей работы, нередко действовали сообща против общего врага — фашистской Германии. Можно даже сказать, что возник, разумеется, условно, некий разведклуб союзников, члены которого, как правило, не зная друг друга, играли в одной команде. Первыми начали взаимодействовать американская и британская разведки. По крайней мере данные о германском флоте, активно действовавшем в Атлантике, американцы получали в основном от англичан. Однако на первых порах обмен сведениями о противнике между разведками стран, воевавших против Германии, носил эпизодический характер. Никакого органа, способного координировать усилия военных разведок государств, оккупированных германскими войсками, не существовало.

По мере расширения военных действий в Западной Европе руководители военных разведок Польши, Чехословакии, Бельгии, Голландии, Франции и их штабы со средствами связи обосновались в Лондоне. В то же время добывающие резидентуры этих разведок продолжали действовать на территориях оккупированных государств. Шеф германской политической разведки В. Шелленберг¹ считал, что с территориями оккупированных немцами стран в эфире работали до 250 радиостов. А это значит, что там действовали по крайней мере 250 резидентур советской, чехословацкой, польской, французской, бельгийской, английской, норвежской, американской и других разведок.

Глава военной миссии США в Москве генерал Дж. Дин выступает перед американскими и советскими лётчиками на аэродроме под Полтавой. 1944 г.

После нападения гитлеровской Германии на СССР У. Черчилль, выступая вечером 23 июня по радио, заявил о готовности Великобритании помочь России и русскому народу².

12 июля 1941 года в Москве было подписано советско-английское соглашение «О совместных действиях правительств СССР и Великобритании в войне против Германии», положившее начало оформлению антигитлеровской коалиции. Согласно этому документу оба правительства обязывались оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода и не вести с гитлеровской Германией никаких переговоров, не заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия СССР и Великобритании.

Эти основные положения, как бы реализовавшие намерения сторон вести войну до победного конца, нашли отражение позже в советско-английском договоре от 26 мая 1942 года «О союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны» и в советско-американ-

ском соглашении от 11 июня 1942 года «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессора».

Что касается советско-британского военного сотрудничества, в том числе и в сфере обмена разведывательными сведениями об общем противнике, то реальное развитие эта деятельность получила с прибытием в Лондон в качестве главы советской военной миссии контр-адмирала Н.М. Харламова³. Ему, человеку напористому, но весьма тактичному, удалось наладить взаимодействие не только с военными кругами, в том числе и с британской военной разведкой (Secret Intelligence Service (SIS), условное наименование — MI-6), но и с рядом других государственных учреждений, располагавших теми или иными сведениями о фашистской Германии. Полученные сведения Н.М. Харламов регулярно сообщал в Москву. Они касались в основном боевого состава, дислокации и организации войск немецкой армии за прошедший месяц, что несколько снижало их оперативную ценность. В 1944 году советскую военную миссию в

К.Н. Деревянко

Н.М. Харламов

Лондоне возглавил генерал-лейтенант А.Ф. Васильев⁴, успешно продолжив начатую Харламовым работу.

Британской военной миссией в Москве в годы войны руководили генерал-лейтенант Г.-Л.-К. Мартель⁵ и бригадный генерал М. Барроуз⁶. Они часто обращались в Генеральный штаб РККА с запросами о Германии, её вооружённых силах и военной промышленности, которые удовлетворялись, как правило, без задержки. Контроль за выполнением заявок и запросов представителей союзников осуществлял генерал-майор Н.В. Славин⁷, начальник Управления спецзаданий Генерального штаба, которое руководило деятельностью советских военных миссий в союзных государствах.

СРАЗЛИЧНЫМИ просьбами к Н.В. Славину обращались не только иностранцы, но также и руководители советских военных миссий за рубежом: генерал-лейтенант А.П. Кисленко⁸, аккредитованный при штабе командующего средиземноморскими экспедиционными войсками союзников; генерал-майор Н.В. Корнеев⁹, советский представитель при Верховном штабе Народно-освободительной армии Югославии; генерал-майор артиллерии И.А. Суслопаров¹⁰, находившийся при штабах вооружённых сил Фран-

ции и главнокомандующего экспедиционными войсками США и Великобритании; генерал-лейтенант К.Н. Деревянко¹¹, представитель Главного командования советских войск на Дальнем Востоке при штабе американского генерала Д. Макатура¹².

В 1942 году началось взаимодействие советской военной разведки с разведками стран, оккупированных германскими войсками. Инициативу в этом направлении проявили поляки. В сентябре 1941 года советский военный атташе в Лондоне генерал-майор танковых войск И.А. Скляр¹³ докладывал в Москву, что представитель военной разведки Польши предложил организовать совместную разведывательную работу против Германии. «Для ускорения прохождения важных разведывательных сведений в ближайшем будущем, — докладывал Скляр начальнику Разведывательного управления Красной армии, — поляки планируют организовать связь по радио между польской военной миссией в Москве и подпольным центром своей военной разведки в Польше... Польский штаб обещает создать свои разведывательные группы в тылах немецких войск на территориях, лежащих к востоку от польско-советской границы»¹⁴.

В Разведуправлении Красной армии конструктивное предложение представителей польской военной разведки оценили по достоинству. Открывалась уникальная возможность получения разведывательных данных о Германии не только от поляков, но и от других разведывательных служб союзных правительств в Лондоне, которые, как предположили в Центре, должны были иметь разведывательные возможности в своих оккупированных немцами странах. Предположение оказалось правильным.

По согласованию с британским правительством сотрудник аппарата советского военного атташе в английской столице А.Ф. Сизов¹⁵ был назначен военным атташе при союзных правительствах в Лондоне, установив дружеские отношения с руководителями их разведывательных служб. В 1942—1943 гг. А.Ф. Сизов получал сведения о фашистской Германии от начальника французской разведки генерала Матенэ, начальника военной разведки Чехословакии полковника Ф. Моравца¹⁶, начальника норвежской разведки подполковника Р. Лянда, сотрудника польской военной разведки подполковника С. Гано, бельгийского разведчика подполковника Мариссала, сотрудника голландской военной разведки подполковника Лифтинка.

За 1943 год от чехословацких разведчиков, которые имели на территории своей страны разветвлённую агентурную сеть, А.Ф. Сизов получил значительное количество материалов о положении в Германии, о производительности основных германских военных заводов, выпускавших танки, самолёты и артиллерийские орудия.

Не менее продуктивным оказалось сотрудничество А.Ф. Сизова с представителями бельгийской военной разведки, которые имели полные данные о дислокации на своей земле немецких дивизий и их переброске на Восточный фронт. В период подготовки к Курской битве эти сведения представляли для советского

командования особый интерес.

На такой же бескорыстной основе сотрудничал Сизов и с представителями военной разведки Норвегии, получая от них важные материалы о немецких силах на севере Европы и системе оборонительных сооружений вдоль норвежского побережья.

В ПЕРВОЙ половине 1944 года, в период разработки Генеральным штабом Красной армии плана операции «Багратион», взаимодействие А.Ф. Сизова с представителями военных разведок стран антигитлеровской коалиции достигло наибольшей эффективности. В целом в 1944 году Сизов ежедневно направлял в Центр 5—6 донесений о противнике, как правило, начинавшихся словами: «Французская разведка сообщила...», «Бельгийская разведка сообщила...», «Барон сообщил...», «По данным норвежской разведки...»

Сизов еженедельно получал из Москвы конкретные задания, часто весьма срочные, на выполнение которых отводились один-два дня, и, естественно, без помощи своих иностранных коллег обходиться не мог.

Следует отметить, что среди источников Сизова наиболее активным и ценным был начальник военной разведки Чехословакии полковник Франтишек Моравец, которому у нас дали псевдоним Барон. Только в 1944 году Ф. Моравец передал А.Ф. Сизову около двухсот материалов по различным военным и военно-политическим вопросам; на их основе А.Ф. Сизов 197 раз направлял в Центр важные донесения.

Ф. Моравец, будучи кадровым военным разведчиком, имел ценных агентов в ряде стран Западной Европы и, самое главное, в верховном главнокомандовании вермахта (ОКВ), которые передавали сведения о перебросках германских войск на Восточный фронт, о дислокации немецких соединений в Дании, Голландии, Франции и других странах Западной Европы. От источника в ОКВ поступали

обобщённые данные о производительности немецких авиастроительных и танковых заводов, о количестве подводных лодок, строившихся на германских заводах, о ежемесячном выпуске авиационных бомб, снаряжённых химическими отравляющими веществами, о производстве артиллерийских снарядов и патронов для стрелкового оружия. Благодаря этому источнику в ГРУ поступали даже сведения о выпуске автомобильных покрышек на германских заводах резиновых изделий. От этого же источника был получен и план ОКВ на лето 1944 года, утверждённый Гитлером. Интересная деталь: Ф. Моравец, сообщая Сизову полученные данные, неизменно подчёркивал, что «сведения получены от надёжного источника». Имя же этого источника так и осталось неизвестным.

Источники Моравца добывали материалы о результатах совещаний в ставке фюрера, имели возможность проследить передвижение Гитлера, присутствовать на испытаниях новых систем оружия. Так, один из агентов Барона в апреле 1944 года присутствовал на испытаниях ракетных установок ФАУ-2, о чём позднее сообщал: «Немцы проводили испытания ракет реактивного действия на северном побережье острова Рюген. Ракета стартовала с поверхности земли. Она с сильным шумом поднялась при сохранении начального угла вылета без искривления траектории до высоты 8700 метров (высота измерялась точными приборами), затем полёт продолжался по горизонтальной траектории. Корпус ракеты снабжён двумя небольшими несущими плоскостями. Внизу хвостовой части ракеты можно было наблюдать трубу, из которой в момент старта выбивалось пламя длиной около 30 метров...»¹⁷. Данные об этих испытаниях Моравец передал советскому разведчику, который незамедлительно отправил их в Центр.

Довольно много материалов к А.Ф. Сизову поступало

А. Ф. Сизов

от представителей французской и бельгийской разведок на французском языке, которые он не успевал обрабатывать. Тогда в распоряжение А.Ф. Сизова был направлен переводчик, свободно владевший французским языком. За 1944 год было переведено с французского более двухсот разведывательных материалов, на основе чего А.Ф. Сизов подготовил и направил в Центр 147 информационных донесений, получивших высокие оценки.

Сотрудники французской и бельгийской разведок добывали сведения о частях и соединениях германской армии, дислоцировавшихся на французской, бельгийской и румынской территориях, о перебросках войск, которые в первой половине 1944 года выполняло германское командование в ожидании крупных сражений на Восточном и Западном фронтах, о выпуске на германских заводах самолётов, танков, артиллерийских орудий, пороха, боеприпасов, химических отравляющих веществ, синтетического бензина, а также сведения о германском ракетном оружии и реактивных самолётах.

Французская разведка имела свои источники в Берлине и в кругах, близких к высшему немецкому командованию. Это они проинформировали о планах Гитлера по тотальной мобилизации, на основании чего А.Ф. Сизов в январе 1944 года сообщал в Центр:

«Исходя из имеющихся контингентов запасных частей в Германии, начальник департамента ОКВ общей мобилизации генерал Унрух предложил сформировать к 1 марта 25 новых полевых дивизий. Источник из Германии, сведения которого до сих пор подтверждались».

Мобилизационные возможности Германии истощались. В армию стали призывать квалифицированных рабочих с военных заводов. В замену им Гитлер принял решение увеличить завоз в рейх специалистов из оккупированных стран. 4 апреля 1944 года Сизов сообщал в Москву: «В штаб-квартире Гитлера состоялась совещание, в ходе которого обсуждались проблемы набора дополнительной рабочей силы для Германии. Принято решение, в соответствии с которым в Германию должно быть в ближайшее время доставлено: из Голландии — 250 тысяч человек, из Бельгии — 250 тысяч человек, из Италии 1,5 миллиона человек. Собственно в Германии за счёт сокращения управленческого аппарата и мобилизации дополнительных возрастов должно быть мобилизовано до 1 миллиона человек». Действительно, в 1944 году в Германию из Франции и Бельгии были вывезены сотни тысяч высококвалифицированных рабо-

чих и инженеров. Однако чем больше иностранных рабочих трудилось на военных заводах Германии, тем уязвимее становился «третий рейх», чего Гитлер и его ближайшее окружение, видимо, не понимали. Что касается военных разведчиков Франции, Бельгии, Голландии, а также Англии и США, они в среде иностранных рабочих легко находили источники важной информации о состоянии военной промышленности Германии. Добытые данные в конце концов поступали и к полковнику А.Ф. Сизову.

Особое внимание в Москве вызывали сообщения о создании немцами реактивных истребителей. Так, 3 марта 1944 года А.Ф. Сизов докладывал в Центр: «Бельгийская разведка сообщила, что... авиамоторные заводы фирмы "Прим" в Штольберге выпускают турбинные авиационные двигатели, которые при установке на самолёт не требуют винта. Самолёт получает движение за счёт реакции выхлопных газов. Фирма "Прим" строит в окрестностях Цвенфалля дополнительные цеха. Ежемесячный выпуск реактивных двигателей в ближайшее время достигнет 1000 моторов. Дирекция завода в Штольберге каждые два дня обязана докладывать генералу Мильху и Шпееру о состоянии производства. Завод Юнкерс в Дессау тоже выпускает самолёты с турбинными двигателями. Гитлер лично присутствовал на демонстративных полётах нового одномоторного истребителя TL-262 [турбинный Мессершмитт]. Самолётом управлял лётчик-испытатель Голланд».

Бельгийские коллеги передали также сведения о реактивных истребителях Me-163 и Me-262, а также о производстве ФАУ-1 и ФАУ-2.

Важные сведения поступали А.Ф. Сизову и от норвежской военной разведки: о состоянии береговой обороны Норвегии, о количестве батарей морской и сухопутной артиллерии, о перебросках немецких войск. На основе этих данных А.Ф. Сизов в

1944 году подготовил и направил в Центр 43 донесения. Это был достаточно весомый вклад норвежской разведки в общую борьбу против фашистской Германии.

В 1944 году А.Ф. Сизов добился в своей разведывательной работе уникальных результатов. С 1 января по 17 декабря он направил в Центр 425 донесений и значительное количество документальных материалов, многие из которых использовались для подготовки специальных докладов И.В. Сталину, В.М. Молотову и начальнику Генерального штаба А.М. Василевскому.

Полковник А.Ф. Сизов оказался единственным офицером ГРУ, который в 1944 году за добытие ценных сведений о противнике в течение трёх месяцев дважды награждался орденом Красного Знамени.

ГОВОРЯ о взаимодействии разведок стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны, нельзя не обратить внимания на отношения между разведслужбами СССР и США. Кстати, генерал-лейтенант Ф.И. Голиков¹⁸, посещая в 1941 году в качестве главы советского военной миссии Лондон и Вашингтон, обсуждал не только проблемы оказания Советскому Союзу экономической помощи, но и вопросы обмена сведениями о государствах фашистского блока. После возвращения Голикова в Москву эту же тему поднимал на переговорах с представителями американского командования военный атташе при посольстве СССР в США полковник И.М. Саравев¹⁹. Союзники с интересом восприняли это предложение, но потребовали, чтобы в Москве американскому военному атташе было предоставлено право дважды в неделю посещать Генеральный штаб, где он мог бы иметь доступ к секретным документам относительно положения на советско-германском фронте. Разумеется, в Москве на это не пошли, и проблема обмена разведывательными сведениями о противнике возникла

И.А. Скляр

вновь лишь в конце 1943 года, когда американцы завершили планирование операции «Оверлорд» по высадке войск союзников во Франции. Американцев на этот раз, что называется, припекло: им нужно было собрать как можно больше информации о вермахте. Готовя почву для переговоров по этому вопросу с представителями советской разведки, американцы пошли на беспрецедентный шаг, передав полковнику А.Ф. Сизову три папки материалов о Германии и её вооружённых силах. Вторым шагом в области развития многообещавшего обмена разведсведениями о противнике стал визит в декабре 1943 года руководителя американской центральной разведки (Управления стратегических служб, УСС) генерал-майора Уильяма Д. Donovan²⁰ в Москву, вместе с которым прибыл и Дж. Хаскелл, один из руководящих сотрудников УСС. Donovan полагал, что в случае положительных переговоров Хаскелл останется в Москве в качестве начальника бюро УСС.

В РЕЗУЛЬТАТЕ встреч У. Donovan с наркомом иностранных дел В.М. Молотовым и представителем внешней разведки НКГБ была достигнута договорённость о сотрудничестве разведок СССР и США. При этом американские предложения сводились к следующему: обмен разведывательной информацией о противнике; консультации по вопросам проведения диверсионной работы на территории врага; содействие в заброске агентуры в тыл противника; обмен материалами по диверсионной технике, радиоаппаратуре и их образцами²¹.

По итогам переговоров Donovan в Москве 4 февраля 1944 года все подразделения УСС получили инструкцию, в которой указывалось, что СССР можно передавать оригинальную разведывательную информацию²².

В Москве и в Вашингтоне стали готовиться к официальному обмену представителями разведывательных служб.

Однако это сотрудничество было свёрнуто, так и не успев обрести какие-либо определённые формы. Против сотрудничества УСС с советской разведкой выступили шеф американского Федерального бюро расследований Э. Гуввер²³ и некоторые другие влиятельные американские политики. Президент Рузвельт направил послу У. Гарриману²⁴ телеграмму о том, что обмен представителями разведывательных служб откладывается на неопределённое время. Гарриман попытался переубедить Рузвельта, но безуспешно. При этом президент высказал уверенность, что маршал Сталин его поймёт и что обмен миссиями отложен только на время²⁵. Оказалось — навсегда.

Вместе с тем в 1944 году между американским Управлением стратегических служб и внешней разведкой НКГБ СССР шёл довольно активный обмен информацией о противнике. В течение апреля—мая 1944 года Donovan через руководителя американской военной миссии в Москве бригадного генерала Дж.Р. Дина передал руководителям нашей внешней разведки информационные материалы о противнике общим объёмом более двух тысяч листов — в основном справочные сведения по Германии. Лишь незначительная часть, всего 87 листов, содержала военные разведывательные данные, которые и передали в ГРУ²⁶.

Американская разведка, без сомнения, владела значительным объёмом достоверной информации о Германии и её вооружённых силах. Об этом можно судить по содержанию специального сообщения ГРУ для руководства СССР под названием «Группировка немецких войск вне советско-германского фронта по данным военной миссии США в СССР на 10 июня 1944 года», которое получило хорошую оценку экспертов Главного разведывательного управления. Но случаев передачи американцами подобных полезных сведений в Генеральный штаб РККА было

немного, хотя прибывший в конце августа 1944 года в Лондон высокопоставленный представитель американской стратегической разведки Шеффердсон советовал своему представителю в Лондоне полковнику Брюсу регулярно поддерживать с полковником А.Ф. Сизовым рабочие контакты.

В целом же оперативное взаимодействие между органами военной разведки СССР, с одной стороны, и США с Великобританией — с другой развития не получило. Отдельные мероприятия по заброске с помощью англичан в тыл противника советских разведчиков заканчивались провалом: люди исчезали бесследно. От дальнейших попыток взаимодействия в этом направлении командование советской военной разведки отказалось.

В то же время сотрудничество между разведками США и Великобританией в годы войны, особенно на её завершающем этапе, было плодотворным, ибо имело доверительный характер. Правда, и здесь обе стороны хранили свои секреты. Британцы далеко не всё передавали своим американским коллегам, а по мере завершения в США работ по созданию атомной бомбы даже тайно «позаимствовали» из американских лабораторий результаты многих исследований, которыми американцы пока не собирались делиться со своими британскими партнёрами. Впрочем, это лишь раз подтверждает устоявшееся мнение, что разведка — весьма деликатная сфера.

Что же касается существовавшего в годы Второй мировой войны взаимодействия между военными разведками стран антигитлеровской коалиции, то его эффективность зависела от состояния политических отношений между Москвой, Лондоном и Вашингтоном, которые и в тех условиях вели скрытую борьбу за свои национальные интересы²⁷. И всё же несмотря на политические барьеры и профессиональные ограничения, взаимодействие военных раз-

ведок стран антигитлеровской коалиции позволяло координировать действия на фронтах в борьбе с общим врагом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шелленберг Вальтер (1910—1952) — бригадефюрер СС (генерал-майор), высокопоставленный сотрудник спецслужб нацистской Германии. Руководитель с 1939 г. 6-го управления (внешнего) СД. После отпуска в 1944 г. абвера (германской военной разведки) — глава заграничных операций объединённой службы германской разведки. На Нюрнбергском процессе был приговорён к шести годам тюремного заключения. После выхода на свободу в июне 1951 г. издал книгу воспоминаний «Мемуары Шелленберга». В России книга издана под названием «Лабиринт».

² См.: Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М.: Мысль, 1977. С. 33, 34.

³ Харламов Николай Михайлович (1905—1983) — адмирал (1949). В ВМФ — с 1922 г. В 1941—1944 гг. был главой советской военной миссии в Лондоне. В 1944—1946 гг. — заместитель начальника ГШ ВМФ, в 1950—1954 гг., 1956—1959 гг. — командующий Балтийским флотом. В 1961—1971 гг. — на ответственных должностях в центральном аппарате ВМФ.

⁴ Васильев Александр Филиппович (1902—1984) — генерал-лейтенант (1944). В Красной армии с 1920 г., в военной разведке с 1937 г. Участник Великой Отечественной войны. С июля 1941 г. — начальник разведывательного отдела штаба Южного фронта. В 1944 г. — советский военный представитель при войсках союзников в Италии, начальник советской военной миссии в Англии (ноябрь 1944 — май 1945), член советской делегации на конференции в Сан-Франциско (1945) по выработке Устава ООН. С сентября 1947 г. по февраль 1950-го — представитель СССР в Военно-штабном комитете ООН.

⁵ Мартель Г.-Л.-К. (1889—1958) — генерал-лейтенант, заместитель начальника управления механизации военного министерства (1938—1939), командир 50-й дивизии во Франции (1939—1940), командующий Королевским механизированным корпусом (1940—1942), глава военной миссии Англии в Москве (1942—1944).

⁶ Барроуз М. Б. (1894—1967) — генерал-лейтенант, военный атташе Англии в Италии, Албании и Венгрии (1938—1940), командир 9-й механизированной дивизии (1940—1942), 11-й механизированной дивизии (1942—1943), глава военной миссии Англии в Москве, командующий британскими войсками в Западной Африке (1945—1946).

⁷ Славин Николай Васильевич (1903—1958) — генерал-лейтенант (1945). В Красной армии с 1921 г., в военной разведке с 1936 г. Военный советник в Китае (1936—1938), помощник военного атташе по авиации при полпредстве СССР в Китае (1938—1940), помощник начальника, затем начальник Управления специальных заданий Генштаба КА (1941—1946), начальник Управления внешних сношений (1946—1953), заведующий 2-м Европейским отделом МИД СССР (1953—1955), посол СССР в Дании (1955—1958).

⁸ Кисленко Алексей Павлович (1901—1981) — генерал-майор (1943). В Красной

армии с 1919 г., в Разведывательном управлении — с 1936 г. Глава советской военной миссии при штабе командующего средиземноморскими экспедиционными союзными войсками, представитель в Союзном консультативном комитете по делам Италии (1944—1945). С 1950 г. — член Союзного совета для Японии от СССР. После войны продолжал службу в центральном аппарате Главного разведывательного управления.

⁹ Корнеев Николай Васильевич (1900—1976) — генерал-лейтенант (1943). В Красной армии с 1919 г., в военной разведке с 1926 г. Участник Великой Отечественной войны, глава советской военной миссии в Югославии (январь—декабрь 1944), старший преподаватель кафедры военного искусства Академии Генерального штаба (1946—1947).

¹⁰ Суслопаров Иван Алексеевич (1897—1974) — генерал-майор артиллерии (1940), в Красной армии с 1918 г., в военной разведке с 1939 г. Участник Великой Отечественной войны, в июле 1944 г. назначен на должность представителя СССР в Контрольной комиссии по делам Италии и Франции. Глава советской военной миссии во Франции при штабах союзных войск. После окончания войны на преподавательской работе.

¹¹ Деревянко Кузьма Николаевич (1904—1954) — генерал-лейтенант (1945). В Красной армии с 1922 г., в военной разведке с 1936 г. Участник Великой Отечественной войны, представитель советского командования в Австрии (май—июнь 1945 г.), представитель Главного командования советских войск на Дальнем Востоке при штабегенерала Д. Макартур (август 1945—январь 1946 г.). Член Союзного совета для Японии от СССР. 2 сентября 1945 г. подписал от имени Советского правительства Акт о капитуляции Японии. После войны — заместитель начальника Управления информации ГРУ ГШ ВС СССР.

¹² Макартур Дуэглс (1880—1964) — американский генерал армии. Участник Первой мировой войны. В 1930—1935 гг. — начальник штаба армии США. В годы Второй мировой войны командовал ВС США на Дальнем Востоке (1941—1942), союзными войсками в юго-западной части Тихого океана (1942—1951) и оккупационными войсками в Японии. В 1950—1951 гг. руководил операциями ВС США в войне в Корею. За неудачи смешён со всех командных постов.

¹³ Складаров Иван Андреевич (1901—1971) — генерал-майор танковых войск (1942). В Красной армии с 1927 г., в военной разведке с 1939 г. Военный атташе при посольстве СССР в Англии (1940—1946), представитель Генерального штаба ВС СССР в Военно-штабном комитете ООН (1950—1952).

¹⁴ Лота В. Без права на ошибку. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 33, 34.

¹⁵ Сизов Александр Федорович (1905—1962) — генерал-майор танковых войск (май 1949). Член советской военной миссии в Англии (июль—ноябрь 1941 г.), военный атташе СССР при правительствах Польши, Югославии и Чехословакии в Лондоне. Военный атташе СССР при советском посольстве в Чехословакии (1946—1949), в США (1950—1954). Начальник отдела внешних сношений МО СССР. С января 1955 г. — в отставке.

¹⁶ Моравец Франтишек (1895—1966) — бригадный генерал (1945). Активный участник советско-чехословацкого сотрудничества в области разведки против фашистской Германии (1935—1945). С

марта 1939 по 1945 г. работал в Лондоне, сотрудничал с полковником А. Сизовым. Передавал сведения о фашистской Германии. В ГРУ имел псевдоним Барон. В 1948 г. выехал из Чехословакии и поселился в США, сотрудничал с американской разведкой, работал в Пентагоне. Умер в Вашингтоне.

¹⁷ Лота В. Тайные операции Второй мировой войны. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 95.

¹⁸ Голиков Филипп Иванович (1900—1980) — в июле 1940 — ноябре 1941 г. заместитель начальника Генерального штаба — начальник РУ ГШ РККА, глава советской военной миссии в Англии и США, вёл переговоры о военных поставках в СССР.

¹⁹ Сараев Илья Михайлович (1901—1987) — генерал-майор артиллерии (1945). В Красной армии с 1918 г. Окончил артиллерийскую школу (1924), артиллерийский факультет Военно-технической академии (1932). Помощник военного атташе, военный атташе при посольстве СССР в США (1940—1947). Начальник отдела внешних сношений МО СССР, советник советской делегации на Сан-Францисской конференции по Японии (сентябрь 1951), представитель ВС СССР в Военно-штабном комитете ООН (1954—1957).

²⁰ Донован Уильям (1883—1959) — генерал-майор (1944). В годы Первой мировой войны принимал участие в боевых действиях в Европе. В годы Гражданской войны находился в России в качестве офицера связи армии США при штабе адмирала А. В. Колчака. В 1920 г. возвратился в США, занимался частной юридической практикой. В июне 1941 г. Ф. Рузвельт назначил Донована начальником Службы внешней разведки США. Создатель Управления стратегических служб США, предшественника ЦРУ.

²¹ Очерки истории российской внешней разведки. М.: Международные отношения, 1999. Т. 4. С. 400.

²² Там же. С. 401.

²³ Гувэр Джон Эдгар (1895—1972) — руководитель следственной службы министерства юстиции США, в мае 1924 г. был назначен исполняющим обязанности директора Бюро расследований, авдекабре — директором. С 1935 г. директор Федерального бюро расследований, главного органа американской контрразведывательной службы.

²⁴ Гарриман Уильям Аверел (1891—1986) — американский финансист, политический деятель и дипломат. В сентябре 1941 г. возглавил американскую делегацию на Московском совещании трёх держав. В 1943—1946 гг. — посол США в СССР. В составе американской делегации принимал участие в работе Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций. В марте 1946 г. был назначен послом США в Великобритании. В 1950—1951 гг. был специальным помощником президента США Г. Трумэна по международным вопросам.

²⁵ Dean John R. The Strange Alliance. The Story Of Our Efforts at Cooperation with Russia. London, 1947. P. 55.

²⁶ Очерки истории российской внешней разведки. М.: Международные отношения, 1999. Т. 4. С. 404, 405.

²⁷ Мягков М. Ю. Военные ведомства СССР и Англии в 1941—1945 годах: Союз и противоборство // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 67—81.

В. И. ЛОТА

ПАМЯТНИК У ДНЕПРА

Окрестности станции Красное, что находится почти на границе Смоленской и Витебской областей, в годы оккупации были ареной действий партизанских отрядов, наносивших ощутимые удары по коммуникациям немецко-фашистских войск. Ценные сведения партизанскому командованию доставляла жительница посёлка Красное Лидия Фёдоровна Бектина (Кругликова). Ныне на поселковом кладбище недалеко от Днепра ей установлен скромный памятник. На нём лишь имя и цифры: 1920—1942. Кто она, что сделала за свою недолгую жизнь? Авторы предлагаемой вниманию читателей статьи, близкие родственники Лиды Кругликовой, рассказывают о боевых делах юной партизанской разведчицы.

Памятник на могиле Л.Ф. Бектиной. Установлен дочерью Марией в начале 1970-х годов

ОТДЕЛЬНОЙ мото-стрелковой бригаде особого назначения¹ (ОМСБОН) НКВД СССР, отряды которой действовали в годы Великой Отечественной войны в тылу врага на Смоленщине и в сопредельной Белоруссии, посвящено немало воспоминаний. А вот о местных жителях, о взаимодействии с партизанами сведения весьма скупы. Причин тому несколько. Главная из них — сам характер разведывательно-диверсионной работы, который не позволял вести строгий письменный учёт всех участников специальных операций, так что и документов с именами партизан практически нет. Что же касается местных партизанских отрядов, то в 1941—1942 гг. в большинстве из них не велось более или менее систематически никакой документации. Кроме того, много документов было утрачено в ходе боевых действий, а часть осталась у самих партизан или в их семьях. Между тем подобные семейные архивы, подкреплённые устными рассказами участников или свидетелей событий тех дней, могут дать немало новых фактов о партизанском движении.

В семейном архиве Л.Л. Алексеевой, одного из

авторов этих строк и родственницы Лидии Бектиной, хранится письмо бывшего партизана Ивана Моисеевича Солдатенкова, адресованное её отцу Леониду Фёдоровичу Кругликову — родному брату Лидии Фёдоровны Бектиной (Кругликовой).

Приведём текст письма полностью.

«Здравствуй, Леонид Фёдорович!

С приветом к вам Иван Моисеевич.

Во-первых, сообщаю, что письмо ваше мною получено 21 числа, на которое даю ответ. Сестра ваша, Лидия Фёдоровна, как я знаю, находилась в партизанском отряде. Она работала связной от местного отряда, которым командовал Талерк, а комиссаром этого отряда был Мельников — он когда-то до войны был директором совхоза [имени] Ленина и председателем Рудненского райсовета, вы его должны знать. В 1942 году в начале октября он погиб. Но командир отряда Талерк не погиб, и он, если не умер, то должен находиться где-то в Белорусской ССР, работает как будто нач[альником] областного управления МГБ или МВД. После смерти Мельникова комиссаром этого отряда был Туманов,

до войны он работал секретарем райкома комсомола нашего [Руднянского] района. Ныне он находится также на партийной работе, пока не знаю в каком районе Смоленской области. И ещё: Мартыненко Михаил в этом отряде служил в особом отделе, он тоже в живых, и должен находиться также где-то в Белоруссии, также в службе МГБ или МВД. Отряд этот влился в наш полк в 1943 году. Наш полк назывался Смоленский спецполк особого назначения. Командовал нашим полком подполковник Садчиков, комиссаром полка был майор Юрьев. Они работают оба в Минске, где-то в министерстве БССР. Но они, я считаю, ничего о Лиде не знают, потому что Лидя погибла в 1942 году в июне месяце или в июле, точно не помню, отряд к нам присоединился в 1943 году в марте месяце. Из отряда, по-видимому, никто в нашем штабе не зарегистрирован. Да и в нашем полку были случаи, что при блокаде документы [далее неразборчиво], то есть все документы личного состава уничтожались. Когда я возвратился из госпиталя, меня тоже ни в каких списках не оказалось, но у меня было на руках удостове-

Семья Кругликовых

ние, а с Лидой вполне могло это получиться. Когда была жива и творила полезные чудеса, то она всем нужна была, а как в живых её не стало, так и никому нужна не стала, так у нас бывает.

Погибла она во время выполнения боевого задания, то есть она узнала в Красном от немцев о том, что они готовятся напасть на лагерь партизан, и когда она сообщила партизанам о том, что немцы будут нападать [неразборчиво], и возвращалась из отряда, в это время попала под немецкий артиллерийский обстрел на опушке леса, поля, [неразборчиво] Ольша [неразборчиво], где и погибла, выполнив важное боевое задание. Вот чем я лишь могу вам помочь. Если что непонятно, спрашивай, отвечу. Ещё вот что. Она [Лида] также была связной от отряда, которым командовал Кадушин, он после войны работал в Руднянском районе зам[естителем] председателя райисполкома, и он где-то должен быть на работе, в одном из районов Смоленской области, то есть [неразборчиво] Смоленской области. Как человек, он очень хороший. Вот вам нужно разыскать всех, кого я называю, и вы только так сможете восстановить все данные. Но я

не знаю, с какой она была фамилией [неразборчиво], восстанавливать вам нужно [неразборчиво], как пишется её дочь.

До свидания 23/6/59».

Зачем Леониду Фёдоровичу потребовались свидетельства И.М. Солдатенкова? Дело в том, что поиск сведений о погибшей сестре был для Леонида Фёдоровича помимо естественного родственного интереса также и практической заботой о её дочери Маше, которой в то время исполнилось 17 лет и которая при наличии соответствующих документов, подтверждающих, что она является сиротой погибших родителей — участников войны, могла рассчитывать на некоторые льготы.

Конечно, в 1959 году связаться с людьми, упомянутыми в письме, Леониду Фёдоровичу не удалось. А вот в наши дни поиск в Интернете² дал следующие результаты.

Никанор Иванович Талерко, в 1941—1943 гг. — командир партизанского отряда, действовавшего на оккупированной территории Витебской области;

Евдоким Николаевич Мельников, в 1942 году — комиссар того же партизанского отряда, погиб;

Андрей Ефремович Туманов, в 1943 году — комиссар партизанского отряда;

Иван Фёдорович Садчиков, в 1942—1943 гг. — командир Смоленского партизанского полка;

Андрей Фёдорович Юрьев, в 1942—1944 гг. — комиссар партизанского отряда;

Андрей Арсентьевич Кадушин, в 1943 году — командир партизанского батальона.

Это говорит о том, что сведения И.М. Солдатенкова об именах командиров партизанских отрядов, действовавших в районе между станцией Красное и городом Орша, абсолютно точны. Однако подробностей о деятельности Лиды Бектиной он сообщить не мог, так как о работе разведчиков и связных знал лишь узкий круг лиц.

Сегодня основными источниками сведений о жизни Лиды Бектиной являются её родственники, в том числе дочь Мария Ивановна Головач и двоюродная сестра Лидия Тимофеевна Карелина.

ЛИДИЯ Фёдоровна родилась на станции Красное в 1920 году и была младшей из пяти детей Фёдора Гавриловича и Натальи Даниловны Кругликовых. Семья проживала в стандартном доме № 15, который называли «казармой». Он был построен для железнодорожников и располагался на территории станции, совсем рядом с пассажирской платформой, и был отделён от неё лишь небольшим плодовым садом. Так что поезда проходили почти под окнами. Лида окончила техникум в Орше и несколько лет работала на железной дороге. Её два брата были командирами РККА, а две старшие сёстры — замужем за лейтенантами, так что нетрудно представить общий патриотический настрой в семье. Будучи в Минске у своей старшей сестры Марии, она познакомилась с Иваном Никитичем Бектиным, техни-

**Фёдор
Фёдорович
Озмитель**

ком-интендантом 2 ранга. А скоро состоялась и свадьба.

Молодые жили душа в душу, Лида строила планы поступления в ВУЗ, ходила на курсы немецкого языка. Весной счастливый Иван Никитич узнал, что будет отцом. Счастье закончилось 22 июня 1941 года. В конце июня Лида приехала к родителям в Красное.

Эвакуация железнодорожников не проводилась, покидать рабочие места даже при бомбёжке им запрещалось. Фёдор Гаврилович исполнял свой долг. Наталья Даниловна была уверена, что немцев в Красное не допустят. Она уговаривала Лиду остаться. И уговорила. Как дисциплинированная комсомолка, она встала на учёт в местную комсомольскую организацию, где и получила предложение вступить в партизанский отряд. В июле она последний раз увиделась со своим мужем: Иван Никитич смог на несколько часов заехать в Красное. В 1942 году он пропал без вести.

В августе в Красное пришли немцы. А уже в сентябре на территории оккупированных Смоленской и ряда соседних областей появились партизанские отряды. В Руднянском районе Смоленской области, в состав которого входила станция Красное, отрядом командовал бывший председатель райисполкома Е.Н. Мельников. Видимо, в составе этого отряда находился и секретарь Руднянского райкома комсомола А.Е. Туманов. В его обязанности входило привлечение к партизанской борьбе комсомольцев, имевших подготовку и условия жизни, позволяющие

выполнять боевые задания. Лида Бектина имела для этого очень хорошие данные: коренная жительница, оставшаяся при пожилых родителях, беременная, а затем вскармливающая грудного ребенка, образованная, физически крепкая, хорошо знающая железнодорожную технику, окружающую местность и имеющая полную поддержку своих патристически настроенных родителей. С большой долей вероятности можно предположить, что М.А. Кадушин был первым, кто получал от Лиды полезную информацию, хотя к осени 1941 года она была уже на 6—7 месяце беременности. Как бы там ни было, но её дочь Мария Ивановна Головач гордится, что её «крёстными» в январе 1942 года были партизаны.

В феврале 1942 года в Руднянский район для соединения с отрядом Е.Н. Мельникова прибыл отряд «Грозный», входивший в ОМСБОН НКВД, под командованием старшего лейтенанта НКВД Ф.Ф. Озмителя, погибшего в июне 1944 года в Борисовском районе Минской области; звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 5 ноября 1944 года. Отряд Ф.Ф. Озмителя расположился в районе села Озёры, на расстоянии 20 км от станции Красное. Вероятно, боевые действия партизанского отряда Е.Н. Мельникова, как и многих других, поспешно созданных в самом начале войны, были признаны недостаточно эффективными, и Ф.Ф. Озмитель произвёл реформирование, в результате которого командиром отряда, созданного Е.Н. Мельниковым, был назначен лейтенант Н.И. Талерко, а бывший командир

стал комиссаром. В оперативном отношении отряд стал подчиняться командиру отряда «Грозный».

Связь Ф.Ф. Озмителя с Большой землёй временно прервалась из-за того, что при переходе линии фронта в бою была повреждена рация и ранен радист. Выручал прибывший несколько позднее и расположившийся севернее Орши (в районе населённого пункта Бабиновичи) отряд «Особые», также из ОМСБОНа, под командованием старшего лейтенанта НКВД М.К. Бажанова. Отряд располагал высококлассным радистом и чётко работавшей рацией. Продолжительное время оба отряда действовали в тесном контакте, хотя их базы располагались на расстоянии 15 км друг от друга. Вероятно, связь между ними обеспечивалась с помощью связных — местных жителей. Такой связной была, но уже позже, и Л.Т. Карелина.

В начале апреля 1942 года отряду «Особые» после боя с карателями пришлось искать новое место базирования. Им стал сосновый бор в 8 км от станции Красное на магистральной Смоленск — Орша. В наши дни недалеко от этого места в деревне Блажино установлен монумент в честь героев ОМСБОНа.

Лида Бектина выполняла разведзадания на станции

**Наталья Даниловна
и Фёдор Гаврилович с внуками**
1940 г.

Красное теперь для отрядов «Особые» и «Грозный». Перебазирование «Особых» ближе к станции значительно облегчало её работу. Добытые сведения в отряды она доставляла либо через связных, либо через тайники — закладки в лесу.

Пользуясь своим легальным проживанием на станции, Лида получала информацию из различных источников. И.М. Солдатенков называет один из них: «Она узнала в Красном от немцев о том, что они готовятся напасть на лагеря партизан...»

Военному коменданту станции Красное подчинялся также отряд полевой полиции, охранявшей военные объекты, и опорный пункт. Не исключено, что Лида, неплохо знавшая немецкий, что-то услышала от солдат, пришедших к водоразборной колонке, стоявшей рядом с домом Кругликовых, и на этой основе смогла составить оперативное сообщение. Информация могла поступить и из других источников. Поблизости от посёлка Красное дислоцировался карательный отряд, в составе которого находились чехи. Один из них, проявлявший внимание к Лиде и делавший фотографии маленькой Маши (одна из них сохранилась), сообщил Лиде о готовящемся обстреле партизанских районов.

ДРУГИМ источником информации были железнодорожники, с которыми отца Лиды связывали крепкие и давние узы дружбы.

Отец стал основным помощником Лиды. Об этом со слов своей бабушки Натальи Даниловны рассказывает Мария Ивановна. Наталья Даниловна просила дочь не ходить в лес, да не тут-то было. «Нет, пошепчутся в уголке с отцом, — рассказывала Наталья Даниловна внучке, — запишет Лида что-то на бу-

Лида со своей двоюродной сестрой Зиной после окончания Оршанского железнодорожного техникума

Фото 10 сентября 1937 г.

мажке, спрячет записку под стелькой в обувь — и побежала в лес. А для отвода глаз схватит с собой корзинку побольше. На партизанском посту уже ждут её записку и заранее собирают для Лиды ягоды. Обрато она возвращается с полной корзинкой, так что если и попадётся полицейскому на глаза, есть оправдание».

Из продолжительной успешной разведработы Лиды, вплоть до её гибели, можно заключить: никто из полиции не заподозрил, что она способна пронести мимо всех постов и патрулей по тайным тропам к партизанскому посту сведения о времени движения и грузах очередных воинских эшелонов — целей отрядов «Особые» и «Грозного».

Конечно же, в небольшом станционном посёлке ненавистью к захватчикам отличалось не только семейство Кругликовых. Были и другие патриоты, и не только Лидины «источники», но также и те, кто считал своим долгом помалкивать про её отлучки в лес. Однако, как говорится, в семье не без урода. Таким оказался назначенный немцами

староста. Без справки, им заверенной, за пределы станции официально было не выбраться, поэтому в отношениях с ним требовалась особая осторожность. Ужесточение режима произошло летом 1942 года. Приехавшую тогда в Красное из Орши свою двоюродную сестру Лида, как это бывало раньше, у себя на станции не оставила, а повела в соседнюю деревню Зюзьки, в которой жила семья её дяди. Здесь появление нового человека было не так заметно для полиции, как в доме Кругликовых. Однако Лида ошиблась в своих расчётах. Едва девушки добрались до деревни, как их задержали полицейские. «Лида вела себя очень решительно, — вспоминает Л.Т. Карелина. — Она строго запретила мне говорить, что я прибыла из Орши. Через несколько часов нас отпустили, но об устройстве меня на жительство у родни уже не было и речи. Возможно, что условием освобождения было наше немедленное возвращение в Красное. Поэтому обратно мы просто бежали. В тот же день я была отправлена обратно в Оршу. Только после войны я узна-

ла, что Лида погибла всего через несколько недель после этой моей поездки. А на следующий год и я оказалась в партизанском отряде имени К. Заслонова, была связной, участвовала в боевых действиях до самого освобождения Белоруссии».

ОТРЯДЫ Ф. Ф. Озмителя и М. К. Бажанова имели значительное количество взрывчатки. Рельсовая война сразу активизировалась. «На боевом счету «Грозного» было 9 эшелонов с боевой силой и техникой врага, сотни убитых гитлеровцев и полицейских»³. Успешно действовал и отряд «Особые»: его бойцы подорвали 10 эшелонов, взорвали мост на шоссе Орша — Смоленск, 29 автомашин с вражескими солдатами и военными грузами⁴.

Против отрядов «Грозный» и «Особые» немцы использовали хорошо вооружённые специальные моторизованные и конные отряды, практиковали массовое минирование местности и артиллерийские обстрелы лесных массивов, в которых предполагали нахождение партизан. Однако поставленные цели им достичь не удалось. С начала весны 1942 года обстановка в «Смоленском треугольнике», в областях, примыкавших к Орше, Витебску и Смоленску, сложилась особенно напряжённой, и враг нёс ощутимые потери. Оккупантам пришлось увеличивать численность гарнизонов на железнодорожных станциях и в населённых пунктах, минировать выходы из леса. Крупные карательные отряды противника заняли населённые пункты Озёра, Ольша, Гичи, Кисели, мимо которых как раз и проходили партизанские тропы Лиды и её связных.

Режим стал ещё более строгим, в частности «было запрещено движение местных жителей по улицам с 6.00 до 16.00. В остальные часы всех появившихся на

улице без соответствующих документов немецкие патрули арестовывали, а то и расстреливали на месте»⁵. Всё это затрудняло доставку сведений партизанам. А потоки информации увеличивались. Так, летом 1942 года через станцию Красное в сторону Смоленска прошли два эшелона с людьми, одетыми в красноармейскую форму. Это не ускользнуло от зорких глаз Лиды и Фёдора Гавриловича. Их сведения перепроверила разведка «Грозного». Как выяснилось, это была особая команда «Зондерфербанд Граукопф» из 313 человек, имевшая задание пробраться в действовавшую в тылу врага оперативную группу генерал-лейтенанта П. А. Белова⁶, убить командира, склонить бойцов к переходу на сторону немцев или деморализовать. Коварный план врага удалось сорвать.

Наталья Даниловна предполагала, что дочь погибла в конце июля или в начале августа 1942 года. В это время оккупанты готовились к крупной операции против партизан в треугольнике Витебск — Орша — Смоленск, которой они дали название «Greif».

Для участия в операции были задействованы шесть армейских полков, артиллерийские, полицейские, сапёрные, жандармские подразделения и силы СД⁷.

Нет сомнения, что последние донесения Лиды Бектиной касались конкретных признаков подготовки карателями крупномасштабной акции против партизан. Об этом пишет и И. М. Солдатенков: «...погибла она во время выполнения боевого задания... она узнала в Красном от немцев о том, что они готовятся напасть на лагерь партизан».

В памяти Натальи Даниловны сохранилось твёрдое обещание Лиды перед уходом в лес, что она идёт в последний раз. Лида знала, что партизан ждут тяжёлые

Лидия Бектина
1940 г.

бои и связь с ними на длительное время будет прервана. Не следует исключать и её возможные планы по спасению от репрессий собственной семьи, для чего пришлось бы покинуть Красное, а следовательно, и заморозить связь с партизанами.

В свой последний поход Лида взяла большую для того времени ценность — золотые часы, подаренные мужем. Вероятно, других у неё не было, а время отсутствия по месту жительства приходилось строго контролировать. Однако на войне всё рассчитать невозможно. Лида не могла знать, что к 20 июля отряд «Особые» после тяжёлых боёв и ранения М. К. Бажанова перебазируется в другой район. Не найдя на условленном месте партизанский пост, Лида решила сама исполнить роль связного и доставить в отряд «Грозный», базировавшийся в районе дальней деревни Озёры, полученные сведения.

В письме И. М. Солдатенкова говорится, что своё важнейшее сообщение о грозящей блокаде она донесла до отряда. Об этом свидетельствует и тот факт, что отряд Н. И. Талерки, который

Лидия Тимофеевна Карелина

Мария Ивановна Головач

базировался на границе зоны блокады и должен был первым попасть под удар 14-го полицейского полка, успел между 20 июля и 10 августа занять более благоприятные позиции и уйти из-под удара. Избежали разгрома и соседние отряды партизан.

Дочь Лидии Фёдоровны Мария Ивановна со слов своей бабушки Натальи Даниловны так рассказывает о том времени: «Когда полицейские обнаружили, что моя мама пропала, они арестовали и удерживали дедушку как заложника. При этом объявили, что он будет расстрелян, если дочь не явится. Когда же стало известно, что под Ольшей от взрыва снаряда погибла молодая женщина, его выпустили с требованием, чтобы Фёдор Гаврилович нашёл дочь и доставил в Красное.

Узнать изуродованное взрывом тело дочери Фёдору Гавриловичу помогли наручные золотые часы. Отец доставил труп в Красное. Вместе с Натальей Даниловной они похоронили дочь на поселковом кладбище, а сами, забрав маленькую внучку, т.е. меня, и собрав самое необходимое, бежали в лес».

Конечно же, о похоронах Лиды Бектиной стало известно старосте. Всё говорило за то, что она была связана с партизанами. Староста довёл эти сведе-

ния до коменданта станции. Последовал приказ: дом Кругликовых сжечь, что и было незамедлительно исполнено.

Фёдору Гавриловичу с Натальей Даниловной и полугодовалой Машей удалось найти в лесу землянку. На их счастье уцелела и корова, которую они прятали в лесу от оккупантов. Каким-то невероятным чутьём она нашла своих хозяев. Благодаря её молоку, мёрзлой картошке с необранного поля и лесным травам бедствующей семье удалось прокормиться до осени 1943 года — до освобождения Руднянского района. Однако жить в Красном было нелегко. Власти устроили бездомную семью в деревне Тетери, что недалеко от посёлка Голынки. Хотя и трудно, но в краю, разрушенном захватчиками, начала налаживаться мирная жизнь. Сегодня из названных здесь лиц здравствуют Мария Ивановна и Лидия Тимофеевна. Они ежегодно бывают в Красном, ухаживают за могилой. Не раз бывали там и авторы этих строк.

Хотелось бы надеяться, что данная публикация станет ещё одним подтверждением простой истины: если каждый из участников поведает людям хотя бы маленькую историю периода Великой Отечественной войны, в ней останется меньше неизвестных страниц.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 5 июля 1941 г. была создана Особая группа при наркомате внутренних дел СССР, которую возглавил П.А. Сулоплатов. На неё были возложены следующие функции: разработка и проведение разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии и её сателлитов; организация подполья и партизанской войны; создание нелегальных агентурных сетей на оккупированной территории; руководство специальными радионизмерениями с немецкой разведкой с целью дезинформации противника.

Силы Особой группы состояли из двух полков, которые делились на батальоны, отряды, спецгруппы.

В октябре 1941 г. войска Особой группы были переформированы в ОМСБОН НКВД СССР в составе двух мотострелковых полков со специальными подразделениями (сапёрно-подрывная рота, авторота, рота связи, отряды спецназначения, школа младшего начсостава и специалистов).

Перед бригадой ставились задачи: оказание помощи Красной армии средствами разведывательных, диверсионных, военно-инженерных и боевых действий; содействие развитию массового партизанского движения; дезорганизация фашистского тыла, выведение из строя коммуникаций врага, линий связи и других объектов; осуществление стратегической, тактической и агентурной разведки; проведение контрразведывательных операций.

В ОМСБОН было более 25 тыс. солдат и командиров, из них 200 иностранцев. Его подразделения действовали на всех фронтах, в тылу врага вплоть до Берлина.

С июля по октябрь 1941 г. особая спецгруппа ОМСБОН создавала базы для действий отрядов бригады на территории Гомельской, Брянской, Орловской областей.

Забрасываемые в тыл врага группы обычно насчитывали 30—50 человек. Но после первых же операций их численность быстро увеличивалась за счёт местного населения и военнослужащих, выходивших из окружения, и они превращались в сильные партизанские отряды и соединения. Так, отряд «Неуловимые», возглавляемый М.С. Прудниковым, из опергруппы в 28 человек к лету 1944 г. вырос в мощное соединение, в состав которого входило более 3000 партизан.

² Мананенков А.Л., Горелик Е.П., Маркова А.Ф. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1942 — июль 1944): краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад, отрядов и их личном составе. Минск, Беларусь, 1983 г. Сайт Интернет: «Командный состав партизанских формирований, действовавших на территории Белоруссии в период Великой Отечественной войны».

³ Зевелев А.И., Курлат Ф.Л. Люди особого назначения. М.: ЭКСМО; Яуза, 2003. С. 126.

⁴ Там же. С. 142.

⁵ Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 75.

⁶ Оперативная группа генерал-лейтенанта П.А. Белова, в которую входил 1-й гвардейский кавалерийский корпус, оказалась в окружении в ходе Ржевско-Вяземской операции, проведённой 8 января — 20 апреля 1942 г. Сохранившиеся силы 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и 4-го воздушно-десантного корпуса смогли выйти из окружения лишь к концу июля 1942 г.

⁷ СД — политическая разведка фашистской партии Германии. Вместе с полицией безопасности ЗИПО участвовала в акциях по массовому уничтожению населения на захваченной советской территории.

**П.Ф. КРУГЛИКОВ;
Л.Л. АЛЕКСЕЕВА**

ИЮНЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

4 июня 1719 года, 290 лет назад, в ходе Северной войны 1700—1721 гг., произошёл морской бой у острова Эзель. Отряд русских кораблей под командованием капитана 2 ранга Н.А. Сенявина одержал победу над шведским отрядом под командованием капитан-командора А. Врангеля. Это была первая победа русского парусного флота в открытом море без абордажа.

5 июня 1869 года, 140 лет назад, на верфях Санкт-Петербурга был заложен броненосец «Крейсер», который с июня 1872 года носил имя «Пётр Великий». Он являлся первым в мире брестверно-башенным кораблём. «Пётр Великий» был наиболее крупным и мощным броненосцем русского флота и находился в строю рекордный срок — около 90 лет. Исключён из состава ВМФ лишь в 1959 году.

6 июня 1944 года, 65 лет назад, началась Нормандская десантная операция — открытие второго фронта войсками США и Великобритании. Полное господство союзников на море и в воздухе позволило провести операцию с минимальными людскими потерями.

10 июня 1944 года, 65 лет назад, началась Выборгская стратегическая наступательная операция войск Ленинградского фронта во взаимодействии с Балтийским флотом и Ладужской военной флотилией. В ходе её советские войска разгромили крупную группировку финских войск, продвинулись на 110—130 км, овладели Выборгом, прорвав три оборонительных полосы противника, а затем Карельским перешейком.

16 июня 1894 года, 115 лет назад, родился Ф.И. Толбухин, маршал Советского Союза (1944 год), Герой Советского Союза (1965 г. посмертно), главнокомандующий Южной группой войск (1945—1947 гг.), затем командующий войсками Закавказского военного округа. Умер в 1949 году.

17 июня 1799 года, 200 лет назад, началось встречное сражение на реке Треббия во время Итальянского похода между русско-австрийскими войсками под командованием фельдмаршала А.В. Суворова и французской армией генерала Ж. Макдональда. Сражение закончилось 19 июня полным разгромом французской армии.

18 июня 1904 года, 105 лет назад, введена в строй первая подводная лодка русского флота «Дельфин», строившаяся по проекту конструкторов И.Г. Бубнова, М.Н. Беклемишева, И.С. Горюнова. По ряду показателей лодка превосходила зарубежные аналоги. В ходе Русско-японской войны 1904—1905 гг. лодка выполняла боевые задачи в прибрежном районе.

20 июня 1774 года, 235 лет назад, во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. в бою при Козлуджи русские войска во главе с А.В. Суворовым и М.Ф. Каменским разгромили почти вдвое превосходивший их по численности турецкий корпус Абдул-Резака. В результате бегства турок русским войскам в качестве трофеев досталось 29 орудий и 107 знамён.

21 июня 1944 года, 65 лет назад, началась Свирско-Петрозаводская наступательная операция левого крыла Карельского фронта во взаимодействии с Ладужской и Онежской флотилиями. В результате наступления советские войска нанесли противнику тяжёлое поражение, была освобождена большая часть Карело-Финской ССР со столицей Петрозаводском, очищена от врага Кировская железная дорога и Беломоро-Балтийский канал.

22 июня — День памяти и скорби.

23 июня 1944 года, 65 лет назад, началась одна из наиболее крупных наступательных операций Великой Отечественной войны — операция «Багратион». В ходе её Красная армия разгромила одну из наиболее сильных группировок вермахта — группу армий «Центр». 17 дивизий и 3 бригады были уничтожены, 50 дивизий потеряли более половины личного состава. В результате операции были освобождены Белорусская ССР, часть Литовской и Латвийской ССР. Советские войска вступили на территорию Польши и продвинулись к границам Восточной Пруссии.

25 июня 1609 года, 400 лет назад, русская рать нанесла поражение войскам «тушинского вора» — Лжедмитрия II на реке Ходынке под Москвой.

30 июня 1954 года, 55 лет назад, создано командование радиотехнических войск (РТВ) ПВО. Приказом главнокомандующего войсками ПВО 30 июня объявлено годовым праздником РТВ как рода войск противовоздушной обороны. Войска были созданы на базе войск противовоздушного наблюдения, оповещения и связи после поступления на вооружение и широкого внедрения в войска радиолокационных станций обнаружения воздушных целей.

Публикация Д.С. СМЕРНОВА

• ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ •

СМЕРТЬ ПАВЛА I

Заключение

Произведённое событием впечатление

А.Г. БРИКНЕР

С БЫСТРОТОЮ молнии разнеслась по столице весть о происшедшем перевороте. Повсюду можно было слышать выражения громкой, торжествующей радости. При встречах обменивались приветствиями, как после долгой разлуки, обнимались и поздравляли друг друга. Могло казаться, что каждый в отдельности избежал грозившей ему лично опасности. Люди, не имевшие понятия друг о друге, делились своими чувствами, как самые близкие друзья.

Александр обещал в своём манифесте управлять государством в духе своей бабушки Екатерины II. Это был протест против злоупотреблений царствования Павла. Общество с своей стороны очень скоро обратилось к традициям великой императрицы и старалось забыть полицейский режим эпохи Павла. Словно сговорившись между собой, все жители столицы появились утром 12[24] марта на улицах в костюмах, причёсках и выездах, которые были строже запрещены при Павле. Снова можно было увидеть причёски «a la Titus»; косички исчезли; длинные брюки, круглые шляпы, сапоги с отворотами безнаказанно появлялись на улицах. Опять встречались выезды цугом. На улицах столицы было много жизни и движения в противоположность той гробовой тишине, которая царила до этого.

Повсюду во всей стране известие о смерти Павла было воспринято как мановение волшебного жезла. Все с восторгом почувствовали, что правовые устои, личное достоинство и материальное благосостояние были снова обеспечены. Наступила новая жизнь. Непосредственно после катастрофы широкие круги общества могли тем более радоваться перемене правительства, что среди них ещё не было известно, какое ужасное насилие, какое преступление, можно сказать, коллективное преступление положило конец жизни деспота. Только спустя некоторое время распространились слухи о страшной трагедии, которая разыгралась в стенах императорского дворца. Как бы многие ни возмущались этим актом насилия, но результаты устранения Павла были встречены всеми с глубоким чувством удовлетворения. Налицо был совершившийся факт и его принимали как благодеяние, которое принесло пользу всей стране. Желания Екатерины сбылось: вместо Павла царствовал Александр.

Послушаем теперь, как некоторые современники высказывались об этом перевороте.

Один из высших сановников Татищев писал из Петербурга вскоре после убийства Павла своему дяде графу С.Р. Воронцову в Лондон: «Я разделяю ваше удивление и вашу радость по поводу полученных депеш. Наше отечество, освобождённое наконец от невыносимого гнёта, под которым оно стояло целых четыре года, было неожиданно спасено и имеет теперь доброго, кроткого государя... Нам всем кажется, что мы возродились к новой жизни. Представления о тюрьмах, застеночных пытках, проскрипциях исчезли как страшный призрак, отлетели как тяжёлый сон. Вместо этого у нас воскресли надежды на общее благосостояние, на обеспеченное существование отдельных лиц, на счастье, о котором мы едва смели мечтать в эту ужасную эпоху, которая повергла в траур всю нашу страну и подорвала все её жизненные источники. Будем надеяться, что благодеяния нового царствования в короткое время вознаградят нас за многочисленные удары судьбы, которые поразили нас в последние годы».

В таком же духе выражает свою радость и доктор Роджерсон в своём письме к Воронцову: «Теперь мы опять можем возобновить нашу дружескую переписку, мы не должны уже больше дрожать перед опасностью шпионажа и доносов. Событие 12 марта (если не принимать во внимание обстоятельства, которые оставляют тягостное впечатление, хотя они, может быть, и были неизбежны) совершило полный переворот в настроениях людей и общем облике всей обстановки. Снова наступила свобода и восстановлено взаимное доверие между людьми»¹. В том же смысле пишет Николай: «Великое и счастливое событие 12 марта представляет слишком обильный материал для размышлений, чтобы можно было взяться писать о нём подробно. Ваше служебное положение и ваше состояние, которым грозила такая страшная опасность, снова так внезапно восстановлены. Я в восторге не только за вас, но и за всеобщее благосостояние».

Близкий друг Воронцова Завадовский получил известие о перемене правительства в месте своей ссылки, в своём имении. В

СМЕРТЬ ПАВЛА

ПЕРВАГО

Профессора ШИМАНА и профессора БРИКНЕРА.

Перевод с французского со многими портретами и рисунками.

Издание Московского И-ского Т-ва
„ОБРАЗОВАНИЕ“.

Титульный лист книги

¹ Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2008. № 6, 7, 9—11; 2009. № 1—4.

• ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ •

числе многих сановников он немедленно был приглашен ко двору Александра и оттуда писал Воронцову: «Я не надеялся дожить до того момента, когда Россия будет избавлена от тех ужасных невзгод, от которых страдали все классы общества. Я не рассчитывал дождаться конца тех преследований, которые и меня постигли. Мы должны быть благодарны судьбе, которая избавила нас, наконец, от бедствий прошлого царствования. Залечиваются старые раны. Кнут и топор не возродятся вновь. Кроткий и милостивый ангел царит над нами. Мы на опыте узнали, какие ужасы существовали во времена Иоанна Грозного. Ты можешь себе представить нашу общую радость. Снова дух воспрял. Никто не боится ни думать, ни говорить о том, что только может пользу принести. Появилось сознание своего достоинства. Никто не ожидает, что его каждую минуту могут заключить в тюрьму, и т.д.»

«Голос народа, — писал адмирал Чичагов, — едва в состоянии выразить ту радость, которую мы все испытываем. Из глубины печали, в которую нас свергли, мы вознеслись на вершину счастья. Мы снова возвращаемся к правовым порядкам, к которым мы привыкли в царствование Екатерины. Её “дух законов” снова будет господствовать среди нас»².

О той радости, которая охватила жителей Москвы при известии о восшествии на престол Александра, князь Вяземский писал: «Тут царит неопишущий восторг, но это ещё ничто в сравнении с тем, что рассказывают о Петербурге»³. То же самое пишет племянник Воронцова граф Бутурлин по получении известия о смерти Павла. «Возблагодарим провидение за его решение», — пишет он в своём первом письме, и через несколько дней: «Радость по поводу нового царствования стала всеобщей; в соборе, где я приносил присягу, все были в восхищении; все поздравляли друг друга и обнимались, наступило какое-то необычайное ликование»⁴. Из Киева писал граф Морков в таких же восторженных выражениях, припоминая при этом царствование Екатерины: «Это великое событие зажжёт и в наши дни солнце счастья, которое светило нам раньше в течение тридцати пяти лет»⁵.

Также и за пределами России впечатление от известия о происшедшей великой перемене было чрезвычайно велико. Алексей Орлов, который жил как изгнанник в Дрездене, писал оттуда Воронцову: «После всех жестоких бурь и непогод, которые погубили так много народа, я желаю вам здоровья и всякого счастья. Божьей милостью засияла над нами яркая звезда и возвестила нам весну; многие несчастные, изувеченные и еле дышащие снова ожили и возносят свои молитвы Господу за счастливое воцарение нового монарха. Мы все, русские, можем сказать: не одни только бедствия судил нам Господь; ещё раньше Святой недели наступило для России и всех нас воскресение, и я желаю вам счастья по этому случаю. Аминь». И далее: «Восхвалим Господа, что нас ещё не окончательно съели. Аллилуйя, аллилуйя и ещё раз аллилуйя! У меня словно тяжесть с души упала. Я всегда боялся, что покойный император выдаст мою дочь замуж против её воли. Теперь я освободился от угнетавшей меня заботы. И во всей России дышит свободней. Замечательно, что даже местные жители, все, от низших до высших слоёв, были чрезвычайно обрадованы этим известием».

Граф Кочубей также жил в Дрездене. Тотчас по получении известия о смерти Павла он отправился в Петербург. Перед своим отъездом он писал Воронцову: «Теперь

все честные люди должны собраться и сплотиться вокруг императора Александра и делать всё, чтобы залечить те многочисленные раны, которые нанёс Павел нашему отечеству»⁶.

Очень большое впечатление произвело известие также и в Лондоне, откуда священник русского посольства Смирнов писал графу Воронцову в Соутгэмптон: «Ваша душа может отдохнуть от всех тревог. Павел I ушёл на вечный покой. Только что прибыл курьер из Петербурга... теперь вы восстановите свои права; теперь нам нечего бояться своей собственной тени... Добрый князь Кастельчикала плакал от радости» и т.д.⁷ Итальянский посол Кастельчикала, состоявший в дружбе с Воронцовым, писал последнему: «Мой друг! Какая ошеломляющая новость! Какое утешение для меня и для моей семьи видеть, как благоприятно изменились обстоятельства для вас, как вы снова займёте свой пост... Существует Провидение, которое управляет всем... Это поведёт к большим переменам в международных отношениях» и т.д.⁸

Таковыми же чувствами дышит письмо бывшего английского посла в Петербург Уайтворта, незадолго перед тем изгнанного Павлом из России, к тому же Воронцову: «Как мне выразить вам свои чувства по поводу этого события, которое указано Провидением. Чем больше я о нём думаю, тем больше я благодарю небеса» и т.д.⁹

Но в чашу радости была прибавлена горькая капля полыни. Хотя граф С.Р. Воронцов и считал свержение Павла спасением от величайшей опасности, как он писал, между прочим, своему брату, хотя он, как мы помним, сам желал этого устранения Павла, но обстоятельства, при которых насильственный акт был совершён, внушали ему крайнее отвращение. В письме, написанном лимонным соком, он высказывает своему брату удивление по поводу того, что духовный отец этого преступления Пален не удаляется от двора, и выражает опасение, что этот пример будет иметь дурные последствия и может привести Россию к гибели.

По дороге в Петербург граф Кочубей узнал подробности переворота и писал Воронцову из Кёнигсберга 21 апреля 1801 года: «Конечно, каждый, в том числе и я, должен был ждать перемены, но такой насильственный акт с теми ужасами, о которых мне рассказали, столь же отвратителен, сколь и опасен для будущего. По правде говоря, я охотно вернулся бы, но я должен продолжать свой путь, хотя и думаю, что придётся снова удалиться, если обстоятельства плохо сложились; я хочу сказать, если важную роль играет князь Платон Зубов со своими родственниками и друзьями, а сам император никакой власти не имеет. Меня успокаивает мысль, что его против воли принудили взять в свои руки бразды правления. Он сам был в отчаянии, мать в неутешной горе — и в таком хаосе я должен себя хорошо чувствовать!»¹⁰.

Приблизительно к этому времени вернулся также в Петербург сосланный Павлом в Курляндию барон Гейкинг. О своих впечатлениях в связи с событием он писал: «Я приходил в ужас, когда видел молодого императора в обществе Палена, Зубовых и других, которых все громко называли главными действующими лицами последней трагедии. Эти господа не только не скрывались, но даже открыто об этом говорили со своими друзьями и знакомыми, и из сравнения рассказов многих различных лиц мне легко было отличить, что всеми признавалось как достоверный факт и что являлось вымыслом или фантазией отдельных участников».

● ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ ●

О каком-нибудь пре- следовании виновни- ков ничего не слышно было. На основании не известных нам источ- ников Бернгарди за- мечает, что второсте- пенные заговорщики, исполнители, которых пьяными послали в спальню Павла, были высланы из Петербур- га. Но это известие ничем не подтвержда- ется.

Иногда в разговорах между участниками ка- тастрофы и их против- никами доходило до резких колкостей. Ува- ров вспомнил однаж- ды в беседе с адмира- лом Чичаговым об од- ном обстоятельстве из

сцены убийства. Адмирал на это заметил: «Если вы ныне царствующему императору так же верны, как и его предшественнику, то вы заслуживаете вся- ческих наград». Великий князь Константин назвал в шутку Беннигсена «капитаном сорока пяти», на- мекая на убийство герцога Гиза Блуасского очень многочисленной гвардией короля Генриха III. Когда князь Платон Зубов узнал, что его положение при дворе поколебалось, он пришёл к великому князю Константину и старался оправдать своё участие в катастрофе Павла. Но великий князь повернул- ся к нему спиной. Когда генерал Уваров должен был вскоре после катастрофы Павла отправиться в Финляндию, чтобы присутствовать на манёврах шведских войск под начальством короля Густава IV, шведское правительство отказалось принять его, и только потому, что генерал был скомпрометирован в насильственной смерти Павла.

Между тем главные инициаторы заговора игра- ли главную роль в начале нового царствования. На следующее же утро после катастрофы Пален, как всегда, явился на параде. Он, Платон Зубов и дру- гие производили при этом впечатление, как будто они гордились своим преступлением. Рассказы- вая об этом, Саблуков прибавляет, что он и другие офицеры кавалерийских полков избегали обще- ства бывших заговорщиков. Они проявляли столь- ко неуважения в своих отношениях к последним, что дело доходило часто до ссор и даже до дуэлей. Когда Александр и Константин явились 13 марта на парад в плохом настроении духа, то у некоторых за- говорщиков был крайне убитый вид. Только в пове- дении Палена и Платона Зубова нельзя было заме- тить никаких перемен.

Чтобы положить конец этим недоразумениям, граф Пален решил дать большой обед, на котором представители различных взглядов могли бы сбли- зиться между собой. Саблуков сначала и слушать не хотел о том, чтобы «сидеть за одним столом с убийцами». Его друзья последовали его примеру и также решили не являться на это празднество.

Но граф Пален пригласил к себе Саблукова для переговоров и спросил об основаниях его отказа. Саблуков ответил, что он «ни- чего общего не хочет иметь с этими госпо- дами». Пален горячо возразил на это: «Вы несправедливо поступаете, Саблуков; дело сделано; как патриоты мы должны оставить

Александр I в дороге

всякие партийные тре- ния и думать только об интересах страны, ко- торой мы все служим». После настоятельных просьб Палена Саб- луков, а за ним и дру- гие полковники реши- ли прийти на раут, но обедели за отдельным столом. Несмотря на то что шампанское лилось рекой, в отношениях между гостями можно было заметить извест- ную натянутость.

Из числа фактичес- ких убийц Павла всегда выделяли графа Пале- на, который в действи- тельности был факти- ческим организатором катастрофы. Такое от- личие в интересах пос-

леднего сказало также в поведении графа Пани- на, который самым решительным образом осуждал кровавую расправу и, несмотря на это, поддержи- вал самые дружеские отношения с Паленом в тече- ние первых месяцев царствования Александра. В первые дни после воцарения Александра до приез- да Панина в Петербург внешней политикой продол- жал заведовать Пален. Затем это ведомство пере- шло под управление Панина. Между обоими госу- дарственными деятелями было много точек сопри- косновения. Большое число писем показывает, что между ними существовали интимные отношения.

Больше всех была полна чувства мести по от- ношению к убийцам вдовствующая императрица. Она негодовала на всех, которые не в полной мере разделяли её собственное возмущение преступ- лением. Получив однажды, вскоре после катастро- фы, письмо от графа Якова Иоанна Сиверса с чисто деловым предложением, она пришла в крайнее негодование, не найдя в нём «ни одного слова со- жаления о монархе», и прервала переписку с гра- фом, с которым была в большой дружбе. В это же приблизительно время она однажды встретила при дворе своего сына своих друзей генералов Кнор- ринга и Бенкендорфа; она подошла к ним и тихо по-немецки прошептала: «Ах, если бы вы оба были здесь, этого несчастья не случилось бы!» Смущён- ный Бенкендорф молчал, но Кнорринг открыто заявил: «Кто знает, ваше величество, ведь покойно- го государя не любили». Императрица немедленно же удалилась, не сказав ни одного слова. Когда она весной 1801 года отправилась на некоторое время в Павловск, и император предложил ей почётную охрану, она и слышать не хотела об охране, состав- ленной из одного из тех полков, офицеры и солдаты которых прямо или косвенно причастны были к ка- тастрофе, и выбрала гусарский эскадрон, началь- ником которого состоял полковник Саблуков. Неко- торые вещи, которые напоминали о печальном со- бытии, как постель Павла и подушка, запятнанная кровью, составляли своего рода культ в глазах императрицы. Она заказала также велико- лепный памятник, который она поставила своему покойному супругу в часовне, в Павловске.

Падение Палена летом 1801 года было делом императрицы-матери. Она достаточ- но хорошо знала, при каких обстоятельствах

• ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ •

умер Павел, и ей было горько сознавать, что граф занимает такое выдающееся положение и находится в непосредственной близости к Александру. К тому же Пален, по-видимому, проявлял иногда бестактность по отношению к молодому императору. Дело дошло до того, что этот человек с богатыми дарованиями и сильной волей оказался неудобным для монарха. И раз между Паленом и императрицей началась борьба, то она должна была кончиться удалением графа.

Вскоре после смерти Павла сектанты поднесли вдовствующей императрице икону, которую она отдала церкви воспитательного дома. На этой иконе была надпись, которая, по-видимому, воспроизводила место из второй книги царств, 31-й стих IX главы: «Хорошо ли жить Симри, который удавил своего господина?» Это была демонстрация против убийц Павла и рассчитано на то, чтобы вызвать шум в обществе. На этой почве должны были произойти разногласия между Паленом и Александром.

Очень обстоятельный рассказ об этом эпизоде мы находим в мемуарах Гейкинга, который в это время как раз приехал в Петербург и имел случай беседовать об этих напряжённых настроениях в высших сферах с Нелидовой, Паленом и другими лицами. «Мало того, — говорила Нелидова Гейкингу, — что Пален был инициатором заговора против своего монарха и благодетеля, он ещё хочет поссорить сына с матерью, чтобы потом править государством в качестве премьер-министра. Но я сомневаюсь, чтобы второй план ему удался так же, как и первый. Император любит свою мать, а она души в нём не чаёт; такой союз разрушить не удастся и Палену при всей его ловкости».

Сам Пален в свою очередь раз сказал в очень высокопарных выражениях об императрице-матери: «Право, она совершенно напрасно воображает, — говорил он, — что она нами управляет. В сущности, мы оба являемся подданными императора, и если она первого класса, то я второго. Я с неослабной энергией буду противодействовать всякому шагу с её стороны, который может дать повод к скандалу или волнениям. Вы знаете историю с иконой?» — «Нет». — «Дело, видите ли, было так: императрица поставила в часовне Новоекатерининского приюта икону, изображающую распятого Спасителя с Богоматерью и Магдалиной и снабжённую надписями, которые намекают на смерть императора и могут возбудить в толпе вражду к тем, которые, по слухам, будто бы были виновниками этой смерти. Эти надписи привлекли уже очень много народа в часовню, как докладывала мне об этом полиция. Чтобы не вышло какой-нибудь неосмотрительности, я отправил перо детого полицейского, умного и интеллигентного человека, с поручением списать волнующие публику изречения и велел сказать священнику, чтобы он без всякого шума убрал икону. Он ответил, что ничего не может сделать без прямого приказа императрицы. Поэтому мне сегодня придётся говорить на эту тему с императором, который завтра поедет с визитом к своей матери в Гатчину. Я узнал, что она настаивает на оставлении иконы в часовне. Но это невозможно».

Когда Гейкинг ушёл от Палена, Вельгорский сказал ему: «Пален воображает, что его положение непоколебимо и что он может бороться с императрицей. Но ему нужно быть остороже. Императрица — женщина, у неё много упрямства; её сын любит и уважает её; борьба слишком неравная». Когда Пален изложил суть дела Александру, тот заметил: «Не забывайте, что вы говорите о моей матери; впрочем, я не допускаю и мысли, чтобы

надписи были таковы, как вы говорите; я хочу видеть икону». Пален немедленно же приказал взять из часовни икону и принёс её императору. Александр внимательно прочитал надписи, ничего не сказал и отправился в Гатчину, где потребовал объяснений от своей матери. При всём его старании смягчить вопрос императрица вынуждена была оправдываться и объяснять свои намерения, и это привело её в удручённое настроение духа. Своё оправдание она закончила заявлением: «До тех пор, пока Пален будет в Петербурге, я туда не вернусь»¹¹.

Саблуков также упоминает, что по этому поводу произошло тяжёлое объяснение между вдовствующей императрицей и её сыном, и что Александр также высказался против Палена в крайне серьёзном и решительном тоне. Саблуков далее сообщает, будто граф явился на парад в крайне мрачном настроении и произнёс очень бестактную и хвастливую речь. «Меня самого не было при этом, — пишет Саблуков, — но я после слышал, что Пален говорил в крайне неумеренных выражениях о своей власти и способности возводить на престол монархов и низвергать их. Я не могу поверить, чтобы Пален был настолько неумён и говорил подобные вещи, но слухи об этом в тот же вечер разнеслись по городу. Говорили о соглашении между Паленом и Зубовым и о плане возвести на престол императрицу. Но как бы это там ни было, достоверно то, что на следующее утро Пален по своему обыкновению приехал на парад в элегантном экипаже, запряжённом шестёркой лошадей, и, как только вышел из экипажа, должен был выслушать от адъютанта императора приказ немедленно оставить столицу и отправиться в своё имение, в Курляндию. Пален не сказал ни одного слова и повиновался. Вместе с тем появился приказ, извещавший об отставке генерала от кавалерии графа Палена. В тот же вечер получил также и князь Платон Зубов распоряжение удалиться в своё имение, что он также сделал без малейших возражений»¹². Такие решительные распоряжения наследника Павла могли обществом напомнить о столь часто повторявшихся случаях высылки из столицы в предыдущее царствование.

В этой истории с графом Паленом играл некоторую роль и граф Панин. «В свою бытность министром при императоре Александре, — писал он позже, — я стал на сторону вдовствующей императрицы, когда граф Пален старался очернить её в глазах императора по поводу недоразумения с иконой. Я, и только я один рассеял возникшее между ними тогда недоверие»¹³. Некоторые подробности этой истории остались неизвестными. Скоро, однако, и Панина постигла такая же точно участь, как и Палена.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив кн. Воронцова. XXX. С. 132.

² Там же. XXII. С. 107.

³ Там же. XIV. С. 388, 389.

⁴ Там же. XXXII. С. 296.

⁵ Там же. XIV. С. 270.

⁶ Там же. XVIII. С. 236.

⁷ Там же. XX. С. 466—468.

⁸ Там же. XIX. С. 394.

⁹ Там же. XXIX. С. 394.

¹⁰ Там же. XIV. С. 149.

¹¹ Из эпохи императора Павла. С. 232—238.

¹² «Frazer's Magazine». 1865. Сентябрь. С. 326.

¹³ Материал о Панине. VI. С. 403.

Публикация А.В. ОСТРОВСКОГО

• ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ •

НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

Воспоминания о Первой мировой

В.М. ДОГАДИН

В 2004—2008 гг. в «Военно-историческом журнале» были опубликованы воспоминания полковника в отставке Владимира Максимовича Догадина о его жизни и учёбе в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и Николаевском инженерном училище, службе в 4-м понтонном батальоне в 1906—1908 гг.* Сегодня мы предлагаем нашим читателям продолжение воспоминаний этого автора — о пребывании его в действующей армии и в тылу во время Первой мировой войны 1914—1918 гг.

ШЁЛ ПЯТЫЙ месяц великой войны... Её манёвренный период был в полном разгаре. После стремительного наступления наших армий в Галиции, в ходе которого был захвачен Львов, наглухо окружена крепость Перемышль и уже принимались меры к осаде Кракова, фронт внезапно задержался на месте, а потом начал отходить назад под сильным напором противника. В связи с этим возникла мысль о необходимости создания обороны в тылу фронта.

В это время у нас в Брест-Литовске крепость была уже подготовлена к осаде, а возведение оборонительных линий на уровне фортов было закончено.

Дом при форте лит. А, в котором жили инженеры во время мобилизационных работ, был освобождён для артиллеристов, и я переехал на свою постоянную квартиру в центральной ораде крепости.

В связи с наступившим затишьем уже более месяца у меня гостила моя жена, эвакуированная в своё время к родителям в Киев.

И в этот момент, 6 декабря 1914 года, по телеграмме главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Иванова¹ я получил предписание вместе с другими товарищами выехать в г. Радом в распоряжение коменданта Ивангородской крепости генерала Шварца. Немедленно проводив жену в Киев, я со своим денщиком Иваном Колесниченко вместе с капитаном Кротковым 9 декабря выехал из Брест-Литовска.

Ночью на станции Луков нам надо было сделать пересадку. Регулярных поездов не было, и мы решили устроиться на воинском поезде, перевозившем эскадрон конно-гвардейского полка Кирасирской дивизии. Начальник эшелона, которого пришлось потревожить во время сна, любезно согласился нас принять, мы с комфортом расположились в купе на верхней полке офицерского мягкого вагона и крепко заснули.

Утром я был разбужен разговорами офицеров и чёткими ответами их лакейски вышколенных денщиков. Непрерывно слышались возгласы «Ваше сиятельство!». Вагон был полон офицерами с титулованными фамилиями, так как этот полк относился к одному из самых аристократических.

За Вислой пришлось увидеть из окна вагона первые следы войны в виде одиночных окопов немцев,

наступавших перед этим на крепость Ивангород. Они напоминали собою следы, оставленные на земле каким-то огромным чудовищем. Так необычно было видеть среди мирной природы леса выкопанные в песке ямки окопов, что я смотрел на них, широко раскрыв глаза.

В Радоме, в губернаторском доме, собрались все военные инженеры, назначенные под руководством генерала Шварца для строительства позиции Радом — Гройцы. Мне было поручено укреплять участок её Родзанов — Пржитых под непосредственным начальством подполковника Архипенко, который был уже моим начальником в Брест-Литовске во время мобилизационных работ.

На другой день после прибытия в Радом мы с П.П. Архипенко на машине выехали в Пржитых, чтобы осмотреть местность, выбранную для позиции. Мой участок начинался у м. Пржитых, где находилось католическое кладбище с высокими четырёхконечными крестами, которые так рельефно вырисовывались на светлом фоне бирюзового с розовым заката. Этот вид в последующем запечатлел на акварели находившийся в моём распоряжении командир ополченской сапёрной полуроты прапорщик Богомазов, оказавшийся художником.

Мой участок позиций, имевший протяжённость около 10 километров, представлял собой плоскую, как стол, и открытую местность. Кругом не было не только леса, но даже зарослей кустарника, и лишь далеко впереди виднелась небольшая сосновая роща. Взяв мою записную книжку, Архипенко набросал в ней схему укрепления, которое он предлагал мне для возведения на позиции. Это укрепление по мысли Петра Петровича представляло собою трапециевидный по форме редут, т.е. сомкнутое укрепление, имеющее не только три напольных фаса² для обороны спереди, но и горжевой фас, назначенный для обороны с тыла на случай окружения гарнизона противником. На четырёх исходящих углах укрепления Архипенко предлагал сделать по четыре площадки для пулемётов с целью обстрела ближних подступов к редуту перекрёстным огнём.

Редут нужно было окружить сетью из колючей проволоки на деревянных кольях, расположенной в специально отрытом рву шириною в 6 метров.

По указанной схеме мною и было в дальнейшем построено укрепление, а примерно в одном километре правее был сооружён второй такой редут и так далее до конца моего участка. В промежутках между редутами были возведены стрелковые окопы. Каков был результат такого метода укрепления позиции, увидим дальше. К ночи мы с Архипенко возвратились в Радом. [...]

Следует отметить, что в начале войны у многих её участников было превратное понятие относительно выбора жилья. Думали, что на войне всегда приходится жить под открытым небом. И потому приходилось слышать, что даже штабы дивизий во главе с генералами останавливались на ночлег буквально на дороге, там, где их в пути застигла ночь. Такое же понятие о походной жизни тогда было и у меня.

Посредине моего участка совсем не было населённых пунктов. Но там имелся фольварк с недостроенным каменным домом, в котором я с разре-

* См.: Воен.-истор. журнал. 2004. № 9—11; 2005. № 1, 10, 11; 2007. № 7, 10; 2008. № 2, 3.

• ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ •

шения хозяина-помещика и поселился. В моей комнате в окне не было даже стёкол, и оно было закрыто одной ставней со щелями, а печь выходила только одной стороной из соседней комнаты. Все остальные помещения здания совсем не имели ни окон, ни дверей. Отсюда вполне понятно, что температура в моей комнате была низкой, если даже печь накалялась до предела. Ведь на дворе стоял морозный декабрь. Тут я прожил не более двух недель, как в канун Рождества (24 декабря), сильно простудившись, слёг в постель.

Денщик доставил мне одного молодого военного врача, находившегося в одной из соседних деревень. Этот врач оказался киевлянином, и в эту ночь под Рождество мне, одиноко лежавшему в сильном жару, доставило особенную радость и облегчение вспоминать с ним о дорогом нам обоим Киеве. Он уговорил меня переменить место жительства на более пригодное. Посланный мною к хозяину имения «Замечек» графу Любенецкому денщик привёз его согласие на поселение в господском доме. Хотя новое моё жильё находилось в одном километре от моих работ, но к этому времени в моём распоряжении была уже бричка, на которой я мог объезжать строящуюся позицию без особых затруднений. Граф Любенецкий был ко мне чрезвычайно любезен и принял на себя полное продовольствие меня и моего денщика. Следует отметить, что польские помещики того края были к нам, русским офицерам, очень предусмотрительны. Бывало, стоишь где-либо в поле у места своих работ, а проезжающий мимо незнакомый помещик вдруг кричит: «Приезжайте ко мне обедать; я живу там-то».

Хозяин фольварка, в котором я перед этим жил, в своём имении «Вржещев» содержал бесплатно не менее десяти офицеров с их денщиками и лошадьми, и я, бывало, наблюдал, как он сам ездил в город за пудами мяса для своих гостей. Вся эта большая компания вместе с ним и его сыновьями ежедневно по вечерам играла в карты, на бильярде или занималась музыкой и пением, просиживая до трёх часов ночи. Я сам с Архипенко бывал раза два на этих вечерах и принимал участие в шумном весёлом обществе, в котором мы видели иногда и интересных сестёр милосердия. Сам помещик говаривал: «Если моё имение окажется под угрозой захвата немцами, то я всё сожгу, а им ничего не оставлю». И действительно, как я слышал впоследствии, перед приходом немцев он открыл все свои склады для окрестных жителей, а постройки уничтожил огнём.

Поддержка поляками русской армии наблюдалась и в других случаях. Например, два наших врача в Брест-Литовске — Иокель и Ригер — в момент призыва по мобилизации проживали в Ченстохове, находившемся у самой границы, и так как железнодорожное сообщение с ним прекратилось с первого дня войны, то они могли б под этим предлогом сразу остаться на территории немцев. Однако отец Иокеля сказал своему сыну: «Иди в Россию и становись в ряды русской армии». И тот пошёл пешком, чтобы выполнить завет отца. Впрочем, от поляков приходилось слышать и такие речи: «Ваше счастье, что вы воюете с немцами. Если бы вы воевали только с Австрией, то ещё неизвестно, на какой стороне были бы мы». Так сильна была их ненависть к пруссакам, от которых поляки переносили большие притеснения.

С первых дней моего пребывания на работе стало поступать на строительство позиции большое количество подвод и рабочих из мобилизованного местного населения. Однако для руководства работами

В. М. Догадин

Брест-Литовск, ноябрь 1914 г.

в помощь мне имелся всего один табельщик Горбач, прибывший из Брест-Литовска.

Лишь через две недели ко мне прибыл только что выпущенный из Инженерного училища подпоручик Юдин из числа тех, которые проучились в нём всего 10 месяцев. Наш брест-литовский инженер С.И. Егоров, любивший поострить по всякому поводу, назвал этих молодых подпоручиков «слонятами» на том основании, что будто бы детёныши этих умных животных находятся в утробе своей матери тоже десять месяцев.

При наличии значительного количества рабочих отрывка рвов укреплений в незамёрзшем ещё грун-

● ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ ●

те была проведена довольно скоро, однако на этом деле застопорилось, так как для одежды крутостей и для устройства блиндажей не имелось никаких материалов. Маячившая далеко впереди роща быстро исчезла, а полученные от неё брёвна израсходованы на укрытия, сделано некоторое количество плетня, но всё это были капли в море. Заглянувшему ко мне два раза подполковнику Архипенко я докладывал о задержке работ из-за отсутствия материалов, а он мне обещал срочно прислать досок из управления и даже записывал об этом себе в книжку, но в результате я всё-таки ничего не получал. [...]

Но вот вскоре нас, инженеров, собрали в управление для обсуждения текущих дел и инструктирования. После совещания я встретился с ближайшим другом Архипенко — подполковником К.К. Сарандинаки, который в управлении заведовал снабжением. Он был очень толст, флегматичен и любил много поесть. Бывало, в радомском ресторане, в котором обедали сотрудники нашего управления, подавались такие огромные порции, что, например, жареный бифштекс даже не помещался на тарелке и свешивался с её краёв. Конечно, не всякий был в состоянии проглотить такое количество мяса. Когда же подавалось это кушанье на стол к Сарандинаки, то он возмущённо заявлял

П.П. Архипенко

15 октября 1914 г.

официанту: «Почему такая маленькая порция? Так можно умереть с голода! Позвать сюда хозяина ресторана!»

После первых слов приветствия Сарандинаки спросил у меня, не нуждаюсь ли я в материалах. А когда я ему сказал, что из-за отсутствия леса у меня стоит работа, он воскликнул: «Вот чудак Петруша (Архипенко), никогда не скажет мне, что у вас не хватает материалов!» Оказывается, Архипенко помнил о моих нуждах только пока был у меня на участке, а когда возвращался в управление, то забывал. По распоряжению Сарандинаки на другой же день ко мне прибыл целый обоз с лесом. [...]

На производство работ по укреплению позиции в дополнение к мобилизованным рабочим мне была назначена ополченская дружина, а в помощь для руководства постройкой укреплений была выделена 25-я ополченская сапёрная полурота под командой прапорщика Богомазова в возрасте 45 лет, по профессии художника. [...]

Сапёры, хотя и давно не служившие, стали непосредственными руководителями рабочих, и мне выполнять своё дело стало легче. Но тут возникло новое серьёзное осложнение, из которого я не находил выхода. Дело в том, что во рвах двух укреплений, расположенных вблизи Пржитыка, появилась грунтовая вода. С каждым днём её становилось больше, и если в одном месте она заполнила рвы только наполовину, то в другом уровень воды дошёл почти до верха. Я попытался отвести её в сторону понижения местности и для этого вырыл канаву. Но, во-первых, местность, как это и полагается правилами выбора позиции, понижалась в сторону противника, и потому канава облегчала ему подступы к укреплению, а во-вторых, местность была настолько плоской, что несмотря на большую длину отрытой канавы, низкая точка не была достигнута, и вода продолжала заполнять укрепление. Положение, казалось, было безвыходное: как можно оборонять затопленное укрепление? Ведь нельзя же защитникам, обороняясь, сидеть в воде! А с наступлением морозов вода в укреплениях замёрзла. Положение от этого стало ещё хуже, и один вид укреплений, покрытых снегом и с заполненными льдом рвами, производил жуткое впечатление. Каждый день я при объезде работ видел эту картину и с тоской ломал себе голову: что же делать?

А решение пришло очень неожиданное, причём оказалось простым и радикальным. Ко мне на работы был назначен один немолодой техник. При первом объезде вместе с ним позиций он увидел неприглядную картину укрепления во льдах и сказал: «Так что же? Надо спустить воду» — «Куда же и как?» — спросил я. «Пробурить верхний слой глины, и вода уйдёт в низлежащий слой песка». [...] Оказывается, мой помощник перед назначением ко мне работал на Дальнем Востоке по устройству артезианских колодцев на землях, предназначенных для заселения, и потому бурение скважин было для него родным делом. Действительно, на другой же день он поехал в Радом, накупил труб, из которых наделал инструмент, затем приступил к бурению, поставив трёхногую простейшую вышку, а через неделю, пройдя около 15 метров и пробурив слой глины, дошёл до песчаного слоя, и вода вся ушла в скважину, так как была поверхностной, «верховодкой». Глядя на осушенные укрепления, я испытывал неизъяснимое удовлетворение, и этот опыт хотел бы передать тем, кто попадёт в такое же, как я, положение. [...]

• ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ •

Около месяца я прожил в «Замечке» в тишине и спокойствии, так как, кроме хозяев и меня, в доме никого не было.

Но вот в ближайшие деревни прибыли на постой полки 3-й гвардейской пехотной дивизии, а в нашем доме расположился весь её штаб во главе с начальником дивизии генерал-лейтенантом Потоцким. В связи с этим все комнаты дома были заняты, в большом вестибюле раздавались гудки телефонных аппаратов и выкрики телефонистов, а в большой столовой иногда по вечерам собирались офицеры дивизии, и начинался ужин с винами, с громкими песнями солдатского хора и с некрасивыми выходками пьяных офицеров.

Когда строительство моих укреплений приближалось к концу, ко мне на работы прибыли два офицера с передовых позиций, из которых один был полковник. Со мною вместе они осматривали редуты, и им понравились как детали укрепления, так и солидные препятствия в виде колючей проволоки. Но, увидя на углах укрепления площадки для пулемётов, они сказали: «Откуда же рота, занимающая укрепление, достанет столько пулемётов, когда у нас на батальон имеется всего четыре пулемёта?» Надо признаться, что нам с полковником Архипенко такой вопрос не пришёл в голову, когда мы проектировали наше укрепление.

Но вот мы с прибывшими офицерами, обойдя редут кругом с поля, вышли на ту сторону, которая повернута в тыл. «А это что такое?» — внезапно спросил полковник. «Горжа»³, — ответил я. «А для чего она?» — с недоумением спросил полковник. «Чтобы обороняться от противника, зашедшего в тыл». «Нет, у нас этого не может быть, — растерянно протянул полковник. — У нас как только заметят обход, то сейчас же уходят, и, значит, оборона окончена. Не-ет! Нам это не подойдёт!»

Вот как у меня решился вопрос с применением на позиции сомкнутых укреплений. Редуты я больше уже никогда не строил. Это было в феврале 1915 года. Между тем из отчётных документов, хранящихся в Инженерном музее, я убедился, что на строительство тыловых позиций, возводимых под руководством профессора Инженерной академии генерала Ипатовича-Горанского⁴, в подчинении которого там, между прочим, служил Д.М. Карбышев, даже летом 1915 года всё ещё продолжали применять сомкнутые укрепления, отвергнутые фронтом. Этот факт свидетельствует о том, что к началу войны метод укрепления позиций разработан не был, и мы с Архипенко применили на полевой позиции тот же метод, как и при укреплениих Ляояна в Русско-японскую войну, а также при создании фортового пояса в крепости Брест-Литовск, в строительстве которой мы оба с ним участвовали.

В середине февраля было решено удлинить возводимую нами Радом-Гройцкую позицию, продлив её от Илжи до Вислы. В связи с этим было предписано вместе с подчинённым составом строительства перебраться на укрепление новой позиции на участке Ржехов — Длуга Воля протяжённостью тоже около 10 километров. Теперь вместо Архипенко у меня начальником стал полковник Бурхановский, чрезвычайно деликатный — до застенчивости — человек.

Передав свои прежние обязанности указанному мне лицу, сердечно попрощавшись с Любенецкими, которые категорически отказались принять какую-либо компенсацию за моё продовольствие, 23 февраля 1915 года я отправился со своими по-

мощниками и прочими служащими на новые места и поселился в селе Ржечнев у кошёндза Домашевского, проживавшего в доме при костёле с матерью. Она обязалась кормить меня обедами, причём угощала меня вкусными польскими блюдами.

Стоявшая до сего времени мягкая зима сменилась серьёзными морозами, и в течение двух недель конца февраля термометр показывал около 20 градусов.

Здесь количество рабочих у меня значительно возросло и доходило до четырёх тысяч с лишним. Кроме того, осталась на работе и ополченская дружина.

С наступлением тепла земля оттаяла, и работы стали быстро развиваться. Особенно успешно возводились укрепления на левом фланге моего участка, где работами руководил очень энергичный молодой подпоручик 32-й отдельной сапёрной роты по фамилии Берг. Он был тоже из числа «слонят» и пробыл в инженерном училище всего 10 месяцев. Я был очень доволен его самостоятельной деятельностью и умелым возведением укреплений. А он, оказываясь, говорил про меня своим товарищам по роте так лестно, что они (как потом при встрече мне признавались) сами мечтали со мной познакомиться. Впоследствии они все со своей ротой были в моём распоряжении, и мы очень дружно выполняли большие и сложные работы вблизи передовой линии.

Итак, наступила весна, приближалась Пасха.

Моя жена, Мария Васильевна, гостившая у меня зимой, когда я жил в «Замечке», как раз к Пасхе вновь приехала ко мне на новое место. Её очень любезно принял мой хозяин, который, несмотря на своё духовное звание, был светски воспитанным человеком, а на пасхальное богослужение он специально присылал церковного служителя, чтобы проводить нас через толпу на первые места в костёле.

Со мною вместе жил также фактический контролёр за моими работами киевлянин Форис. К нему тоже приезжала погостить его жена. Таким образом, вне работы мы проводили время в приятной компании и совсем не ощущали тягот текущей войны. В материальном отношении мы были хорошо обеспечены, так как сверх получаемого содержания в 250 рублей по Брест-Литовску я получал ещё 10 рублей в сутки за работы на строительстве позиции. Из этих сумм я к Пасхе подарил жене красное яичко, в одной половине которого лежало 500 рублей на каракулево пальто, а в другой — 500 рублей на бриллиантовые серьги. В продовольственном отношении было полное изобилие. Но такому благодущному состоянию скоро наступил конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Иванов Николай Иудович** (1851—1919) — русский генерал от артиллерии, участник Русско-турецкой (1877—1878) и Русско-японской (1904—1905) войн. В 1914—1916 гг. — командующий Юго-Западным фронтом, затем состоял при Ставке. В 1917 г. — командующий войсками Петроградского военного округа, а в 1918 г. — белоказачьей Южной армией. Умер от тифа.

² Фас — прямолинейный участок траншеи, хода сообщения; обращённая к противнику сторона укрепления.

³ Горжа — тыльная сторона укрепления или ход в него с тыла.

⁴ **Ипатович-Горанский А.И.** (1863—?) — военный инженер, генерал-майор (1909), профессор Николаевской инженерной академии по кафедре фортификации. Участник Русско-японской (1904—1905) и Первой мировой (1914—1918) войн. Начальник инженеров крепости Перемышль (апрель 1915—1916).

Публикация З.Д. ЯСМАН

(Продолжение следует)

ВОЕННЫЕ КОАЛИЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Во все времена при ведении войн руководители государств, желая разделить с кем-либо тяжёлое бремя вооружённой борьбы, стремились создавать военные коалиции. Изучению исторического опыта создания военных коалиций англо-саксонских государств, их существования, внутренних противоречий и путей их преодоления посвящена вышедшая в свет книга* одного из постоянных авторов «Военно-исторического журнала» доктора военных наук, профессора С.Л. Печурова.

В ней впервые за последние десятилетия рассматривается комплекс вопросов, связанных со становлением теории коалиционной войны как таковой и проводится анализ коалиционных кампаний на протяжении почти двух столетий под эгидой англо-саксонских государств, имевших и имеющих непосредственное отношение к интересам безопасности нашего Отечества.

Особенность вынесенной на суд читателя работы состоит в том, что автор впервые в отечественной практике обобщил изыскания ведущей на рубеже XVIII—XIX вв. прусской школы военно-теоретической мысли, в том числе в области коалиционности. При этом особое внимание уделено военно-теоретическим трудам таких выдающихся военных учёных, как К. фон Клаузевиц, А. Бюлов, А. Шлиффен, Г. Шарнхорст, Х. Массенбах и другие.

Особое внимание в предлагаемой книге отведено эволюции взглядов на данный важный феномен военной науки отечественных теоретиков военного дела. Подчеркивается тот факт, что сформировавшаяся российская военно-теоретическая школа как самостоятельная ветвь мировой военной науки внесла существенный вклад в развитие теории коалиционности после неудачной для России Крымской войны 1853—1856 гг. В этой связи отмечаются попытки русских военных ученых разработать основы коалиционной стратегии и других, связанных с ней, положений. К таким ученым следует отнести А.-А. Жомини, Е.И. Мартынова, В.Е. Борисова, В.Н. Григорьева, Н.А. Корфа, Н.А. Орлова, Г.А. Леера, Н.П. Михневича.

Существенный импульс в развитие теории коалиционности в нашей стране был дан в результате обобщения опыта Первой мировой войны в целом и нюансов функционирования обеих враждовавших коалиций в частности. В этой связи нельзя не выделить отечественных военных ученых Н.В. Валентинова, А.М. Зайончковского и А.А. Свечина,

положения теоретических трудов которых, касающиеся особенностей формирования военных коалиций и участия их в военных действиях, и по сей день остаются весьма актуальными. Анализ разработок данных ученых в области коалиционности в книге уделено значительное место.

Впрочем, и автор это подчеркивает, за рубежом, прежде всего в Германии и Франции, аккумулировавших в межвоенный период все достижения военно-теоретической мысли Запада, вопросам коалиционности также уделялось достаточное внимание, что естественным образом нашло отражение в формировании военных коалиций в 30—40-е годы XX века.

Следующим рубежом в развитии теории коалиционности, как совершенно справедливо отмечает автор, стал период осмысления итогов Второй мировой войны и анализ причин, приведших к её развязыванию, с одной стороны, и победы антигитлеровской коалиции, с другой. В отечественной (советской) военной науке данным аспектам, а именно особенностям формирования и функционирования военных коалиций, в теоретическом плане уделялось внимание в основном с точки зрения создания якобы естественных военно-политических союзов на классовый основе и, в крайнем случае, вынужденных коалиций подобного рода между представителями антагонистических социальных систем (социалистической и капиталистической) под решение каких-либо задач типа борьбы с нацистской Германией и милитаристской Японией. В то же время, указывает С.Л. Печуров, надо отдать должное отечественным представителям военно-политической науки, которые в 50—80-е годы XX века обобщили и проанализировали значительное количество фактов участия вооруженных сил, главным образом западных государств, в том числе на многонациональной основе, в многочисленных локальных и региональных конфликтах в различных районах мира.

После роспуска Организации Варшавского договора и развала СССР в начале 90-х годов XX века наступил новый этап в исследовании военных коалиций и коалиционных войн, проводимых отечественными учеными. Многие из них, не ставя задачу достижения научных обобщений высшего уровня, с современных позиций объективности, непредвзятости и принципиальности возобновили либо впервые обратились к анализу имевших место коалиционных войн и отдельных теоретических аспектов коалиционности. В связи с этим автор выделяет таких известных российских учёных, как А.А. Кокошин, М.А. Гареев, В.К. Белозеров и других, чьи теоретические труды сущес-

С. Л. Печуров

КОАЛИЦИОННЫЕ
ВОЙНЫ
АНГЛО-САКСОВ

История
и современность

Обложка книги

твенным образом дополнили багаж знаний в этой сложнейшей области военной теории.

Глубокое знание автором предлагаемой читателю книги основ иностранной военной теории, непосредственное изучение им первоисточников военно-научной мысли Запада помогли ему разобраться и в определенной степени систематизировать зарубежные, главным образом англоязычные теоретические источники, касающиеся вопросов коалиционности. Так, С.Л. Печуров приводит факты ценностных оценок американских и британских политологов относительно вынужденного союза «англо-саксонских государств» с СССР в годы Второй мировой войны, ибо якобы он противоречит самой природе отношений между ними не столько с идеологической, сколько с геополитической, т.е. более фундаментальной, точки зрения. Вместе с тем автор указывает, что заслуживают внимания труды главных образом политически и идеологически неангажированных военных теоретиков англо-саксонской школы военной мысли, посвященные теоретическим аспектам коалиционности и структурированному анализу практических действий многонациональных военных коалиций. В этом плане он подчеркивает известный прагматизм, практичность направленности теоретических исследований, в целом характерных для англо-саксонской военно-теоретической школы.

Безусловным вкладом, внесенным С.Л. Печуровым в отечественную военную науку в целом, следует считать впервые осуществленную им систематизацию и построение понятийно-терминологического аппарата англо-саксонской теории коалиционной войны. Используя справочную литературу и энциклопедические источники, автор книги даёт точные определения таким часто встречаемым в отечественных изданиях, но по-разному толкуемым понятиям и терминам, как «объединённость», «ин-

* Печуров С.Л. Коалиционные войны англо-саксов: История и современность. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.

БАЛТИЙСКИЙ УЗЕЛ

тероперабельность», «партнёрство», «совместные и многонациональные операции» и другие.

Многим исследователям будет интересна вторая глава книги, посвящённая подробно анализу каждой из тринадцати коалиционных войн и крупномасштабных конфликтов, напрямую за последние 200 лет затрагивающих интересы Российской империи, СССР и Российской Федерации. Отсчёт противоборств берётся автором с седьмой антинаполеоновской военной коалиции (закончившейся битвой при Ватерлоо в 1815 г.). Такой выбор связан с тем, что в зарубежной военно-научной литературе принято считать данную коалицию первой «цивилизованной» или эталонной, поскольку в ходе её формирования и, самое главное, функционирования проявились все те принципиальные особенности и недостатки, которые характерны для всех последующих коалиций. Каждая из формировавшихся впоследствии военных коалиций под эгидой англо-саксонских государств (сначала по преимуществу Великобритании, затем США) вносила свои особенности в систему управления многонациональными войсками как в мирное, так и военное время, но всех их отличала открытая либо закамуфлированная направленность против нашего Отечества. Это и пытается донести до читателя автор книги.

Подробный, со ссылками на многочисленные источники, зачастую впервые вводимые в отечественный научный оборот, анализ войн и конфликтов под эгидой англо-саксов завершается разбором последних по времени, но продолжающихся по сей день кампаний в Афганистане и Ираке. При этом главные особенности и нюансы формирования и действий коалиционных составляющих многонациональных группировок войск в обеих странах вскрыты довольно точно и скрупулезно. Это позволило спрогнозировать тенденции развития военно-политической обстановки в данных конфликтных регионах мира, что и находит подтверждение в наши дни.

Существенной заслугой автора книги является впервые в отечественном издании сделанный анализ концептуальной базы многонациональных операций в главной англо-саксонской державе мира — США. Делается выборка из важнейших концептуальных документов США, положений, касающихся вопросов коалиционности, анализируются основные уставы американских вооружённых сил (как единые, так и видовые) по ведению многонациональных операций.

Данный труд будет полезен и интересен политикам, представителям законодательной и исполнительной власти, военным, многим исследователям, интересующимся проблемами военной истории и национальной безопасности России.

**Подполковник
С.В. АВЕРЧЕНКО**

ВЫШЛА в свет монография С.Н. Ковалёва «Советские войска на территории стран Балтии (1939—1940 гг.)»*. Рассматриваемое исследование посвящено весьма важной и актуальной теме. События 1939—1940 гг. в Прибалтике не первый год вызывают повышенный интерес как в самих Прибалтийских странах, так и в нашей стране, и за рубежом. Однако далеко не всегда этот интерес мотивирован стремлением к реконструкции реальных событий, происходивших в этом регионе. В некоторых случаях он имеет конъюнктурный характер, когда обращение к истории советизации Прибалтики используется исключительно для того, чтобы доказать агрессивность Советского Союза и изобразить всё происходившее как оккупацию и аннексию стран Балтии. В работах такого характера факты трактуются односторонне, без учёта общей военно-политической обстановки в Европе, сложившейся на тот момент. С другой стороны, попытки полностью оправдать действия советского руководства со ссылкой на необходимость обеспечения безопасности страны, которые также иногда имеют место, выглядят в равной мере небезупречными. Для налаживания же нормальных добрососедских связей между Российской Федерацией и Прибалтийскими государствами необходимо не только урегулировать взаимоотношения этих стран, но и как можно более точно воспроизвести их историю, очистить её от мифов и домыслов.

Поэтому следует приветствовать любое исследование истории российско-прибалтийских отношений, основанное на документальных источниках и предназначенное не для использования в политическом и идеологическом противостоянии, а для воссоздания реальной картины событий. Одной из таких работ является монография кандидата исторических наук полковника С.Н. Ковалёва. Автор обращается к обстоятельствам ввода и размещения группировки советских войск в Прибалтике в 1939—1940 гг. Данные проблемы впервые в отечественной историографии подвергнуты детальному рассмотрению и анализу. В других работах, посвящённых событиям 1939—1940 гг., как научных, так и публицистических, основное внимание уделялось политической составляющей рассматриваемых событий, тогда как подробности развёртывания советских войск на территории стран Прибалтики почти не затрагивались. Отчасти это было связано с недостатком необходимых документальных материалов, однако и у самих исследователей данная сторона событий 1939—1940 гг. не всегда вызвала достаточный интерес. В настоящее время, когда значительное количество архивных документов, доступ

* Ковалёв С.Н. Советские войска на территории стран Балтии. 1939—1940 гг. СПб.: Славия, 2008. 274 с.

Обложка книги

к которым ранее был ограничен, рассекречено, изданы новые сборники документальных материалов, появилась возможность восполнить этот пробел. Такая попытка и предпринята автором рассматриваемой работы.

В целом исследование следует считать удавшимся. Подготовлено оно на высоком научном уровне. В основе его лежит большое количество документальных источников из целого ряда государственных архивов, многие из которых используются впервые. Кроме того, автором использованы сборники опубликованных источников, мемуарная литература, периодика. Изученные источники и литература позволили С.Н. Ковалёву в деталях рассмотреть все обстоятельства ввода и развёртывания советских войск в Прибалтике, включая и такие не изученные исследователями ранее вопросы, как взаимоотношения советских военных с военными и гражданскими властями Прибалтийских республик, реакция местного населения на присутствие советских войск, развитие военной инфраструктуры советских сил в Прибалтике, проблемы обеспечения и бытового обслуживания советских гарнизонов и многое другое. Выводы и заключения, к которым приходит автор, вполне логичны, взвешены и основаны на скрупулёзном анализе использованных источников.

Автором рассматриваемого исследования решена серьёзная исследовательская задача и достигнут существенный прогресс в деле изучения сложного комплекса проблем, связанных с историей российско-прибалтийских отношений.

**В.И. МУСАЕВ;
Г.А. МОХОРОВ**

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Редакцией выявлены случаи предоставления нашими авторами рукописей одних и тех же статей, в том числе ранее опубликованных, одновременно в несколько научных журналов.

Редакция «Военно-исторического журнала» ПРЕДУПРЕЖДАЕТ, что в дальнейшем, при выявлении подобных фактов, сотрудничество с авторами этих рукописей будет ПРЕКРАЩЕНО, а сведения о них направлены в Высшую аттестационную комиссию (ВАК) Министерства образования и науки РФ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВЕРЧЕНКО Сергей Викторович — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», подполковник, кандидат исторических наук (Москва)

АЛЕКСЕЕВА Людмила Леонидовна — филолог (Москва)

БОЛЕ Елена Николаевна — старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, кандидат исторических наук (г. Сыктывкар, Республика Коми)

ВЕРЕТЕННИКОВА Надежда Михайловна — художественный редактор редакции «Военно исторического журнала» (Москва)

ГАРМАТНЫЙ Виталий Петрович — преподаватель кафедры философии и истории Барановичского государственного университета (г. Барановичи, Республика Беларусь)

КОВАЛЕВСКИЙ Николай Фёдорович — ведущий редактор редакции «Военно-исторического журнала», кандидат философских наук, полковник запаса, старший научный сотрудник (Москва)

КРУГЛИКОВ Павел Фёдорович — кандидат исторических наук, доцент Московского авиационного института (Москва)

ЛАШКОВ Алексей Юрьевич — ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук, полковник запаса (Москва)

ЛОТА Владимир Иванович — кандидат исторических наук, доцент (Москва)

МАЛОВ-ГРА Андрей Геннадьевич — заместитель директора Центра образования № 1461 (Москва)

МОХОРОВ Геннадий Анатольевич — ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

МУСАЕВ Вадим Ибрагимович — ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

НЕДОСТОЕВА Ирина Викторовна — художественный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ПОДШИВАЛОВ Иван Анатольевич — студент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва)

САВЧЕНКО Сергей Николаевич — заведующий отделом современной истории Хабаровского краевого краеведческого музея имени Н.И. Гродекова, кандидат исторических наук (г. Хабаровск)

СМИРНОВ Даниил Сергеевич — лейтенант (Москва)

СТЕПАНОВ Алексей Сергеевич — доцент кафедры экономики и управления на предприятиях сервиса Самарского филиала Российского государственного университета туризма и сервиса, кандидат исторических наук (г. Самара)

ТРОПОВ Игорь Анатольевич — доцент кафедры социально-гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (ГУАП), кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ШАРОВ Денис Михайлович — адъюнкт кафедры истории Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, майор (Москва)

ЯСМАН Зинаида Даниловна — ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Материалы, присланные в редакцию, рецензируются членами редакционной коллегии и редакционного совета «Военно-исторического журнала».

Редакция принимает к рассмотрению рукописи (распечатанный экземпляр и на электронном носителе) объёмом не более одного авторского листа, набранного в Word 95, 97, 2000 через два интервала с постраничными сносками и концевыми ссылками на использованные источники. Ответственность за достоверность информации, точность цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы.

В соответствии с действующим законодательством редакция имеет право не вступать с авторами в переписку, о результатах рецензирования не сообщать, рукописи не возвращать. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов. При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

«Военно-исторический журнал» публикует лишь те материалы и документы, в которых имеется почтовый адрес автора, учёная степень, учёное звание, номера телефонов, указаны полностью его должность, фамилия, имя, отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — воинское звание, данные паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

Присланные в редакцию материалы и электронные носители авторам не возвращаются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

За справками о присланных в редакцию материалах обращаться по тел.: (495) 693-57-45; 8-906-751-06-97.

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Адрес редакции для переписки:

**119160, Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 693-57-45; 8-906-751-06-97
E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru**

Сдано в набор 18.04.2009
Подписано к печати 18.05.2009
Формат 60x84/8.

Тираж 4700 экз. Зак. № 1093
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Журнал издаётся Редакционно-издательским центром Министерства обороны РФ: 119160, Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38 Д. Тел.: 8(495)693-58-68

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»: 143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный квартал, д. 2.

Цена свободная

© «Военно-исторический журнал», 2009.

Операция «Багратион».

Белорусская стратегическая наступательная операция советских войск под кодовым названием «Багратион» была проведена 23 – 29 августа 1944 года. Её цель и замысел сводились к тому, чтобы ударами четырёх фронтов разгромить немецко-фашистскую группу армий «Центр» и создать предпосылки для последующего наступления советских войск в западных областях Украины, Прибалтике, Восточной Пруссии и в Польше.

Тесное взаимодействие фронтов между собой, с авиацией дальнего действия и войсками ПВО, с партизанами, а также высокое боевое мастерство советских воинов и массовый героизм во многом предопределили успех Белорусской операции, результаты которой были решающими не только для всех последующих операций на советско-германском фронте Великой Отечественной, но и для всей Второй мировой войны в целом.

Этим событиям посвящена диорама «Минский котёл», которая художественными средствами с большой убедительностью передаёт мужество и героизм советских воинов, разгромивших врага в Минском котле. Это — исторически достоверный рассказ о смелости и стойкости советских воинов-освободителей.

Публикацию подготовила
Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВА

Редакция благодарит Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны за предоставленные фотографии и комментарии к ним.

Подвиг связистки 252-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии Т. Н. Барамзиной. Стрелковый батальон, в котором служила Барамзина, получил боевую задачу — захватить перекрёсток дорог у села Пекалин и удержать его до подхода полка. На марше батальон столкнулся с превосходящим по силам врагом. Завязался бой. По приказу командира Таня бросилась в

▲ блиндаж, где находились раненые, и стала оказывать им помощь. В момент, когда она накладывала бинты на раны боевых товарищей, у входа появились гитлеровцы. Спасая раненых, девушка отстреливалась до последнего патрона, но была схвачена гитлеровцами. На все их вопросы она отвечала молчанием. Разъярённые палачи подвергли её страшным пыткам. Они нанесли ей ножевые раны, выкололи глаза и после долгих издевательств расстреляли из противотанкового ружья. За верность Родине и стойкость, проявленную в бою, Т. Н. Барамзиной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

◀ Допрос исполнявшего обязанности командующего 4-й немецкой армией генерала Мюллера (слева), взятого в плен 8 июля 1944 года в районе деревни Кайково командиром разведки артбатареи 698-го артиллерийского полка 238-й стрелковой дивизии М. И. Глотовым. Допрашивает Мюллера командующий 50-й армией генерал-лейтенант Й. В. Болдин.

Диорама «Минский котёл»

Диорама создана группой белорусских художников: заслуженным деятелем искусств Белорусской ССР П. С. Крохоловым (руководитель), Б. В. Аракчеевым, В. А. Лагуном и Л. Н. Оседловым. Размер её живописного полотна — 78 кв. м, предметного плана — 36 кв. м.

Б. В. Аракчеев

▲ На данном фрагменте — наводчик орудия артиллерийского полка рядовой А. К. Авдеев, который вместе с расчётом отбил пять яростных вражеских атак. При отражении шестой был тяжело ранен командир орудия и погиб заряжающий. В седьмую атаку враг перешёл при поддержке двух самоходных орудий. Авдеев меткими выстрелами подбил первое и поджёг второе, но и фашистам удалось вывести из строя орудие Авдеева. Вражеская пуля сразила его товарища. Оставшись один, Авдеев огнём из автомата и гранатами продолжал отбиваться от наседавших гитлеровцев. Израсходовав все патроны и гранаты, он схватил топор и бросился на врага. В рукопашной схватке Авдеев уничтожил четырёх фашистов, а всего в этом бою — 10 вражеских солдат и офицеров. Финал неравного поединка и отразил художник на своём полотне. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года А. К. Авдееву присвоено звание Героя Советского Союза.

Подвиг лётчика 75-го гвардейского штурмового авиаполка Николая Киреева. Подождённый врагом самолёт со шлейфом чёрного дыма лётчик направил на скопление вражеских войск. Ценой своей жизни Киреев нанёс последний удар по врагу, повторив подвиг Николая Гастелло. Он посмертно награждён орденом Отечественной войны I степени.

Разгром вражеских войск в районе деревни Апчак, где героически сражались воины 380-й стрелковой дивизии генерал-майора А. Ф. Кустова, 369-й стрелковой дивизии полковника П. С. Галайко, 222-й стрелковой дивизии полковника А. Н. Юрина и 342-го тяжёлого самоходного артиллерийского полка майора М. С. Королёва.

ПОЯВЛЕНИЕ

В АРМИЯХ некоторых европейских государств XVIII – XIX вв. существовали воины лёгкой пехоты – егеря, которые использовались для «охоты» за офицерами противника. Впервые егеря были задействованы в Тридцатилетней войне 1618 – 1648 гг. в армии курфюрста Бранденбургского. В начале XVIII века этот вид пехоты был упразднён, однако к середине века он вновь появился в австрийской армии. Вскоре команды егерей в свою армию ввела Пруссия, а в период Семилетней войны 1756 – 1763 гг. – и Франция.

В России первый батальон егерского типа сформировал в 1761 году П.А. Румянцев при осаде Кельберга. В 1769-м егерские команды были введены во все пехотные полки. Через год началось сведение егерских команд в батальоны. Командирами егерских батальонов в своё время были М.Б. Барклай-де-Толли, П.И. Багратион, а Бугским егерским корпусом командовал М. И. Кутузов.

В 1777 году было 8 батальонов егерей – 1-й и 2-й Сибирские, Белорусский, Кабардинский, Бугский, Горский, Днепровский и Финляндский, а через 10 лет их число выросло до 43.

В 1785 году отдельные егерские батальоны (кроме двух Сибирских) были сведены в четырёхбатальонные егерские корпуса. В 1786 году сформирован Кубанский егерский корпус, в 1787-м – Екатеринославский, в 1788-м – Эстляндский, в 1793-м – корпус малороссийских пеших стрелков и Кавказский, Таврический, Бугский, Белорусский, Финляндский и Лифляндский егерские корпуса; в 1795 году – Литовский егерский корпус; общая же численность егерей дошла до 39 тыс. человек.

К началу Отечественной войны 1812 года в русской армии имелось 52 егерских полка, 35 из которых за мужество в боях с противником были удостоены наград и отличий. К 1825 году число егерских полков возросло до 60, и в каждой пехотной дивизии имелась егерская бригада. В 1856 году все егерские полки переименовали в пехотные и гренадерские, а функции лёгкой пехоты перешли к стрелковым подразделениям и частям.

Подробнее читайте в номере статью историка А. Г. Малова-Гра «Путь доблести и славы 18-го Егерского полка в 1812 – 1814 гг.»

Публикацию подготовила Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВА
Фото А. Г. МАЛОВА-ГРА

**Читайте
в номере**

**Форма одежды офицеров и
нижних чинов 18-го Егерского
полка в 1812–1814 гг.**

▲ Рядовой стрелкового взвода 2-й гренадерской роты
▲ Рядовой стрелкового взвода 2-й гренадерской роты

▲ Обер-офицер в служебной форме вне строя
▲ Штабс-капитан гренадерской роты

▲ Барабанщик 3-й гренадерской роты, фельдфебель егерской роты, поручик стрелкового взвода гренадерской роты, егерь 8-й егерской роты

ЕГЕРСКИХ ПОЛКОВ

▲ Генерал-майор А.Ю. Гамен

▲ Генерал-майор И.С. Дорохов

▲ Офицер 18-го Егерского полка (компьютерная графика А.Г. Малова-Гра на основе портретов Дж. Доу)

▲ Генерал-майор А.Н. Бахметьев

▲ Форма рядового 18-го Егерского полка. 1801 г.

▲ Форма рядового 18-го Егерского полка. 1808 г.

▲ Погон нижнего чина

▲ Форма рядового 18-го Егерского полка. 1809 г.

▲ Форма офицера 18-го Егерского полка на кампанию 1812 года

▲ Форма унтер-офицера 18-го Егерского полка на кампанию 1812 года

▲ Форма рядового 18-го Егерского полка на кампанию 1812 года

▲ Форма офицера 18-го Егерского полка на кампанию 1813 года

▲ Эполет обер-офицера

▲ Форма унтер-офицера 18-го Егерского полка на кампанию 1813 года

▲ Форма рядового 18-го Егерского полка на кампанию 1813 года

Минные катера парохода «Великий князь Константин»

Поражение в Крымской войне лишило Россию права иметь на Чёрном море сильный военно-морской флот, когда Турция к началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. располагала 22 броненосными кораблями и 82 судами других классов и типов. Для решения вопросов безопасности по инициативе лейтенанта С. О. Макарова русское морское командование решило переоборудовать быстроходные пароходы в военные корабли.

В 1876 году под руководством С.О. Макарова реконструированный, вооружённый артиллерией и снабжённый четырьмя минными катерами, а также шестовыми и буксируемыми минами пароход «Великий князь Константин» начал крейсерство по Чёрному морю.

Удачно действовали минные катера, когда командование флота поставило С.О. Макарову задачу оказывать содействие отряду начальника черноморской береговой обороны полковнику И.И. Шелковникову. Его отряд, продвигаясь по узкой прибрежной полосе в районе Гагр, оказался прижат к отвесным скалам артиллерийским огнём турецкого броненосца «Ассари Шевкет». «Великий князь Константин» отплыл на себя броненосец и побудил его начать преследование. После двухчасовой погони видимость ухудшилась, и турецкий броненосец прекратил преследование парохода. За это время отряд Шелковникова преодолел открытый участок и скрылся в ущелье. «За умелые действия, приведшие к спасению отряда полковника Шелковникова» лейтенанта С.О. Макарова наградили золотой саблей с надписью «За храбрость».

Через несколько дней, в ночь на 12 августа того же года, пароход «Великий князь Константин» подошёл к Сухумскому рейду, где обнаружил стоящий на якоре броненосец «Ассари Шевкет». При лунном затмении минные катера «Синол», «Наварин» и «Менёр» буксируемыми минами, спущенными с парохода, атаковали броненосец и подорвали его.

К концу 1877 года в Севастополь были доставлены купленные за границей самодвижущиеся мины Уайтхеда, явившиеся прототипом современных торпед. Однако никаких приспособлений для стрельбы ими ещё не было. Тогда С. О. Макаров решил приспособить под торпедные аппараты деревянные трубчатые футляры.

После испытаний этих устройств «Великий князь Константин» под командованием С. О. Макарова в ночь на 2 января 1878 года снова прибыл к Батумскому порту, на рейде которого была обнаружена эскадра противника. Спущенные с парохода катера «Чесма» и «Синол», ведомые отважными лейтенантами И. Зацаренным и О. Щещинским, тотчас устремились в атаку. Сблизившись на расстояние до 30 м со стоящим в дозоре турецким вооружённым пароходом «Интибах», они выпустили торпеды. Раздавшиеся через несколько секунд два мощных взрыва и взметнувшиеся в воздух обломки неприятельского корабля возвестили миру о громадной силе нового оружия, впервые в мировой практике применённого русскими моряками.

Публикацию подготовила
И.В. НЕДОСТОВА

Командующий А. Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Степан Осипович Макаров
Литография начала XX в.

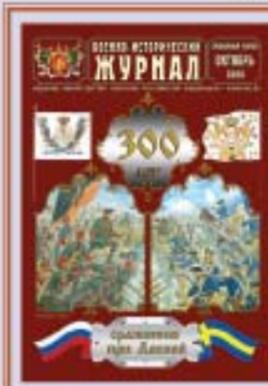
Илл. из кн.: Суханов И.Л., «Сружанные реликвии русского флота» Из коллекции Центрального военно-морского музея, СПб., ФОРТАКС, 2002, 208 с. ил.

▲ Атака минным катером «Шутка» турецкого фрегата на р. Дунай 1877 г. Художник А.П. Боголюбов

▲ Минные катера, спущенные с парохода «Великий князь Константин», устремились в атаку на турецкие корабли

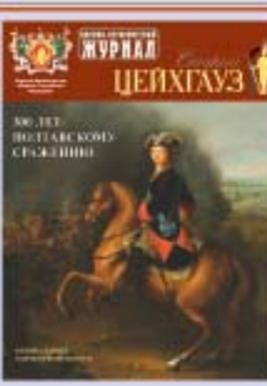
Потопление турецкого парохода «Интибах» торпедами минных катеров «Чесма», «Синол» с парохода «Великий князь Константин» 14 января 1878 г. Художник Л. Ф. Лагорио, 1880

Уважаемые читатели! В 2006 году наша редакция выпустила специальный номер журнала, посвященный 300-летию сражения при деревне Лесной, который был распространен на юбилейных мероприятиях среди членов военно-патриотических клубов, курсантов, кадет, военнослужащих и школьников и получил положительные отзывы читателей. В текущем году нами совместно с редакцией журнала «Старый Цейнхауз» готовится и в июне будет выпущен в свет специальный выпуск журнала, посвященный 300-летию Полтавского сражения. Спецвыпуск будет полностью цветной и богато проиллюстрирован фотографиями и рисунками.

Материалы номера можно будет использовать при подготовке праздничных юбилейных мероприятий к 300-летию Полтавского сражения.

По вопросам заказа и приобретения спецвыпуска обращаться по тел.: (495)928-81-46 и E-mail: tsark@ya.ru

ЭЗЕЛЬСКИЙ БОЙ

290-летие морского боя 24 мая (4 июня) 1719 года между русскими и шведскими кораблями у острова Эзель (Сааремаа) в ходе Северной войны 1700 – 1721 гг.

▲ Бой у острова Эзель 24 мая 1719 г. Художник А. Боголюбов

Медаль «В память взятия трёх шведских фрегатов в сражении при острове Эзель. 1719 год», на медали надпись: «Прилежание и верность превосходит сильно»

Полумодель 66-пушечного корабля «Исаак Виктория», построенного в Санкт-Петербурге в 1716 – 1719 г. под руководством корабельного мастера О. Ная и названного в честь морской победы у острова Эзель: в день Святого Исаака Пётр I получил известие об этой виктории

15 мая русская эскадра из 6 линейных кораблей и 1 шнявы, всего 330 пушек, под командованием капитана второго ранга Н.А. Сенявина вышла из Ревеля (Таллин) с задачей захватить в районе Пиллау – Гданьск шведские военные корабли, назначенные для конвоирования транспорта с хлебом.

В ночь на 24 мая эскадра обнаружила между островами Эзель и Готска-Сандён три шведских корабля: линейный корабль, фрегат и бригантину, всего 96 пушек, под командованием А. Врангеля следовавших в кильватерном строю на север. Не имея возможности из-за встречного ветра сразу же атаковать противника, Сенявин, соблюдая маскировку (поднял шведский флаг), в течение нескольких часов вел преследование. Около 5 ч русская эскадра, заняв в результате искусных манёвров наветренное положение и подняв Андреевский флаг, с максимальной дистанции (4 кабельтовых) открыла огонь. Вскоре Сенявин уменьшил скорость до 1-2 кабельтовых и сосредоточил стрельбу по флагманскому кораблю «Вахмейстер», следуя на параллельном с противником курсе.

В 8 ч 20 мин флагманский корабль Сенявина «Портсмут» получил повреждение парусов и его ветром начало сносить на «Вахмейстер». Врангель, полагая, что Сенявин идёт на abordаж, уклонился вправо. Сенявин сделал поворот, прорезал строй противника и, оказавшись на курсе шведского фрегата, продолжным залпом причинил ему серьёзные повреждения. Русские корабли окружили фрегат и бригантину и принудили их команды сдаться. Около полудня русские корабли «Рафаил» и «Ягудилл» догнали уходивший прежним курсом шведский флагман, навязали ему бой и заставили спустить флаг. Взятые корабли были приведены в Ревель. Шведы потеряли 50 человек убитыми, 14 ранеными и 337 пленными; русские – 9 человек убитыми и 9 ранеными.

Эзельский бой явился первой победой русского флота в открытом море без применения abordаж. Он был выигран благодаря умелой организации ночного поиска противника в заданном районе, искусному маневрированию при преследовании и занятии наветренного положения, применению решительных тактических приёмов морского боя: прорезание строя противника, взятие вражеских кораблей в два огня. Пётр I высоко оценил первую победу парусных кораблей, назвал её добрым началом российского флота, поблагодарил Сенявина собственным письмом и произвёл его через чин из капитана 2 ранга в капитан-командоры.

Публикацию подготовила
И.М. ВЕРЕТЕННИКОВА

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН СЛАВЯНСКИХ ТОВАРОВ

slavtorg.org
+7 (495) 978-03-48
+7 (499) 794-50-72
+7 (901) 517-03-48
IGQ 359-583-751

Исторические и военно-патриотические
КНИГИ, календари, диски, обереги и мн. др.

Бесплатный каталог можно заказать, прислав нам конверт с о/а по адресу: 117556, Москва, а/я 40, Аратову А.М.

www.slavtorg.org magazin@slavtorg.org

СОДЕРЖАНИЕ

[ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941-1945 гг.](#)

THE GREAT PATRIOTIC WAR

Боевой состав Красной армии и Военно-морского флота СССР на 22июня 1941 г.

(Публикация Н.Ф. КОВАЛЕВСКОГО)

Combat strength of the Red Army and the Navy of the USSR on the 22nd of June of 1941

(Publication of N.F. Kovalevsky)

[ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ](#)

FROM THE HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT

А.С. СТЕПАНОВ — Авиапромышленность Ленинграда и её перестройка накануне Великой Отечественной войны

A.S. STEPANOV – Aviation industry of Leningrad and its reconstruction on the eve of the Great Patriotic War

[ИСТОРИЯ ВОЙН](#)

HISTORY OF THE WARS

Д.М. ШАРОВ — Деятельность императора Александра I по формированию и укреплению экспедиционных войск. По опыту военных кампаний 1805, 1806—1807гг.

D.M. SHAROV – Emperor Alexander's I activity on forming and strengthening of the expedition forces. Know by experience of military campaigns of 1805, 1806–1807

А.Ю. ЛАШКОВ — Минский орешек для германского зуба

A.Yu. LASHKOV – The Minsk nut for the German tooth

[ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА](#)

MILITARY CHRONICLE OF THE FATHERLAND

С.Н. САВЧЕНКО — Участие казачьих войск Дальнего Востока в Гражданской войне (сентябрь 1918 — февраль 1920 г.)

S.N. SAVCHENKO – Participation of the Cossack troops of the Far East in the Civil War (September 1918 – February 1920)

ПОЛКОВАЯ ЛЕТОПИСЬ

ANNALS OF THE REGIMENTS

A.Г. МАЛОВ-ГРА — Путь доблести и славы 18-го Егерского полка в 1812—1814гг.

A.G. MALOV-GRA – The road of valour and glory of the 18th regiment of chasseurs in 1812–1814

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ

STANDPOINTS. OPINIONS. VERSIONS

В.П. ГАРМАТНЫЙ — Тайна смерти Вильгельма Кубе

V.P. GARMATNY – Secret of Wilhelm Kube’s death

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

ARMY AND SOCIETY

И.А. ТРОПОВ — Проблемы формирования Красной армии

I.A. TROPOV – Problems of the Red Army forming

Е.Н. БОЛЕ — Пенсионное обеспечение инвалидов Великой Отечественной в военные и первые послевоенные годы

E.N. BOLE – Provision of pensions for the invalids of the Great Patriotic War in war years and immediately after the war

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

HISTORY OF THE MILITARY INTELLIGENCE

В.И. ЛОТА — «Сведения получены от надёжного источника». О взаимодействии военных разведок стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны

V.I. LOTA – “The information received from the reliable source”. About cooperation between intelligence services of the anti-Hitler coalition during the days of the World War II

ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ

FAMILY ARCHIVE

П.Ф. КРУГЛИКОВ, Л.Л. АЛЕКСЕЕВА — Памятник у Днепра

P.F. KRUGLIKOV, L.L. ALEKSEEVA – The monument near the river of Dnepr

МОЛОДЕЖНЫЙ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

YOUTH MILITARY-HISTORICAL MAGAZINE

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

IN THE PAGES OF RARE EDITIONS

А.Г. БРИКНЕР — Смерть Павла I

(Публикация А.В. ОСТРОВСКОГО)

A.G. BRIKNER – Death of Pavel I

(Publication of A.V. OSTROVSKY)

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS

В.М. ДОГАДИН — На фронте и в тылу. Воспоминания о Первой мировой

(Публикация З.Д. ЯСМАН)

V.M. DOGADIN – In the front and in the rear. Memoirs about World War I

(Publication of Z.D. YASMAN)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

С.В. АВЕРЧЕНКО — Военные коалиции: исторический опыт

S.V. AVERCHENKO – Military coalitions: the historical experience

В.И. МУСАЕВ, Г.А. МОХОРОВ — Балтийский узел

V.I. MYSAEV, G.A. MOKHOROV – Baltic center of resistance

[КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА](#)

[НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ](#)

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «Военно-исторического журнала»

[ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ](#)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

Публикация: КОВАЛЕВСКИЙ Николай Фёдорович —

ведущий редактор редакции «Военно-исторического журнала», кандидат философских наук, полковник запаса, старший научный сотрудник (Москва)

БОЕВОЙ СОСТАВ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР НА 22 ИЮНЯ 1941 Г.

В почте редакции «Военно-исторического журнала» встречаются письма, в которых читатели интересуются боевым составом Красной армии на день начала Великой Отечественной войны 22июня 1941года. Читатели хотели бы знать развёрнутый, полный состав каждого из фронтов действующей армии и войск военных округов на тот день и сетуют, что такие данные очень трудно найти. Полковник запаса Михаил Александрович Маков из Саратова в своём письме приводит следующий тезис псевдоисторика В.Резуна-Суворова: «За 60лет упорных трудов Военно-историческое управление Генерального штаба, Институт военной истории Министерства обороны, множество кафедр в военных академиях и училищах не удосужились даже пересчитать дивизии, которые были в Красной армии на 22июня 1941года». В этой связи М.А.Маков просит «Военно-исторический журнал» в опровержение лжи Резуна-Суворова опубликовать развернутые сведения о боевом составе Красной армии на 22июня 1941года, подготовленные и изданные военно-историческим отделом Военно-научного управления Генштаба в 1964году и рассекреченные в начале 1990-х годов.

Михаил Александрович совершенно прав, указав важный источник по интересующему многих читателей вопросу: «Боевой состав Советской Армии. Части I (июнь—декабрь 1941 года)» (М.: ВНУ ГШ, 1964). Можно также сообщить читателям, что в этом издании содержатся подробные сведения о боевом составе Красной армии не только на 22 июня 1941 года, но и на первый день каждого последующего месяца 1941 года, а в очередных выпусках этого труда (ч. 2—5) даются такие же ежемесячные сведения вплоть по 1 сентября 1945 года. Данные этого издания после его рассекречивания используются и приводятся в некоторых трудах, к сожалению, также издающихся не очень большими тиражами. Например, — в трудах Института военной истории: «Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Действующая армия: Научно-справочное издание» (М.; Жуковский: Кучково поле, 2005), «Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Стратегические операции и сражения: Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г.» (М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2004). Сведения о боевом составе фронтов и армий к началу войны можно найти также в соответствующих статьях 8-томной российской Военной Энциклопедии. Имеются и другие труды, где рассматривается боевой состав советских войск к началу войны. В частности, это работы: Калашников К.А., Феськов В.И., Чмыхало А.Ю., Голиков В.И. Красная армия в июне 1941 года: Стат. сб. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003; Калашников К.А., Феськов В.И., Голубев В.И. Красная армия в победах и поражениях 1941—1945 гг. В них приводится подробный состав группировки Сухопутных войск Красной армии, фронтов, военных округов и армий на 22 июня 1941 года, в отдельных деталях расходящийся с данными издания Генштаба 1964 года. К сожалению, авторы не указали используемых источников и не дали никаких примечаний и пояснений к своей статистике.

Боевой состав Красной армии на начало войны в издании Генштаба 1964 года включает в себя сведения по следующим разделам: 1) действующая армия: фронты, отдельные армии (9-я) и дальнебомбардировочная авиация; 2) резерв Ставки Главного Командования; 3) военные округа и недействующие фронты (таким фронтом тогда являлся Дальневосточный). Ниже в таблицах 1—4 приводятся развёрнутые сведения о боевом составе войск четырёх фронтов действующей армии с началом войны. В резерве Ставки Главного Командования находились 6 армий (16, 19, 20, 21, 22 и 24-я), в их составе имелись 14 ск, 42 сд, 17 ап, 1 озад, 5 мк, 10 тд, 5 мд, 5 мцп, 2 оиб и 2 осб. Обобщённые данные о составе войск внутренних военных округов и Дальневосточного фронта представлены в таблице 5.

Следует сказать о сериальном издании статистических сборников Института военной истории «Боевой и численный состав Вооружённых Сил СССР в период Великой Отечественной войны», подготовленных в сотрудничестве с Центральным архивом МО РФ и другими военными архивами. В отличие от труда Генштаба 1964 года статистический сборник №1 этой серии (М.: ИВИ, 2001), посвященный сведениям на 22 июня 1941 года, дает различные данные не только о Красной армии, но и о Военно-морском флоте. Читатели могут ознакомиться с их боевым составом в таблицах 6 и 7, а в таблице 8 представлены сведения о численном составе и вооружении Красной армии и ВМФ.

Безусловно, статистические сведения, приведённые в таблицах 1—8, далеко не безупречны. Существуют разночтения и трудноразрешимые вопросы, особенно в отношении соединений и частей, которые к 22 июня 1941 года ещё находились в стадии формирования или начали создаваться. В настоящее время под руководством Главной редакционной комиссии, возглавляемой министром обороны Российской Федерации, начата разработка нового фундаментального 12-томного труда об истории Великой

Отечественной войны, и можно надеяться, что многие вопросы, в том числе и рассмотренный в данной публикации, найдут своё уточнение. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

СТЕПАНОВ Алексей Сергеевич —

*доцент кафедры экономики и управления на предприятиях сервиса Самарского филиала
Российского государственного университета туризма и сервиса, кандидат исторических
наук (г. Самара)*

АВИАПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЛЕНИНГРАДА И ЕЁ ПЕРЕСТРОЙКА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ленинградская авиаиндустрия заявила о своих ведущих позициях в отечественной оборонной промышленности задолго до нападения фашистской Германии на Советский Союз. Так, ещё в 1920—1930-е годы в городе на Неве было развёрнуто крупносерийное производство военных самолётов, которое стало последовательно расширяться после выхода в свет Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1939 года. В соответствии с этим документом Народный комиссариат оборонной промышленности (НКОП) был разделён на несколько ведомств (наркоматов), в числе которых особое место занял Наркомат авиационной промышленности (НКАП)¹. Обращает на себя внимание тот факт, что в год начала Второй мировой войны (1939-й) на долю ленинградцев пришлась почти четверть всего советского авиапроизводства, т.е. 2293 учебных и 251 транспортный самолёт из общего числа в более чем 10 тыс. машин².

Существенным дополнением к сказанному может служить выдержка ещё из одного документа той поры — «Краткого анализа о работе 1-го Главного управления НКАПЗ за 1939 год по производству». В нём свидетельствовалось, что «наряду с невыполнением», имеются заводы, «выполнившие и перевыполнившие план сдачи самолётов», и также приводились конкретные факты. К примеру, в числе пяти названных лучшими самолётостроительных предприятий отмечались и два ленинградских завода: №23, выполнивший план на 104,4 проц. и №47 — на 101,1 проц.⁴ Первый из них (авиазавод №23 «Красный лётчик») с марта 1928 года и вплоть до начала Второй мировой войны являлся монополистом в производстве одного из самых массовых и известных советских самолётов — биплана У-2 конструкции Н.Н.Поликарпова.

Впрочем, помимо основного, учебного двухместного варианта, существовали и другие, основные, модификации этой машины: АП (аэроопылитель), предназначенный для сельскохозяйственных работ, с баком для порошкообразных материалов на месте второй кабины, за которым находилась ещё одна кабина для техника; СП (специального применения трёхместный), конструктивно повторявший АП, но с установкой кабины вместо сельхозоборудования; санитарные С-1 и С-2; У-2 ВС (войсковая серия), учебно-боевой самолёт (принят на вооружение в 1933г.), вооружённый двумя пулемётами и малокалиберными бомбами⁵. Только в 1930—1939гг. построили свыше 10тыс. У-2, не считая его специализированных модификаций⁶. Во второй половине 1930-х годов парк У-2 был дополнен учебно-тренировочными монопланами УТ-2 и УТ-1 конструкции А.С.Яковлева, с тем же двигателем (М-11), что выпускался на заводе №477.

Как же использовался У-2 и его модификации до нападения Германии на Советский Союз? Он применялся практически во всех локальных войнах или военных акциях 1938—1940гг. с участием СССР.

Важность самолётов связи, совершавших сотни вылетов для обеспечения боевых действий РККА, показала польская кампания. К примеру, Северная и особенно Южная группа Украинского фронта и 12-я армия, умело используя средства авиасвязи, имели возможность своевременно информировать подчинённые штабы об обстановке. Общее количество лётных часов Южной группы достигло 90 при 52вылетах, в 12А — 1028.

Большая нагрузка легла на У-2 во время Советско-финляндской войны. Известно, что только на пополнение ВВС Северо-Западного фронта в декабре 1939 — марте 1940года было направлено 382 боевых самолёта всех типов, в том числе — 50 У-29.

Кроме боевых частей, У-2 использовался и гражданской авиацией, особенно активно применялся он для санитарно-эвакуационных перевозок. Так, в стенограмме заседания Научно-технического совета института гражданской авиации от 28февраля 1941года, посвящённого срокам службы самолётов, говорится следующее о санитарных модификациях этого воздушного аппарата (У-2 — С-1): «Старые машины работали в санавиации, имели небольшой налёт, интенсивность налёта произошла во время финских событий, так как самолёты все были там и интенсивно летали»¹⁰. Выпуск С-1 был прекращён в 1936году и возобновлён только три года спустя в модифицированном виде (С-2), с более мощным двигателем и значительно увеличенным отсеком для больного. Завод №23 в 1940году перевыполнил план их выпуска в три с лишним раза именно из-за начавшейся войны с Финляндией¹¹.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.8418. Оп.23. Д.2. Л.11; Минаев П.П. Военная авиаиндустрия Ленинграда в 20—30-е годы XXвека // Воен.-истор. журнал. 2005. №12. С.41.

2 Подсчитано по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.8044. Оп.1. Д.411. Л.51.

3 В состав Первого (самолётостроительного) Главного управления НКАП помимо прочих предприятий в 1939г. входили и 15 заводов сухопутного самолётостроения.

4 РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2754. Л. 12, 14.

5 Гугля Ю. Сага о небесном тихоходе. Глава I // Авиация и время. 2002. №5. С.8—11.

6 РГАЭ. Ф. 8044. Оп.1. Д. 2808. Л. 7об., 8.

7 Там же. Л. 13об.

8 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.35084. Оп. 1. Д. 196. Л. 152, 164, 175.

9 Подсчитано по: РГВА. Ф. 29. Оп. 42. Д. 51. Л. 312.

10 Самарский филиал Российского государственного архива научно-технической документации (РГАНТД). Ф.4. Оп. 1-6. Д. 10. Л.22.

11 Иванов В.П. Самолёты Н.Н. Поликарпова. М., 2004. С.104, 105.

ИСТОРИЯ ВОЙН

ШАРОВ Денис Михайлович —

адъюнкт кафедры истории Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, майор (Москва)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ПО ФОРМИРОВАНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ВОЙСК

По опыту военных кампаний 1805, 1806—1807гг.

С началом XIX века агрессивные устремления Франции становились всё очевиднее. Осуществляя захватнические действия, её лидер Наполеон расширял сферу своего политического и экономического влияния в Европе. В данных обстоятельствах Российская империя не могла и не хотела оставаться в стороне от тех событий, которые происходили на международной арене. Вместе с тем российское правительство, несмотря на предпринимаемые дипломатические усилия, не смогло найти мирных путей для разрешения европейских противоречий, вследствие чего Россией начиная с 1803 года

окончательно был взят курс на создание военных коалиций и вооружённое противостояние французской агрессии.

Приняв соответствующее решение, император Александр I распорядился о проведении в течение 1803—1805 гг. ряда мероприятий, позволивших создать на западных границах страны группировку войск, находившуюся в постоянной боевой готовности¹. Поставив целью скорейшее заключение союзного договора с Австрией о совместных военных действиях против наполеоновской армии, он взял на себя обязательство перед австрийской стороной выставить в случае войны большую группировку войск. В своём послании от 25 апреля 1804 года послу в Вене А.К.Разумовскому Александр I просил дипломата довести до сведения австрийского правительства, что им предприняты неотложные меры для создания на западной границе группировки военных сил из 100 тыс. человек, которые будут в скором времени поддерживаться «в полном боевом составе и постоянной готовности к действиям на благо общего дела»². В этом же документе император отметил, что он также планирует усилить до 10 тыс. человек «корпус, размещённый на Семи островах», который, «занимая столь важную позицию, сможет оказать большие услуги как для защиты Греции от каких-либо посягательств, так и для содействия, когда наступит время, диверсии в Южной Италии»³.

В процессе дальнейшего ведения переговоров об условиях подписания союзного соглашения австрийской стороной было выдвинуто требование о включении в объединённые вооружённые силы группировки русских войск в составе не менее 150 тыс. человек⁴. Согласившись с этим после окончательного решения об участии России в составе 3-й антинаполеоновской коалиции, Александр I приказал увеличить количество войск на западном направлении и создать ударные группировки. 7 июня 1805 года императору на рассмотрение поступила «ведомость временным квартирам, назначаемым для полков для сближения их к границам»⁵. Спустя месяц были высочайше утверждены представленные ему предложения по формированию на западной границе Подольской (58101 чел.), Волынской (48339), Литовской (56627), Северной (48037) армий и десантного корпуса (19452). Расположение последнего было максимально приближено к основным российским портам в бассейне Балтийского моря (Санкт-Петербург, Кронштадт, Ревель, Рига)⁶.

Исполняя взятые на себя обязательства и формируя экспедиционные силы, Александр I зачастую лично отдавал приказы командирам полков о включении их частей в состав ударных войск. Подтверждением этому является секретный рескрипт императора командиру Малороссийского кирасирского полка генерал-лейтенанту князю А.Н.Ромодановскому-Ладыженскому, в котором было предписано «приготовить на походную ногу» вверенную ему воинскую часть, «дабы в случае повеления о выступлении в поход мог оный выйти из ныне занимаемых квартир в 24 часа и следовать немедленно в предназначенный марш»⁷.

Большую озабоченность проявлял государь о том, какую позицию займёт Пруссия в случае начала совместных действий австро-русских сил против наполеоновских войск. Он имел достаточно оснований полагать, что в этой ситуации прусские войска могут выступить на стороне Франции. Насколько были оправданы эти опасения, можно судить по его инструкции, отправленной генералу Ф.Ф.Винцингероде 16 января 1805 года. В ней император отмечает, что на территории Пруссии, граничащей с Российской империей, «производятся военные приготовления», которые выражаются в дополнительных закупках зерна для пополнения провиантских складов и в приведении прусских полков в состояние готовности «к походу через бнедель»⁸.

Для предотвращения нежелательных действий со стороны прусской армии император был вынужден принять меры по формированию резервного корпуса «против Пруссии» общей численностью 13729 человек. В то же время для безопасности южных границ от возможной агрессии со стороны Османской Порты император утвердил решение о создании ещё одного резервного корпуса «против Молдавии» в составе 19752 человек⁹.

Создав крупные ударные группировки, Александр I был в значительной степени уверен, что с помощью этих сил сможет достаточно удачно противостоять наполеоновской армии. Однако дальнейший ход исторических событий опроверг его предположения.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.679. Оп. 1. Д. 105. Л. 41—45.

2 Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Собр. 1-е. Т.2. С.37.

3 Там же.

4 Там же. С. 71.

5 ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 105. Л. 48.

6 Там же. Л. 1, 2.

7 Отдел политической истории Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 83. Оп. 2. Ед.хр.1.

8 Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т.2. С.273.

9 ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 105. Л. 1, 2.

ЛАШКОВ Алексей Юрьевич —

ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук, полковник запаса (Москва)

МИНСКИЙ ОРЕШЕК ДЛЯ ГЕРМАНСКОГО ЗУБА

В августе 1915 года решением Ставки Верховного главнокомандования (СВГ) действующей русской армии¹ Северо-Западный фронт был разделён на два новых оперативно-стратегических объединения: Северный фронт во главе с генералом от инфантерии Н.В.Рузским, прикрывавший подступы к Петрограду, и Западный, командующим которым был назначен генерал от инфантерии А.Е.Эверт. Штаб вновь созданного Западного фронта обосновался в Минске. Относительная близость города к линии фронта требовала принятия безотлагательных мер по его защите, в том числе и создания противовоздушной обороны. В неё вошли так называемые противосамолётные батареи и команды² бывшей Варшавской крепостной артиллерии, ранее эвакуированные из Польши. Вскоре их усилили Отдельной авто-зенитной батареей³ под командованием капитана В.В.Тарновского⁴, действовавшей до начала сентября 1915 года в районе г.Лида.

Общее руководство обороной от воздушного нападения (наземными средствами) г.Минска было возложено на полковника фон Н.М.Эндена⁵. По его поручению капитан В.В.Тарновский в короткий срок представил в штаб фронта (инспектору артиллерии) на утверждение структуру зенитно-артиллерийской обороны города. В частности, для создания единого светового поля в ночных условиях в границах Минска предлагалось разместить батарейные расчёты, вооружённые специальными зенитными прожекторами. В техническом отношении они подчинялись командиру прожекторной команды штабс-капитану Кутынцеву, в оперативном — начальнику ПВО города. По указанию полковника Н.М.Эндена противосамолётные батареи с прожекторами устанавливались возле Виленского и Александровского (Брестского) вокзалов, а также в районе кирпичного завода. Принятые меры оказались своевременными. Противник усилил своё давление на Минск, используя крупные военные дирижабли жёсткой конструкции — цеппелины, действовавшие исключительно в тёмной период суток. На пути их вероятного маршрута по приказу Н.М.Эндена выставлялись разведывательные, так называемые слежечные посты, под контроль взяли также воздухоопасные направления, особенно со стороны станций Кайданово и Изяславль, где противник имел полевые аэродромы. Силами слежечных постов было организовано круглосуточное дежурство по контролю за воздушной обстановкой в районе Минска. В дополнение к слежечным постам действовали и посты стражников, в задачи которых входило при обнаружении воздушного противника сообщать о нём пуском сигнальных светящихся ракет. При появлении ночью в небе дирижабля наблюдатель был обязан «пустить одну за другой 2 светящиеся ракеты вверх»⁶. Не исключалось и боевое применение ракет против цеппелинов, если высота их полёта не превышала одного километра.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Приказ Верховного главнокомандующего (ВГ) от 24августа 1915г. №687. Все даты приводятся по старому стилю.

2 1, 2 и 3-я лёгкие Отдельные батареи для стрельбы по воздушному флоту, прожекторная команда.

3 В соответствии с приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего от 4ноября 1915г. №172 преобразована в 1-ю Отдельную автомобильную батарею для стрельбы по воздушному флоту (ВФ).

4 Тарновский Василий Васильевич (15(27).10.1880—25.10.1936), российский артиллерист, полковник (1917). На военной службе с 1900г. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1902), участник Русско-японской войны 1904—1905гг. В 1907—1915гг. — в Офицерской артиллерийской школе. Один из создателей первого отечественного зенитного орудия обр.1914г. С марта 1915г. — на фронте. Командир автомобильной зенитной батареи (1915—1917), начальник противовоздушной обороны 5А (1917), начальник Курсов стрельбы по ВФ Северного фронта (1917), начальник Офицерской школы стрельбы по ВФ (1917). В 1918—1919гг. — в Киевском артиллерийском управлении. С 1919г. — в эмиграции.

5 Весной 1918г. инженер-технолог Н.М.Энден назначен начальником противовоздушной обороны г.Москвы. Приказ Военного руководителя Московского района обороны от 25.04.1918г. №01. Российский Государственный военный архив (РГВА). Ф.25883. Оп.5. Д.1024. Л.11.

6 Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1837. Оп. 1. Д. 481. Л. 131. По этому поводу была даже издана специальная «Инструкция для строевых постов со светящимися ракетами».

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

САВЧЕНКО Сергей Николаевич —

заведующий отделом современной истории Хабаровского краевого краеведческого музея имени Н.И.Гродекова, кандидат исторических наук (г.Хабаровск)

УЧАСТИЕ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (СЕНТЯБРЬ 1918 — ФЕВРАЛЬ 1920 Г.)

Проблема участия Дальневосточных казачьих войск (ДКВ) в Гражданской войне и степень оказания ими военной помощи Верховному правителю России адмиралу А.В.Колчаку вызывает в последнее время повышенный интерес исследователей. В центре их внимания вопросы: почему казачьи атаманы Дальнего Востока не захотели (или не смогли?) оказать последнему действенную поддержку в противоборстве его вооружённых формирований с армиями советского Восточного фронта и какую роль могли бы сыграть строевые части дальневосточников в ходе и исходе этой борьбы? В предлагаемой вниманию читателей статье кратко рассматривается процесс формирования ДКВ, состав и боевые возможности их строевых частей, а также делается попытка дать ответ на вопрос о причинах нежелания руководителей казачества Дальнего Востока направить подчинённые им войска на помощь Колчаку.

Дальневосточные казачьи войска (Забайкальское, Амурское, и Уссурийское) принимали самое активное участие в Гражданской войне на Дальнем Востоке на стороне Белого движения.

Весной—летом 1918года на Дальнем Востоке начались боевые действия между советскими войсками с одной стороны и чехословаками* и белогвардейцами — с другой. Союзники России в Первой мировой войне, входившие в состав Антанты, — Япония, Великобритания, Франция, США и Китай оказывали Белому движению значительную финансовую и материальную поддержку. На стороне антибольшевистских сил выступила также значительная часть дальневосточного зажиточного и среднезажиточного казачества. В первой декаде августа 1918года во Владивостоке произошла массовая высадка войск интервентов (американские, английские, французские и японские десанты), принявших непосредственное участие в боях на стороне белогвардейцев. Это предопределило поражение советских войск на Дальнем Востоке. 26августа белогвардейские и чехословацкие части, наступавшие из Сибири, захватили Читу, а 31августа на ст.Оловянной они соединились с наступавшим из Маньчжурии Особым Маньчжурским отрядом забайкальских казаков во главе с атаманом есаулом Г.М.Семёновым и чехословаками, прибывшими из Приморья. 4—5сентября выдвигавшиеся со стороны Приморья войска Особого казачьего отряда под командованием атамана Уссурийского казачества есаула И.М.Калмыкова, японские, а также (позже) и американские части заняли Хабаровск. 18сентября в Благовещенск вошёл Амурский отряд под командованием атамана Амурского казачьего войска эсера И.М.Гамова, а затем японские войска высадились на Камчатке. В сентябре советская власть на Дальнем Востоке была повсеместно свергнута. Большевики перешли к подпольной и партизанской борьбе.

К этому времени на восточной окраине России образовался целый ряд антибольшевистских правительств, как областных, так и с претензией на всероссийскую роль. Атаман И.М.Калмыков отказался их признать и объявил автономию Уссурийского войска. Для ликвидации всех этих правительств и переговоров с интервентами из Омска на Дальний Восток прибыл председатель Временного Сибирского правительства (ВСП) П.В.Вологодский, миссия которого в ряде случаев имела успех. В Забайкалье есаул Г.М.Семёнов, пользовавшийся большим авторитетом среди белогвардейцев как один из первых, кто поднялся на борьбу с большевиками, к тому же располагавший определёнными военными силами и поддержкой со стороны Японии, заявил о своём подчинении ВСП. Однако ни Амурское, ни Уссурийское казачьи войска власти этого правительства не признали.

После свержения советской власти Дальневосточные казачьи войска начали своё восстановление**. Осенью 1918 — в начале 1919года происходило формирование и обучение их строевых частей. Призваны были казаки младших сроков службы. Фронтовики-участники Первой мировой войны призыву не подлежали: в качестве официальной причины называлась их «усталость», хотя на самом деле это было обусловлено тем, что большинство фронтовиков вернулось с войны пробольшевистски настроенным и принимало активное участие в установлении советской власти на Дальнем Востоке.

* 25 мая сформированный в России в апреле—июне 1917г. из военнопленных австро-венгерской армии и русских подданных чешской и словацкой национальности корпус (около 50тыс. человек) поднял мятеж против советской власти.

** Весной и летом 1918 г. по настоятельной просьбе беднейших и части среднезажиточных казаков ДКВ были советской властью упразднены.

<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

ПОДШИВАЛОВ Иван Анатольевич —

студент исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова (Москва)

ФАЛЬШИВЫЕ МЕМУАРЫ

Как-то на сайте одного из крупных интернет-магазинов я увидел книгу из серии «За линией фронта. Мемуары»*. Мемуары участника операций спецподразделений, да ещё человека «с той стороны» всегда вызывают интерес. Я не удержался и заказал книгу. И пожалел. Впрочем, судите сами.

Автор описывает операции 115-го Прусского отряда гитлеровских военно-морских сил, куда молодой аристократ и яхтсмен Георг фон Конрат поступил 15-летним юношей весной 1938года. Через бмесяцев обучения ему присвоили в присутствии Гитлера и Канариса звание младшего лейтенанта. Затем наступил второй период обучения — теперь уже в разведшколе, где юноша должен досконально изучить русский язык и полностью перевоплотиться в лейтенанта Красной армии Григория Кириллова. В школе Конрат-Кириллов, получив чин капитана, изучает стрелковое и ракетное(!) оружие, учится подводному плаванию, вождению автомобиля и танка, парашютным прыжкам, причём после приземления бегаёт с «развевающимся за плечами парашютом».

И вот новоявленный немецкий Джеймс Бонд прибывает на советско-германскую границу. Война началась для супердиверсанта с операции по захвату моста. Передвигаясь по советской территории с пением «Катюши», его отряд с необыкновенной лёгкостью меняет караулы, занимает бетонные доты (названные в книге «бункерами») с ничего не подозревающими красноармейцами, которые тут же присоединяются к гитлеровцам и стреляют по своим товарищам. Пришедший на помощь к Конрату полковник СС по этому поводу заявляет: «Они [красноармейцы-предатели] достойны быть свободными людьми, но никак не пленниками войны» (с.102). И несостоявшихся военнопленных отправляют в части генерала Власова, который к тому времени ещё не сдался.

Вторая операция — высадка в Одессе. Для этого фон Конрат тренируется в подводном плавании в Средиземном море и даже в Ла-Манше. На операцию диверсантов провожает вновь лично фюрер. По мнению автора книги, Одесса окружена горами, а с юга, видимо, из-под воды к ней движется миллионная армия под командованием генерала Жукова. Высадившись с подводной лодки на берег с пением неизменной «Катюши», фон Конрат натывается на часового и вместо пароля называет первые пришедшие ему на ум русские слова — «синее море» (с.169). Выпив водки с часовым, brave диверсанты продолжили свой путь — ещё бы, ведь их документы подписаны самим «генералом Жуковым». Первым русским офицером, с которым фон Конрат завязал дружеские отношения, оказался майор со звучной фамилией Калоша, который, напившись, мастерски пляшет казачок на столе (с.193). Основная задача диверсантов заключалась в том, чтобы, «приблизившись к детонатору и чиркнув спичкой, безопасно поджечь взрыватель» (с.240). Оказывается, речь идёт о противотанковых минах с боеголовками и мешках с порохом» для взрыва очередного моста. Затем открывается картина горящей Одессы, подожжённой диверсантами «мощнейшими нитроглицериновыми(!) бомбами», а группа фон Конрата, успешно выполнив задание, уходит на захваченных танках, уничтожая по пути массу техники, в том числе и очередной супертанк «Иосиф Сталин». Совершив ещё массу «подвигов», диверсанты прорываются к своим, но автор как бы даёт читателю гарантию, что «мемуары» будут продолжены, так как в последних строках адмирал Канарис произносит: «Теперь вас зовут Василий Баранов из Смоленска». Так что можно ждать дальнейших приключений фон Конрата-Баранова, которым, пожалуй, и сам господин Мюнхгаузен позавидовал бы. Удивительно, впрочем, не то, что эта пустопорожняя брехня появилась на свет, а то, что её, ничтоже сумняшеся, перевели на русский язык.

Но дело не столько в этом. В конце концов над авторскими (или переводческими) ляпами можно посмеяться — только и всего. Опасность в том, что под видом воспоминаний, которые пользуются доверием, читателям подсовывается откровенная и злонамеренная ложь. Такая спекуляция на доверии может привести к тому, что мифический майор Калоша или сдавшиеся семнадцатилетнему немецкому капитану в первые часы войны красноармейцы сформируют в сознании читателей, интересующихся военной историей и не видевших той войны, её искажённый образ. В этой псевдореальности, как в параллельном мире, будут существовать отважные и вездесущие немецкие диверсанты, легко побеждающие незадачливых бойцов и командиров РККА. На наш взгляд, публикация такого рода фальшивок является глумлением над памятью о Великой Отечественной войне и формирует неправильное представление об истории нашего народа.

* Конрат Г. фон. Немецкие диверсанты. Спецоперации на Восточном фронте. 1941—1942гг. / Пер. с англ. Н.В.Гасановой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 335 с.

ПУТЬ ДОБЛЕСТИ И СЛАВЫ 18-ГО ЕГЕРСКОГО ПОЛКА В 1812—1814ГГ.

18-й Егерский полк ведёт свою историю от 1-го Сибирского Егерского батальона, сформированного в Омске 10апреля* 1786года¹. 29ноября 1796-го 1-й Сибирский Егерский** батальон был переименован в 19-й Егерский, а 29марта 1801года он стал полком и получил номер 18.

Полк располагался по частям в крепостях, форпостах, редутах и шанцах Сибирской инспекции. В 1808году, сведённый воедино, он квартировал в Железнинской крепости Тобольской губернии².

В 1810году российский военный министр М.Б.Барклай-де-Толли представил императору АлександруI доклад, где предлагал ряд мероприятий по подготовке Российской империи к новой войне с Францией. В частности, у юго-западных границ России решено было разместить вновь образованную 23-ю пехотную дивизию (бывшую 24-ю). На что 26августа 1810года последовал высочайший указ: «По безнужности там (в Сибири. — А.М.-Г.) двух доселе ещё остающихся Селингинского мушкетёрского и 18-го Егерского вывести оттуда и сии последние полки, дабы с лучшею пользою для государства они могли быть употреблены в других местах»³.

К этому времени 18-й Егерский полк согласно новым штатам насчитывал 1584человека (схема¹). Первый и третий батальоны считались действующими, а второй — запасным. При выступлении батальона в поход его егерские роты оставались на своих квартирах, а гренадерская рота выступала, входя в особый сводно-гренадерский батальон своей дивизии.

10октября 1808года было издано положение о запасных рекрутских депо. От дивизии туда выделялись штаб-офицер, 6 лучших поручиков, 24унтер-офицера, 240рядовых, 2барабанщика, 3цирюльника и 3 лазаретных служителя. 18-й Егерский, как и остальные полки 23-й дивизии, с 16марта 1811года комплектовался рекрутами из Ельнинского депо⁴. Причём четвёртый батальон последнего стал считаться четвёртым (резервным) батальоном 18-го Егерского полка. В Ельнинское депо, в свою очередь, поступали рекруты из Воронежской, Курской и Харьковской губерний.

Так как егеря служба в егерских полках требовала особых навыков, рекрутов туда направляли лишь «молодых и проворных» (мужчины от 18 до 40лет), а половину некомплекта пополняли мушкетёрами, уже служившими в пехотных полках. В свою очередь 18-й Егерский обязан был (с 1811г.) пополнять ежегодно гвардию (4гренадера и 2стрелка) и Павловский гренадерский полк (6гренадеров и 9стрелков)⁵.

К июню 1812года оба действующих батальона 18-го Егерского полка состояли в 1-й Западной армии, в IV пехотном корпусе⁶, в 23-й пехотной дивизии генерал-майора А.Н.Бахметьева³-го. Полк входил во вторую бригаду вместе с Селенгинским пехотным полком (бригадный командир — генерал-майор Фёдор Пантелеймонович Алексополь, он же и шеф 18-го Егерского). Гренадерская рота второго батальона состояла в первом сводно-гренадерском батальоне своей дивизии, в сводно-гренадерской бригаде IVкорпуса.

Запасной батальон (три егерских роты второго батальона) состоял в 32-й дивизии, предназначенной для формирования 1-й резервной армии, а затем Резервного корпуса Е.И.Меллера-Закомельского, но поступил в гарнизон крепости Динабург⁷.

В 18-й Егерский полк (шеф — генерал-майор Ф.П.Алексополь, командир — подполковник Т.И.Чистяков) к июню 1812 года входили батальоны: два действующих (первый — майора Остен-Сакена, потом Ф.И.Загорского²-го и третий — майора Еремеева); один запасной (второй — майора И.Т.Петрова); один резервный (четвёртый — майора Тимченко-Рубана), а также 2-я гренадерская рота (капитана Левченко²-го) в составе второго сводно-гренадерского батальона 23-й пехотной дивизии при IV корпусе. Полк фактически находился в четырёх разных точках.

IV пехотный корпус 1-й Западной армии находился в Олькениках, а его авангард под командой генерал-майора И.С.Дорохова (1-й и 18-й Егерские, Изюмский гусарский и два казачьих полка с одной ротой лёгкой артиллерии⁸) — в Оранах⁹. Основные силы корпуса отступили к Вильно. Авангарду же приказ в спешке отправлен не был. Отряд генерал-майора Дорохова фактически был разделён на две части. Первая часть — 1-й Егерский, Изюмский гусарский, часть казаков и артиллерия, вторая — 18-й Егерский и казаки.

18-й Егерский следовал в Ловаришки и прикрывал участок между IV пехотным и II резервным кавалерийским генерал-майора барона Ф.К.Корфа корпусами¹⁰.

15 июня Дорохов, соединив обе части авангарда, выступил в Олькеники, надеясь найти там IV корпус, но тот был уже в Вильно. В ночь с 16 на 17 июня капитан гвардейской конной артиллерии А.Н.Сеславин (будущий партизан) доставил Дорохову приказ князя М.Б.Барклая-де-Толли идти на Михалишки. 17 июня арьергард прибыл в Большие Солечники. Дорохов послал конные разъезды по направлению к 1-й армии, но разъезды всюду обнаруживали неприятеля, тогда начальник авангарда принял решение идти на соединение со 2-й Западной армией князя П.И.Багратиона. Отряд Дорохова двинулся на Дзевенишки, Ольшаны и Воложин и 23 июня «вошёл в сношение» с казаками отряда атамана М.И.Платова, а 25 июня в местечке Новый Свержень присоединился к армии князя Багратиона¹¹.

* Все даты в статье даны по старому стилю.

** Егеря — лёгкая пехота; часто использовались в качестве авангарда и арьергарда армии, служба в таких частях, наиболее передовых по своему обучению, состояла в умении действовать в зависимости от боевой задачи штыком или огнём, считалась трудной и почётной и требовала от каждого солдата и офицера инициативы, находчивости и смелости.

<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Звегинцов В.В. Хронология Русской армии 1700—1914 гг. Париж, 1961. Ч. 1. С. 26.

- 2 Ростов Н.Д. Земли Алтайской верные сыны: из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Барнаул, 2003. С.20—22.
- 3 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т.31. С. 335, 336.
- 4 Звегинцов В.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 65.
- 5 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2703. Оп. 4/171. Д. 2. Ч. 3.
- 6 Командир — генерал-майор граф П.А.Шувалов, 25 июня его сменил генерал-лейтенант граф А.И. Остерман-Толстой.
- 7 Габаев Г.С. Роспись русским полкам 1812 года. Киев, 1912. С.29.
- 8 Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 1. С. 149.
- 9 Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1911. Отд. 1. Т. 15. С. 1.
- 10 Там же. С. 4.
- 11 Богданович М.И. Указ. соч. Т. 1. С. 150.

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ

ГАРМАТНЫЙ Виталий Петрович —

преподаватель кафедры философии и истории Барановичского государственного университета (г. Барановичи, Республика Беларусь)

ТАЙНА СМЕРТИ ВИЛЬГЕЛЬМА КУБЕ

Операция по ликвидации гауляйтера Белоруссии Вильгельма фон Кубе стала самой известной и уникальной диверсией белорусских партизан и подпольщиков в годы Великой Отечественной войны. Об этом написаны сотни книг и статей, сняты документальные и художественные кинофильмы, однако многие обстоятельства и детали тщательно спланированной акции остаются не выясненными до сих пор. Автор публикуемой статьи предлагает свою версию убийства гауляйтера, в котором, по его мнению, можно найти след и гитлеровских спецслужб.

Вильгельм фон Кубе (1887—1943) относится к одним из самых талантливых и неординарных деятелей Третьего рейха. В числе его идейных и политических наставников были историк пангерманист Д. Шеффер, руководители движения немецкого антисемитизма Т. Фрич и А. Бартельс. В 1909 году В. Кубе, студент Берлинского университета, увлекавшийся историей и науками о государстве, стал сооснователем и председателем «Немецкого народнического союза студентов», а два года спустя вступил в одну из многочисленных националистических партий Германии того времени — Немецкую социальную партию. В. Кубе работал домашним учителем, редактором нескольких газет, участвовал в Первой мировой войне. После поражения Германии его политическая активность возросла. В 1919 году он основал молодёжную организацию «Союз Бисмарка» (позднее «Бисмарк Югенд»), избирался депутатом городского управления Берлина, рейхстага, ландтага Пруссии. С 1927 года В. Кубе — член гитлеровской Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), 1 декабря получил членский билет под номером j71682, награждён золотым партийным знаком. Спустя год, 13 сентября Гитлер назначил его руководителем фракции НСДАП и гауляйтером¹ провинции Остмарк, которая в мае 1933 года была объединена с провинцией Бранденбург под названием Кукмарк, обер-президентом которой стал Кубе. В то же время он являлся депутатом рейхстага, выделяясь своим аристократическим происхождением среди представителей нацистской верхушки, вышедшей в основном из простонародья. 29 сентября 1933 года Кубе стал оберфюрером (полковником), а 27 января 1934 года почётным группенфюрером (генерал-лейтенантом) СС.

После прихода в январе 1933 года Гитлера к власти Вильгельм Кубе, занимавший до этого пост директора управления Восточной торговой палаты, снова продвинулся по административной лестнице, став председателем торговой палаты Познань — Восточная Пруссия².

Вильгельм Кубе был хорошо образованным и эрудированным человеком, писал стихи и пьесы. Европейскую известность Кубе принесла историческая драма «Тотила», повествующая о последней битве готов с римлянами. Эта пьеса в 1933—1934 гг. неоднократно переиздавалась и с успехом шла в театрах по всей Германии. В «Тотиле» ярко отражена мысль о необходимости единства немецкого народа, которому предназначено судьбою мировое господство³. В сентябре 1933 года на премьеру «Тотилы» в провинциальный театр Шнейдемюля пришёл автор пьесы — В. Кубе. Между ним и исполнительницей главной роли — Сванхильды — молодой актрисой Анитой Лиденколь (Лиден) вспыхнул роман. Ради Аниты Кубе бросил жену Маргарет Шмидт и детей от первого брака: сыновей 15 и 20 лет. Разница в возрасте — Кубе в это время было 46 лет, а Аните только 22 года — не стала для влюблённых преградой, и в 1938 году они поженились. После этого Кубе пьес не писал, а Анита в спектаклях не играла.

В ходе внутренней борьбы за власть в нацистской верхушке Вильгельм Кубе в 1936 году был смещён со всех занимаемых постов. Ему инкриминировалось, что по его приказу без суда и следствия были расстреляны несколько не подчинившихся офицеров и солдат⁴. По другим сведениям, его сняли из-за аферы с доносом и аморальной истории: Кубе обвинили в антипартийном поведении, растрате средств и клевете на «партайгеноссе» — основанием послужило анонимное письмо, автором которого признали В.Кубе⁵. В письме руководитель высшего партийного суда рейхсляйтер Вальтер Бух обвинялся в том, что его жена — полуеврейка, при этом её зятем оказался сам Мартин Борман — в то время член штаба высшего руководства СА, тогда номинально руководившей СС. Гитлер, однако, дал указание сохранить за Кубе должность гауляйтера и место депутата рейхстага. И всё же пять лет Кубе нигде не работал, отсутствовал он и на политической арене. В апреле 1941 года Кубе решил напомнить о себе Гитлеру, послав фюреру поздравление с днём

рожденияб. О В.Кубе вспомнили. Возник вопрос о его трудоустройстве. Предлагались различные варианты. В мае 1941 года шёл разговор о его назначении куратором высшей технической школы и медицинской академии Данцига (Гданьска), в начале июня — о месте куратора Кёнигсбергского университета. Фюрер был против. Он хотел, «чтобы Кубе непременно был назначен на ответственную должность на Востоке»⁷. Это благодеяние оказалось равносильно приговору к высшей мере. Достанься В. Кубе спокойная должность в Пруссии, вся его жизнь, скорее всего, сложилась бы по-другому. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Нем. Gauleiter — в гитлеровской Германии руководитель фашистской организации в области и главный администратор самой области.

2 Попов А.Ю. Ликвидация гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе // Исторический архив. 2002. № 1. С. 52.

3 Космач Г.А. Гауляйтер В. Кубе о фашистском движении и «национал-социалистической революции» в Германии (1928—1934гг.) // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі. Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск, 28 лістапада 2003 г. У 3 ч. Ч. 3. С. 755.

4 Дубровский Н.В. Бессмертие подвига: документальная повесть. Минск: Народная асвета, 2007. С.37, 38; Лота В. Операция «Возмездие» // Красная звезда. 2005. 2 февраля.

5 Кнатько Г.Д. Чёрные мифы Вильгельма Кубе // Советская Белоруссия. 2002. 30 марта.

6 Коршук В.К. Вильгельм Кубе и Беларусь // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы навуковай канферэнцыі. Мінск, 23 мая 2002 г. Мінск: МДЛУ, 2002. С.79.

7 Кнатько Г.Д. Указ. соч.

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

Тропов Игорь Анатольевич —

доцент кафедры социально-гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (ГУАП), кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

В октябре (ноябре) 1917 года к власти в России пришло новое (советское) правительство, сменившее прежнее — Временное, устранившее монархический строй в ходе Февральской революции. Вместе с тем Республика Советов оказалась не только в международной политической и экономической блокаде, но и втянутой в Гражданскую войну, которую развязали и всячески подогревали страны Антанты, организовав против бывшей союзницы (царской, а затем буржуазной России) вооружённую интервенцию, направляя на её территорию террористические группировки.

Угроза реставрации в стране прежней системы управления, а также необходимость борьбы с интервентами и различными бандами потребовали от советского правительства создания, причём на совершенно новых принципах, мобильных вооружённых сил — Красной армии. Основой же последней явились так называемые народные дружины (рабочие, крестьянские), появившиеся ещё до установления советской власти.

Идея замены постоянного войска народным ополчением или, иначе говоря, всеобщим вооружением народа была одной из составных частей марксистского учения о социально-политическом и военном развитии общества после победы социалистической революции. Анализируя с точки зрения классовой борьбы опыт европейских стран (прежде всего Франции), К.Маркс и Ф.Энгельс сформулировали положение о необходимости ликвидации в ходе революции старой армии и военно-бюрократического аппарата, а также о целесообразности комбинирования двух форм организации вооружённых сил народа: «1) пролетарской гвардии в городах, крестьянской гвардии в сельских местностях... для несения внутренней службы и 2) регулярной армии — против вторжения»¹.

Эти положения были легко впитаны русскими марксистами² и начали реализовываться на практике вскоре после победы Февральской революции. Практическим воплощением идеи вооружения трудящихся и стали отряды Красной гвардии, возникшие в крупных пролетарских центрах страны.

Красногвардейские дружины, оформившиеся «в автономную организацию, независимую от Советов и партий»³, сыграли большую роль в революционных событиях 1917 года. Но уже вскоре после прихода к власти большевиков стало ясно, что такая система организации вооружённых сил изжила себя. Это было связано прежде всего с быстро менявшейся внутривнутриполитической обстановкой в стране: общество раскололось и стремительно скатывалось в пучину Гражданской войны. Если отряды Красной гвардии были пригодны для захвата власти в Петрограде и её удержания в первое время после революции, то для противостояния сравнительно более организованным силам Белой гвардии и интервенции они были явно недостаточно мобильны⁴.

Необходимо учитывать и другое обстоятельство: идея всеобщего вооружения предполагала наличие оружия у народа, а в условиях известного ослабления государственных институтов в революционный период осуществлять контроль над ним было крайне сложно, а то и вовсе невозможно. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, сохранившиеся в архивных фондах. Так, в конце сентября 1917 года в Министерство внутренних дел Временного правительства поступила информация о том, что в Одессе отрядами Красной гвардии «насильственно закрыты цветочные магазины». В сравнении с нараставшими в стране социально-экономическими и политическими

проблемами этот факт можно было бы считать несущественным и анекдотичным, если бы не другие строки донесения: «Жалобы местному комиссару, прокурору и начальнику военного округа остались безрезультатными. Владельцы магазинов просят министерство [внутренних дел] оказать содействие к открытию магазинов»⁵. Местные органы Временного правительства, как видим, к осени 1917 года слабо контролировали ситуацию на местах и, по сути, не могли защитить даже интересы владельцев цветочных магазинов.

Проблемы контроля над оружием и организации вооружённых сил сохранились в России и после прихода к власти большевиков. В одном из отчётов о деятельности Нижегородского губернского исполкома за период с октября 1917 до июня 1918 года говорилось буквально следующее: «Что касается вооружения Советов, партийных ячеек, то Провинциальный отдел находится по этому вопросу в совершеннейшем неведении. Где сосредоточено больше оружия, в чьих оно руках, отделу неизвестно. Несмотря на запросы Отделу вооружения о присылке сведений, кому выдано и выдаётся оружие и в каком количестве, последний, т.е. Отдел вооружения, по каким-то причинам наши запросы оставлял без ответов»⁶. Плохо учитываемое и свободно гуляющее по рукам оружие по-прежнему благоприятствовало росту преступности и представляло большую опасность для новой власти. Под воздействием этих обстоятельств большевики от своего прежнего лозунга вернулись к тому, от чего они чересчур поспешно отказывались раньше. Впрочем, воссоздание русской армии в новых исторических условиях имело свои особенности и сопровождалось целым рядом проблем, на которые новой власти волей-неволей приходилось откликаться.

15 января 1918 года после целого ряда подготовительных мероприятий появился декрет Совнаркома об организации Рабоче-крестьянской Красной армии⁷. Первоначально (до мая 1918 г.) РККА строилась на добровольческих началах «из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс», поэтому не требовалось масштабных усилий государственной власти по её формированию. Деятельность органов центральной и местной власти носила главным образом агитационно-пропагандистский характер. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Госполитиздат, 1956. 2-е изд. Т.7. С.518.

2 Подробнее см.: Азовцев Н.Н. Военные вопросы в трудах В.И.Ленина. М.: Воениздат, 1964, 2-е изд. (М., 1972).

3 Верт Н. История Советского государства. 1900—1991 / Пер. с фр. М.: Весь мир, 1998. С. 84.

4 См.: Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. 1917—1918. 2-е изд. М.: Наука, 1987. С. 254.

5 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 152. Оп. 4. Д. 165. Л. 29.

6 Доклад Провинциального отдела об организации советской власти на местах // Общество и власть. Российская провинция (по материалам нижегородских архивов). / Сост. А.А.Кулаков и др. М.: ИРИ РАН, 2002. Т. 1 (1917 — середина 30-х годов) С. 47.

7 Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 352—355.

Боле Елена Николаевна —

старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, кандидат исторических наук (г.Сыктывкар, Республика Коми)

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ В ВОЕННЫЕ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Пенсионное обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны наряду с трудоустройством и социальным обслуживанием является основополагающим условием создания риадаптирующей среды для фронтовиков, «вдруг» оказавшихся в разряде социально незащищённой категории населения. Целью предлагаемой автором статьи является изучение нормативно-правовой базы пенсионного обеспечения инвалидов Великой Отечественной — преимущественно рядового, сержантского состава, возвращавшихся из армии в прежние места проживания не по демобилизации, а зачастую ещё задолго до Победы по причине признания негодности к дальнейшему несению военной службы.

Источниковой базой исследования явились постановления по данному вопросу высшей исполнительной ветви власти Советского Союза — Совета Народных Комиссаров СССР. На территории РСФСР имели действие также распорядительные документы специального ведомства — Народного комиссариата (Министерства) социального обеспечения РСФСР, его делопроизводственная документация — приказы, распоряжения и разъяснения нижестоящим инстанциям. В работе использованы материалы Национального архива Республики Коми и Государственного архива Архангельской области.

Впервые советские госорганы, курирующие и отвечающие за социальную сферу, были созданы в 1917 году в виде советов социального страхования. В 1938-м на основании постановления СНК РСФСР от 11 сентября 1937 года их преобразовали в народные комиссариаты социального обеспечения. По Коми АССР с 1 января 1938 года при всех райисполкомах и горсовете Сыктывкара организовали отделы социального обеспечения. В июле того же года сессией Верховного Совета Коми АССР на основе Конституции СССР 1936 года (ст.44, 48) был образован Народный комиссариат Коми АССР¹.

По численности к середине июня 1942 года в Коми АССР с фронта возвратились 563 инвалида войны². В течение месяца прибыли ещё 236 человек³. По данным на январь 1943 года, численность инвалидов войны, получивших пенсию, возросла в три раза в

отношении первых приведённых цифр и составляла 1412 человек, в их числе инвалидами 1-й группы с фронта прибыли 19 человек, 2-й группы — 766, 3-й — 6274. К 1 марта 1943 года в республике проживали зарегистрированных и получавших пенсии через органы соцобеспечения 1699 инвалидов войны, в течение марта того же года с войны «досрочно» вернулись в родные края ещё 129 человек⁵. В соседней с Коми АССР Архангельской области по состоянию на январь 1943 года инвалидов войны, получавших пенсию по линии отделов соцобеспечения, насчитывалось 5308 человек, из них 1-й группы — 81, 2-й группы — 2718, 3-й — 25096.

К функциям наркоматов соцобеспечения в годы Великой Отечественной относились: осуществление руководства и контроля за проведением в жизнь законов о государственном соцобеспечении; назначение и выплата пособий и пенсий гражданам; руководство трудоустройством инвалидов войны и организация их обучения и переобучения; организация материально-бытового обслуживания социально обеспечиваемых и принятие мер по их обслуживанию лечебно-профилактической и санаторно-курортной помощью; руководство работой врачебно-трудовых экспертных комиссий (ВТЭК); осуществление руководства Союзом кооперации инвалидов, коопинстрахкассами, отделами Общества слепых, глухонемых и контроль за деятельностью этих организаций. Штат Наркомсобеса Коми АССР в 1945 году состоял из 12 сотрудников⁷ при населении республики (без учёта лагерного контингента) в 277,2 тыс. человек⁸.

Резкий рост числа людей не просто с ограниченными физическими возможностями, но немощных, виной чему явилась война, неизбежно вёл к перестройке работы сотрудников органов социального обеспечения. Не сразу пришло понимание, но по отношению к ним в документах вышестоящих структур постепенно стали звучать не директивные указания, а скорее разъясняющие инструкции, в целом подающие психологические установки на пересмотр обращения с людьми с травмированной психикой, обращающие внимание на проявление благодушно-сочувствующего отношения к инвалидам войны со стороны сотрудников соцотделов⁹. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Национальный архив Республики Коми (НА РК). Ф.Р-1499. Оп. 1.

2 Там же. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 1016. Л. 1.

3 Там же. Л. 3.

4 Там же. Л. 20.

5 Там же. Л. 34.

6 Государственный архив Архангельской области (ГА АО). Ф.2065. Оп. 1. Д. 99. Л. 7.

7 НА РК. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 716. Л. 1.

8 Безносова Н.П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Научные доклады. Сыктывкар: Коми научный центр УрО Российской академии наук, 2003. Вып.460. С. 25.

9 НА РК. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 652. Л. 35.

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

ЛОТА Владимир Иванович —

кандидат исторических наук, доцент (Москва)

«СВЕДЕНИЯ ПОЛУЧЕНЫ ОТ НАДЁЖНОГО ИСТОЧНИКА»

О взаимодействии военных разведок стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны

В годы Второй мировой войны разведывательные службы Советского Союза, Англии, США, а также Чехословакии, Франции, Бельгии, Польши, Дании, Голландии, Норвегии и Югославии, несмотря на обособленность и секретность своей работы, нередко действовали сообща против общего врага — фашистской Германии. Можно даже сказать, разумеется — условно, что возник некий разведклуб союзников, члены которого, как правило, не зная друг друга, играли в одной команде. Первыми начали взаимодействовать американская и британская разведки. По крайней мере данные о германском флоте, активно действовавшем в Атлантике, американцы получали в основном от англичан. Однако на первых порах обмен сведениями о противнике между разведками стран, воевавших против Германии, носил эпизодический характер. Никакого органа, способного координировать усилия военных разведок государств, оккупированных германскими войсками, не существовало.

По мере расширения военных действий в Западной Европе руководители военных разведок Польши, Чехословакии, Бельгии, Голландии, Франции и их штабы со средствами связи обосновались в Лондоне. В то же время добывающие резидентуры этих разведок продолжали действовать на территориях оккупированных государств. Шеф германской политической разведки В.Шелленберг¹ считал, что с территориями оккупированных немцами стран в эфире работали до 250 радистов. А это значит, что там действовали по крайней мере 250 резидентур советской, чехословацкой, польской, французской, бельгийской, английской, норвежской, американской и других разведок.

После нападения гитлеровской Германии на СССР У.Черчилль, выступая вечером 23 июня по радио, заявил о готовности Великобритании помочь России и русскому народу².

12 июля 1941 года в Москве было подписано советско-английское соглашение «О совместных действиях правительств СССР и Великобритании в войне против Германии», положившее начало оформлению антигитлеровской коалиции. Согласно этому документу оба правительства обязывались оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода и не вести с гитлеровской Германией никаких переговоров, не заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия СССР и Великобритании.

Эти основные положения, как бы реализовавшие намерения сторон вести войну до победного конца, нашли отражение позже в советско-английском договоре от 26 мая 1942 года «О союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны» и в советско-американском соглашении от 11 июня 1942 года «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессора».

Что касается советско-британского военного сотрудничества, в том числе и в сфере обмена разведывательными сведениями об общем противнике, то реальное развитие этой деятельности получила с прибытием в Лондон в качестве главы советской военной миссии контр-адмирала Н.М.Харламова³. Ему, человеку напористому, но весьма тактичному, удалось наладить взаимодействие не только с военными кругами, в том числе и с британской военной разведкой (Secret Intelligence Service (SIS), условное наименование — MI-6), но и с рядом других государственных учреждений, располагавших теми или иными сведениями о фашистской Германии. Полученные сведения Н.М.Харламов регулярно сообщал в Москву. Они касались в основном боевого состава, дислокации и организации войск немецкой армии за прошедший месяц, что несколько снижало их оперативную ценность. В 1944 году советскую военную миссию в Лондоне возглавил генерал-лейтенант А.Ф.Васильев⁴, успешно продолжив начатую Харламовым работу.

Британской военной миссией в Москве в годы войны руководили генерал-лейтенант Г.-Л.-К.Мартель⁵ и бригадный генерал М.Барроуз⁶. Они часто обращались в Генеральный штаб РККА с запросами о Германии, её вооружённых силах и военной промышленности, которые удовлетворялись, как правило, без задержки. Контроль за выполнением заявок и запросов представителей союзников осуществлял генерал-майор Н.В.Славин⁷, начальник Управления спецзаданий Генерального штаба, которое руководило деятельностью советских военных миссий в союзных государствах. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Шелленберг Вальтер (1910—1952), бригадфюрер СС (генерал-майор), высокопоставленный сотрудник спецслужб нацистской Германии. Руководитель с 1939 г. 6-го управления (внешнего) СД. После роспуска в 1944 г. абвера (германской военной разведки) — глава загранопераций объединённой службы германской разведки. На Нюрнбергском процессе был приговорён к шести годам тюремного заключения. После выхода на свободу в июне 1951 г. издал книгу воспоминаний «Мемуары Шелленберга». В России книга издана под названием «Лабиринт».

2 См.: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М.: Мысль. 1977. С. 33, 34.

3 Харламов Николай Михайлович (1905—1983), адмирал (1949). В ВМФ с 1922 г. В 1941—1944гг. был главой советской военной миссии в Лондоне. В 1944—1946гг. — заместитель начальника ГШ ВМФ, в 1950—1954гг., 1956—1959гг. — командующий Балтийским флотом. В 1961—1971гг. — на ответственных должностях в центральном аппарате ВМФ.

4 Васильев Александр Филиппович (1902—1984), генерал-лейтенант (1944). В Красной армии с 1920г., в военной разведке с 1937г. Участник Великой Отечественной войны. С июля 1941г. — начальник разведывательного отдела штаба Южного фронта. В 1944г. — советский военный представитель при войсках союзников в Италии, начальник советской военной миссии в Англии (ноябрь 1944 — май 1945), член советской делегации на конференции в Сан-Франциско (1945) по выработке Устава ООН. С сентября 1947г. по февраль 1950-го — представитель СССР в Военно-штабном комитете ООН.

5 Мартель Г.-Л.-К. (1889—1958), генерал-лейтенант, заместитель начальника управления механизации военного министерства (1938—1939), командир 50-й дивизии во Франции (1939—1940), командующий Королевским механизированным корпусом (1940—1942), глава военной миссии Англии в Москве (1942—1944).

6 Барроуз М.Б. (1894—1967), генерал-лейтенант, военный атташе Англии в Италии, Албании и Венгрии (1938—1940), командир 9-й механизированной дивизии (1940—1942), 11-й механизированной дивизии (1942—1943), глава военной миссии Англии в Москве, командующий британскими войсками в Западной Африке (1945—1946).

7 Славин Николай Васильевич (1903—1958), генерал-лейтенант (1945). В Красной армии с 1921г., в военной разведке с 1936г. Военный советник в Китае (1936—1938), помощник военного атташе по авиации при полпредстве СССР в Китае (1938—1940), помощник начальника, затем начальник Управления специальных заданий Генштаба КА (1941—1946), начальник Управления внешних сношений (1946—1953), заведующий 2-м Европейским отделом МИД СССР (1953—1955), посол СССР в Дании (1955—1958).

ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ

КРУГЛИКОВ Павел Фёдорович —

кандидат исторических наук, доцент Московского авиационного института (Москва)

АЛЕКСЕЕВА Людмила Леонидовна — филолог (Москва)

ПАМЯТНИК У ДНЕПРА

Окрестности станции Красное, что находится почти на границе Смоленской и Витебской областей, в годы оккупации были ареной действий партизанских отрядов, наносивших ощутимые удары по коммуникациям немецко-фашистских войск. Ценные сведения партизанскому командованию доставляла жительница посёлка Красное Лидия Фёдоровна Бектина (Кругликова). Ныне на поселковом кладбище недалеко от Днепра ей установлен скромный памятник. На нём лишь имя и цифры: 1920—1942. Кто она, что сделала за свою недолгую жизнь? Авторы предлагаемой вниманию читателей статьи, близкие родственники Лиды Кругликовой, рассказывают о боевых делах юной партизанской разведчицы.

Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения¹ (ОМСБОН) НКВД СССР, отряды которой действовали в годы Великой Отечественной войны в тылу врага на Смоленщине и в сопредельной Белоруссии, посвящено немало воспоминаний. А вот о местных жителях, о взаимодействии с партизанами сведения весьма скупы. Причин тому несколько. Главная из них — сам характер разведывательно-диверсионной работы, который не позволял вести строгий письменный учёт всех участников специальных операций, так что и документов с именами партизан практически нет. Что же касается местных партизанских отрядов, то в 1941—1942 гг. в большинстве из них не велось более или менее систематически никакой документации. Кроме того, много документов было утрачено в ходе боевых действий, а часть осталась у самих партизан или в их семьях. Между тем подобные семейные архивы, подкреплённые устными рассказами участников или свидетелей событий тех дней, могут дать немало новых фактов о партизанском движении.

В семейном архиве Л.Л.Алексеевой хранится письмо бывшего партизана Ивана Моисеевича Солдатенкова, адресованное её отцу Леониду Фёдоровичу Кругликову — родному брату Лидии Фёдоровны Бектиной (Кругликовой).

Приведём текст письма полностью.

«Здравствуй, Леонид Фёдорович!

С приветом к вам Иван Моисеевич.

Во-первых, сообщаю, что письмо ваше мною получено 21 числа, на которое даю ответ. Сестра ваша, Лидия Фёдоровна, как я знаю, находилась в партизанском отряде. Она работала связной от местного отряда, которым командовал Талерк, а комиссаром этого отряда был Мельников — он когда-то до войны был директором совхоза [имени] Ленина и председателем Рудненского райсовета, вы его должны знать. В 1942 году в начале октября он погиб. Но командир отряда Талерк не погиб, и он, если не умер, то должен находиться где-то в Белорусской ССР, работает как будто нач[альником] областного управления МГБ или МВД. После смерти Мельникова комиссаром этого отряда был Туманов, до войны он работал секретарем райкома комсомола нашего [Руднянского] района. Ныне он находится также на партийной работе, пока не знаю в каком районе Смоленской области. И ещё: Мартыненко Михаил в этом отряде служил в особом отделе, он тоже в живых, и должен находиться также где-то в Белоруссии, также в службе МГБ или МВД. Отряд этот влился в наш полк в 1943 году. Наш полк назывался Смоленский спецполк особого назначения. Командовал нашим полком подполковник Садчиков, комиссаром полка был майор Юрьев. Они работают оба в Минске, где-то в министерстве БССР. Но они, я считаю, ничего о Лиде не знают, потому что Лида погибла в 1942 году в июне месяце или в июле, точно не помню, отряд к нам присоединился в 1943 году в марте месяце. Из отряда, по-видимому, никто в нашем штабе не зарегистрирован. Да и в нашем

полку были случаи, что при блокаде документы [далее неразборчиво], то есть все документы личного состава уничтожались. Когда я возвратился из госпиталя, меня тоже ни в каких списках не оказалось, но у меня было на руках удостоверение, а с Лидой вполне могло это получиться. Когда была жива и творила полезные чудеса, то она всем нужна была, а как в живых её не стало, так и никому нужна не стала, так у нас бывает.

Погибла она во время выполнения боевого задания, то есть она узнала в Красном от немцев о том, что они готовятся напасть на лагерь партизан, и когда она сообщила партизанам о том, что немцы будут нападать [неразборчиво], и возвращалась из отряда, в это время попала под немецкий артиллерийский обстрел на опушке леса, поля, [неразборчиво] Олыша [неразборчиво], где и погибла, выполнив важное боевое задание. Вот чем я лишь могу вам помочь. Если что непонятно, спрашивай, отвечу. Ещё вот что. Она [Лида] также была связной от отряда, которым командовал Кадушин, он после войны работал в Руднянском районе зам[естителем] председателя райисполкома, и он где-то должен быть на работе, в одном из районов Смоленской области, то есть [неразборчиво] Смоленской области. Как человек, он очень хороший. Вот вам нужно разыскать всех, кого я называю, и вы только так сможете восстановить все данные. Но я не знаю, с какой она была фамилией [неразборчиво], восстанавливать вам нужно [неразборчиво], как пишется её дочь.

До свидания 23/6/59».

Зачем Леониду Фёдоровичу потребовались свидетельства И.М.Солдатенкова? Дело в том, что поиск сведений о погибшей сестре был для Леонида Фёдоровича, помимо естественного родственного интереса, также и практической заботой о её дочери Маше, которой в то время исполнилось 17 лет и которая при наличии соответствующих документов, подтверждающих, что она является сиротой погибших родителей — участников войны, могла рассчитывать на некоторые льготы.

Конечно, в 1959 году связаться с людьми, упомянутыми в письме, Леониду Фёдоровичу не удалось. А вот в наши дни поиск в Интернете² дал следующие результаты.

Никанор Иванович Талерко, в 1941—1943 гг. — командир партизанского отряда, действовавшего на оккупированной территории Витебской области;

Евдоким Николаевич Мельников, в 1942 году — комиссар того же партизанского отряда, погиб;

Андрей Ефремович Туманов, в 1943 году — комиссар партизанского отряда;

Иван Фёдорович Садчиков, в 1942—1943 гг. — командир Смоленского партизанского полка;

Андрей Фёдорович Юрьев, в 1942—1944 гг. — комиссар партизанского отряда;

Андрей Арсентьевич Кадушин, в 1943 году — командир партизанского батальона.

Это говорит о том, что сведения И.М.Солдатенкова об именах командиров партизанских отрядов, действовавших в районе между станцией Красное и городом Орша, абсолютно точны. Однако подробностей о деятельности Лиды Бектиной он сообщить не мог, так как о работе разведчиков и связных знал лишь узкий круг лиц.

Сегодня основными источниками сведений о жизни Лиды Бектиной являются её родственники, в том числе дочь Мария Ивановна Головач и двоюродная сестра Лидия Тимофеевна Карелина.

Лидия Фёдоровна родилась на станции Красное в 1920 году и была младшей из пяти детей Фёдора Гавриловича и Натальи Даниловны Кругликовых. Семья проживала в стандартном доме №15, который называли «казармой». Он был построен для железнодорожников и располагался на территории станции, совсем рядом с пассажирской платформой, и был отделён от неё лишь небольшим плодовым садом. Так что поезда проходили почти что под окнами. Лида окончила техникум в Орше и несколько лет работала на железной дороге. Её два брата были командирами РККА, а две старшие сёстры — замужем за лейтенантами, так что нетрудно представить общий патриотический настрой в семье. Будучи в Минске у своей старшей сестры Марии, она познакомилась с Иваном Никитичем Бектиным, техником-интендантом 2 ранга. А скоро состоялась и свадьба.

Молодые жили душа в душу, Лида строила планы поступления в ВУЗ, ходила на курсы немецкого языка. Весной счастливый Иван Никитич узнал, что будет отцом. Счастье закончилось 22 июня 1941 года. В конце июня Лида приехала к родителям в Красное.

Эвакуация железнодорожников не проводилась, покинуть рабочие места даже при бомбёжке им запрещалось. Фёдор Гаврилович исполнял свой долг. Наталья Даниловна была уверена, что немцев в Красное не допустят. Она уговаривала Лиду остаться. И уговорила. Как дисциплинированная комсомолка, она встала на учёт в местную комсомольскую организацию, где и получила предложение вступить в партизанский отряд. В июле она последний раз увиделась со своим мужем: Иван Никитич смог на несколько часов заехать в Красное. В 1942 году он пропал без вести.

В августе в Красное пришли немцы. А уже в сентябре на территории оккупированных Смоленской и ряда соседних областей появились партизанские отряды. В Руднянском районе Смоленской области, в состав которого входила станция Красное, отрядом командовал бывший председатель райисполкома Е.Н.Мельников. Видимо, в составе этого отряда находился и секретарь Руднянского райкома комсомола А.Е.Туманов. В его обязанности входило привлечение к партизанской борьбе комсомольцев, имевших подготовку и условия жизни, позволяющие выполнять боевые задания. Лида Бектина имела для этого очень хорошие данные: коренная жительница, оставшаяся при пожилых родителях, беременная, а затем вскармливающая грудного ребенка, образованная, физически крепкая, хорошо знающая железнодорожную технику, окружающую местность и имеющая полную поддержку своих патриотически настроенных родителей. С большой долей вероятности можно предположить, что М.А.Кадушин был первым, кто получал от Лиды полезную информацию, хотя к осени 1941 года она была уже на 6—7 месяце беременности. Как бы там ни было, но её дочь Мария Ивановна Головач гордится, что её «крёстными» в январе 1942 года были партизаны.

В феврале 1942 года в Руднянский район для соединения с отрядом Е.Н.Мельникова прибыл отряд «Грозный», входивший в ОМСБОН НКВД, под командованием старшего лейтенанта НКВД Ф.Ф.Озмителя, погибшего в июне 1944 года в Борисовском районе Минской области; звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 5 ноября 1944 года. Отряд Ф.Ф.Озмителя расположился в районе села Озёры, на расстоянии 20 км от станции Красное. Вероятно, боевые действия партизанского отряда Е.Н.Мельникова, как и многих других, поспешно созданных в самом начале войны, были признаны недостаточно эффективными, и Ф.Ф.Озмитель произвёл переформирование, в результате которого

командиром отряда, созданного Е.Н.Мельниковым, был назначен лейтенант Н.И.Талерко, а бывший командир стал комиссаром. В оперативном отношении отряд стал подчиняться командиру отряда «Грозный».

Связь Ф.Ф.Озмителя с Большой землёй временно прервалась из-за того, что при переходе линии фронта в бою была повреждена рация и ранен радист. Выручал прибывший несколько позднее и расположившийся севернее Орши (в районе населённого пункта Бабиновичи) отряд «Особые», также из ОМСБОНа под командованием старшего лейтенанта НКВД М.К.Бажанова. Отряд располагал высококлассным радистом и чётко действующей рацией. Продолжительное время оба отряда действовали в тесном контакте, хотя их базы располагались на расстоянии 15км друг от друга. Вероятно, связь между ними обеспечивалась с помощью связных — местных жителей. Такой связной была, но уже позже, и Л.Т.Карелина.

В начале апреля 1942года отряду «Особые» после боя с карателями пришлось искать новое место базирования. Им стал сосновый бор в 8км от станции Красное на магистрали Смоленск — Орша. В наши дни недалеко от этого места в деревне Блажкино установлен монумент в честь героев ОМСБОНа.

Лида Бектина выполняла разведзадания на станции Красное теперь для отрядов «Особые» и «Грозный». Перебазирование «Особых» ближе к станции значительно облегчало её работу. Добытые сведения в отряды она доставляла либо через связных, либо через тайники — закладки в лесу.

Пользуясь своим легальным проживанием на станции, Лида получала информацию из различных источников. И.М.Солдатенков называет один из них: «Она узнала в Красном от немцев о том, что они готовятся напасть на лагеря партизан...»

Военному коменданту станции Красное подчинялся также отряд полевой полиции, охранявшей военные объекты и опорный пункт. Не исключено, что Лида, неплохо знавшая немецкий, что-то услышала от солдат, пришедших к водоразборной колонке, стоявшей рядом с домом Кругликовых, и на этой основе смогла составить оперативное сообщение. Информация могла поступить и из других источников. Поблизости от посёлка Красное дислоцировался карательный отряд, в составе которого находились чехи. Один из них, проявлявший внимание к Лиде и делавший фотографии маленькой Маши (одна из них сохранилась), сообщил Лиде о готовящемся обстреле партизанских районов.

Другим источником информации были железнодорожники, с которыми отца Лиды связывали крепкие и давние узы дружбы.

Отец стал основным помощником Лиды. Об этом со слов своей бабушки Натальи Даниловны рассказывает Мария Ивановна. Наталья Даниловна просила дочь не ходить в лес, да не тут-то было. «Нет, пошепчутся в уголке с отцом, — рассказывала Наталья Даниловна внучке, — запишет Лида что-то на бумажке, спрячет записку под стелькой в обувь — и побежала в лес. А для отвода глаз схватит с собой корзинку побольше. На партизанском посту уже ждут её записку и заранее собирают для Лиды ягоды. Обратна она возвращается с полной корзинкой, так что если и попадётся полицейскому на глаза, есть оправдание».

Из продолжительной успешной разведработы Лиды, вплоть до её гибели, можно заключить: никто из полиции не заподозрил, что она способна пронести мимо всех постов

и патрулей по тайным тропам к партизанскому посту сведения о времени движения и грузах очередных воинских эшелонов — целей отрядов «Особые» и «Грозного».

Конечно же, в небольшом станционном посёлке ненавистью к захватчикам отличалось не только семейство Кругликовых. Были и другие патриоты, и не только Лидины «источники», но также и те, кто считал своим долгом помалкивать про её отлучки в лес. Однако, как говорится, в семье не без урода. Таким оказался назначенный немцами староста. Без справки, им заверенной, за пределы станции официально было не выбраться, поэтому в отношениях с ним требовалась особая осторожность. Ужесточение режима произошло летом 1942года. Приехавшую тогда в Красное из Орши свою двоюродную сестру Лида, как это бывало раньше, у себя на станции не оставила, а повела в соседнюю деревню Зюзьки, в которой жила семья её дяди. Здесь появление нового человека было не так заметно для полиции, как в доме Кругликовых. Однако Лида ошиблась в своих расчётах. Едва девушки добрались до деревни, как их задержали полицаи. «Лида вела себя очень решительно, — вспоминает Л.Т.Карелина. — Она строго запретила мне говорить, что я прибыла из Орши. Через несколько часов нас отпустили, но об устройстве меня на жительство у родни уже не было и речи. Возможно, что условием освобождения было наше немедленное возвращение в Красное. Поэтому обратно мы просто бежали. В тот же день я была отправлена обратно в Оршу. Только после войны я узнала, что Лида погибла всего через несколько недель после этой моей поездки. А на следующий год и я оказалась в партизанском отряде имени К.Заслонова, была связной, участвовала в боевых действиях до самого освобождения Белоруссии».

Отряды Ф.Ф.Озмителя и М.К.Бажанова имели значительное количество взрывчатки. Рельсовая война сразу активизировалась. «На боевом счету “Грозного” было 9эшелонов с боевой силой и техникой врага, сотни убитых гитлеровцев и полицейских»³. Успешно действовал и отряд «Особые»: его бойцы подорвали 10эшелонов, взорвали мост на шоссе Орша — Смоленск, 29автомашин с вражескими солдатами и военными грузами⁴.

Против отрядов «Грозный» и «Особые» немцы использовали хорошо вооружённые специальные моторизованные и конные отряды, практиковали массовое минирование местности и артиллерийские обстрелы лесных массивов, в которых предполагали нахождение партизан. Однако поставленных целей им достичь не удалось. С начала весны 1942года обстановка в «Смоленском треугольнике», в областях, примыкавших к Орше, Витебску и Смоленску, сложилась особенно напряжённой, и враг нёс ощутимые потери. Оккупантам пришлось увеличивать численность гарнизонов на железнодорожных станциях и в населённых пунктах, минировать выходы из леса. Крупные карательные отряды противника заняли населённые пункты Озёра, Олыша, Гичи, Кисели, мимо которых как раз и проходили партизанские тропы Лиды и её связных.

Режим стал ещё более строгим, в частности «было запрещено движение местных жителей по улицам с 6.00 до 16.00. В остальные часы всех появившихся на улице без соответствующих документов немецкие патрули арестовывали, а то и расстреливали на месте»⁵. Всё это затрудняло доставку сведений партизанам. А потом информации увеличивались. Так, летом 1942года через станцию Красное в сторону Смоленска прошли два эшелона с людьми, одетыми в красноармейскую форму. Это не ускользнуло от зорких глаз Лиды и Фёдора Гавриловича. Их сведения перепроверила разведка «Грозного». Как выяснилось, это была особая команда «Зондерфербанд Граукопф» из 313человек, имевшая задание пробраться в действовавшую в тылу врага оперативную группу генерал-лейтенанта П.А.Белова⁶, убить командира, склонить бойцов к переходу на сторону немцев или деморализовать. Коварный план врага удалось сорвать.

Наталья Даниловна предполагала, что дочь погибла в конце июля или в начале августа 1942 года. В это время оккупанты готовились к крупной операции против партизан в треугольнике Витебск — Орша — Смоленск, которой они дали названием «Greif».

Для участия в операции были задействованы шесть армейских полков, артиллерийские, полицейские, сапёрные, жандармские подразделения и силы СД7.

Нет сомнения, что последние донесения Лизы Бектиной касались конкретных признаков подготовки карателями крупномасштабной акции против партизан. Об этом пишет и И.М.Солдатенков: «...погибла она во время выполнения боевого задания... она узнала в Красном от немцев о том, что они готовятся напасть на лагеря партизан».

В памяти Натальи Даниловны сохранилось твёрдое обещание Лиды перед уходом в лес, что она идёт в последний раз. Лида знала, что партизан ждут тяжёлые бои и связь с ними на длительное время будет прервана. Не следует исключать и её возможные планы по спасению от репрессий собственной семьи, для чего пришлось бы покинуть Красное, а следовательно, и заморозить связь с партизанами.

В свой последний поход Лида взяла большую для того времени ценность — золотые часы, подаренные мужем. Вероятно, других у неё не было, а время отсутствия по месту жительства приходилось строго контролировать. Однако на войне всё рассчитать невозможно. Лида не могла знать, что к 20 июля отряд «Особые» после тяжёлых боёв и ранения М.К.Бажанова перебазировается в другой район. Не найдя на условленном месте партизанский пост, Лида решила сама исполнить роль связного и доставить в отряд «Грозный», базировавшийся в районе дальней деревни Озеры, полученные сведения.

В письме И.М.Солдатенкова говорится, что своё важнейшее сообщение о грозящей блокаде она донесла до отряда. Об этом свидетельствует и тот факт, что отряд Н.И.Галерки, который базировался на границе зоны блокады и должен был первым попасть под удар 14-го полицейского полка, успел между 20 июля и 10 августа занять более благоприятные позиции и уйти из-под удара. Избежали разгрома и соседние отряды партизан.

Дочь Лидии Фёдоровны Мария Ивановна со слов своей бабушки Натальи Даниловны так рассказывает о том времени: «Когда полицейские обнаружили, что моя мама пропала, они арестовали и удерживали дедушку как заложника. При этом объявили, что он будет расстрелян, если дочь не явится. Когда же стало известно, что под Ольшей от взрыва снаряда погибла молодая женщина, его выпустили с требованием, чтобы Фёдор Гаврилович нашёл дочь и доставил в Красное».

Узнать изуродованное взрывом тело дочери Фёдору Гавриловичу помогли наручные золотые часы. Отец доставил труп в Красное. Вместе с Натальей Даниловной они похоронили дочь на поселковом кладбище, а сами, забрав маленькую внучку, т.е. меня, и собрав самое необходимое, бежали в лес».

Конечно же, о похоронах Лиды Бектиной стало известно старосте. Всё говорило за то, что она была связана с партизанами. Староста довёл эти сведения до коменданта станции. Последовал приказ: дом Кругликовых сжечь, что и было незамедлительно исполнено.

Фёдору Гавриловичу с Натальей Даниловной и полугодичной Машей удалось найти в лесу землянку. На их счастье уцелела и корова, которую они прятали в лесу от оккупантов. Каким-то невероятным чутьём она нашла своих хозяев. Благодаря её молоку,

мёрзлой картошке с неубранного поля и лесным травам бедствующей семье удалось прокормиться до осени 1943года — до освобождения Руднянского района. Однако жить в Красном было негде. Власти устроили бездомную семью в деревне Тетери, что недалеко от посёлка Голынки. Хотя и трудно, но в краю, разрушенном захватчиками, начала налаживаться мирная жизнь. Сегодня из названных здесь лиц здравствуют Мария Ивановна и Лидия Тимофеевна. Они ежегодно бывают в Красном, ухаживают за могилой. Не раз бывали там и авторы этих строк.

Хотелось бы надеяться, что данная публикация станет ещё одним подтверждением простой истины: если каждый из участников поведает людям хотя бы маленькую историю периода Великой Отечественной войны, в ней останется меньше неизвестных страниц.

Примечания

1 5 июля 1941 г. была создана Особая группа при наркомвнудел СССР, которую возглавил П.А.Судоплатов. На неё были возложены следующие функции: разработка и проведение разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии и её сателлитов; организация подполья и партизанской войны; создание нелегальных агентурных сетей на оккупированной территории; руководство специальными радиограммами с немецкой разведкой с целью дезинформации противника.

Силы Особой группы состояли из двух полков, которые делились на батальоны, отряды, спецгруппы.

В октябре 1941 г. войска Особой группы были переформированы в ОМСБОН НКВД СССР в составе двух мотострелковых полков со специальными подразделениями (сапёрно-подрывная рота, авторота, рота связи, отряды спецназначения, школа младшего начсостава и специалистов).

Перед бригадой ставились задачи: оказание помощи Красной армии средствами разведывательных, диверсионных, военно-инженерных и боевых действий; содействие развитию массового партизанского движения; дезорганизация фашистского тыла, выведение из строя коммуникаций врага, линий связи и других объектов; осуществление стратегической, тактической и агентурной разведки; проведение контрразведывательных операций.

В ОМСБОН было более 25тыс. солдат и командиров, из них 200иностранцев. Его подразделения действовали на всех фронтах, в тылу врага вплоть до Берлина.

С июля по октябрь 1941 г. особая спецгруппа ОМСБОН создавала базы для действий отрядов бригады на территории Гомельской, Брянской, Орловской областей.

Забрасываемые в тыл врага группы обычно насчитывали 30—50человек. Но после первых же операций их численность быстро увеличивалась за счёт местного населения и военнотружущих, вышедших из окружения, и они превращались в сильные партизанские отряды и соединения. Так, отряд «Неуловимые», возглавляемый М.С.Прудниковым, из опергруппы в 28человек к лету 1944г. вырос в мощное соединение, в состав которого входило более 3000партизан.

2 Мананенков А.Л., Горелик Е.П., Маркова А.Ф. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1942 — июль 1944): краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад, отрядов и их личном составе. Минск, Беларусь, 1983г. Сайт Интернет: «Командный состав партизанских формирований, действовавших на территории Белоруссии в период Великой Отечественной войны».

3 Зевелев А.И., Курлат Ф.Л. Люди особого назначения. М.: ЭКСМО; Яуза, 2003. С. 126.

4 Там же. С. 142.

5 Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 75.

6 Оперативная группа генерал-лейтенанта П.А.Белова, в которую входил 1-й гвардейский кавалерийский корпус, оказалась в окружении в ходе Ржевско-Вяземской операции, проведенной 8 января — 20 апреля 1942 г. Сохранившиеся силы 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и 4-го воздушно-десантного корпуса смогли выйти из окружения лишь к концу июля 1942 г.

7 СД — политическая разведка фашистской партии Германии. Вместе с полицией безопасности ЗИПО участвовала в акциях по массовому уничтожению населения на захваченной советской территории.

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

*Публикация: ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич —
ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)*

А.Г. БРИКНЕР

СМЕРТЬ ПАВЛА I

Заключение

Произведённое событием впечатление

С быстротою молнии разнеслась по столице весть о происшедшем перевороте. Повсюду можно было слышать выражения громкой, торжествующей радости. При встречах обменивались приветствиями, как после долгой разлуки, обнимались и поздравляли друг друга. Могло казаться, что каждый в отдельности избежал грозившей ему лично опасности. Люди, не имевшие понятия друг о друге, делились своими чувствами, как самые близкие друзья.

Александр обещал в своем манифесте управлять государством в духе своей бабушки Екатерины II. Это был протест против злоупотреблений царствования Павла. Общество с своей стороны очень скоро обратилось к традициям великой императрицы и старалось забыть полицейский режим эпохи Павла. Словно сговорившись между собой, все жители столицы появились утром 12[24]марта на улицах в костюмах, причёсках и выездах, которые были строжайше запрещены при Павле. Снова можно было увидеть причёски «а la Titus»; косички исчезли; длинные брюки, круглые шляпы, сапоги с отворотами безнаказанно появлялись на улицах. Опять встречались выезды цугом. На улицах столицы было много жизни и движения в противоположность той гробовой тишине, которая царила до этого.

Повсюду во всей стране известие о смерти Павла было воспринято, как мановение волшебного жезла. Все с восторгом почувствовали, что правовые устои, личное достоинство и материальное благосостояние были снова обеспечены. Наступила новая жизнь. Непосредственно после катастрофы широкие круги общества могли тем более радоваться перемене правительства, что среди них ещё не было известно, какое ужасное насилие, какое преступление, можно сказать, коллективное преступление положило конец жизни деспота. Только спустя некоторое время распространились слухи о страшной трагедии, которая разыгралась в стенах императорского дворца. Как бы многие ни возмущались этим актом насилия, но результаты устранения Павла были встречены всеми с глубоким чувством удовлетворения. Налицо был совершившийся факт и его принимали как благодеяние, которое принесло пользу всей стране. Желание Екатерины сбылось: вместо Павла царствовал Александр.

Послушаем теперь, как некоторые современники высказывались об этом перевороте.

Один из высших сановников Татищев писал из Петербурга вскоре после убийства Павла своему дяде графу С.Р.Воронцову в Лондон: «Я разделяю ваше удивление и вашу радость по поводу полученных депеш. Наше отечество, освобождённое наконец от невыносимого гнёта, под которым оно стонало целых четыре года, было неожиданно спасено и имеет теперь доброго, кроткого государя... Нам всем кажется, что мы возродились к новой жизни. Представления о тюрьмах, застеночных пытках, проскрипциях исчезли как страшный призрак, отлетели как тяжёлый сон. Вместо этого у нас воскресли надежды на общее благосостояние, на обеспеченное существование отдельных лиц, на счастье, о котором мы едва смели мечтать в эту ужасную эпоху, которая повергла в траур всю нашу страну и подорвала все её жизненные источники. Будем надеяться, что благодеяния нового царствования в короткое время вознаградят нас за многочисленные удары судьбы, которые поразили нас в последние годы».

В таком же духе выражает свою радость и доктор Роджерсон в своём письме к Воронцову: «Теперь мы опять можем возобновить нашу дружескую переписку, мы не должны уже больше дрожать перед опасностью шпионажа и доносов. Событие 12марта (если не принимать во внимание обстоятельства, которые оставляют тягостное впечатление, хотя они, может быть, и были неизбежны) совершило полный переворот в настроениях людей и общем облике всей обстановки. Снова наступила свобода и восстановлено взаимное

доверие между людьми»¹. В том же смысле пишет Николаи: «Великое и счастливое событие 12 марта представляет слишком обильный материал для размышлений, чтобы можно было взяться писать о нём подробно. Ваше служебное положение и ваше состояние, которым грозила такая страшная опасность, снова так внезапно восстановлены. Я в восторге не только за вас, но и за всеобщее благосостояние».

Близкий друг Воронцова Завадовский получил известие о перемене правительства в месте своей ссылки, в своём имении. В числе многих сановников он немедленно был приглашён ко двору Александра и оттуда писал Воронцову: «Я не надеялся дожить до того момента, когда Россия будет избавлена от тех ужасных невзгод, от которых страдали все классы общества. Я не рассчитывал дожидаться конца тех преследований, которые и меня постигли. Мы должны быть благодарны судьбе, которая избавила нас, наконец, от бедствий прошлого царствования. Залечиваются старые раны. Кнут и топор не возродятся вновь. Кроткий и милостивый ангел царит над нами. Мы на опыте узнали, какие ужасы существовали во времена Иоанна Грозного. Ты можешь себе представить нашу общую радость. Снова дух воспрял. Никто не боится ни думать, ни говорить о том, что только может пользу принести. Появилось сознание своего достоинства. Никто не ожидает, что его каждую минуту могут заключить в тюрьму, и т.д.»

«Голос народа, — писал адмирал Чичагов, — едва в состоянии выразить ту радость, которую мы все испытываем. Из глубины печали, в которую нас ввергли, мы вознеслись на вершину счастья. Мы снова возвращаемся к правовым порядкам, к которым мы привыкли в царствование Екатерины. Её “дух законов” снова будет господствовать среди нас»².

О той радости, которая охватила жителей Москвы при известии о восшествии на престол Александра, князь Вяземский писал: «Тут царит неопишущий восторг, но это ещё ничто в сравнении с тем, что рассказывают о Петербурге»³. То же самое пишет племянник Воронцова граф Бутурлин по получении известия о смерти Павла. «Возблагодарим провидение за его решение», — пишет он в своём первом письме, и через несколько дней: «Радость по поводу нового царствования стала всеобщей; в соборе, где я приносил присягу, все были в восхищении; все поздравляли друг друга и обнимались, наступило какое-то необычайное ликование»⁴. Из Киева писал граф Морков в таких же восторженных выражениях, припоминая при этом царствование Екатерины: «Это великое событие зажжет и в наши дни солнце счастья, которое светило нам раньше в течение тридцати пяти лет»⁵.

Также и за пределами России впечатление от известия о происшедшей великой перемене было чрезвычайно велико. Алексей Орлов, который жил как изгнанник в Дрездене, писал оттуда Воронцову: «После всех жестоких бурь и непогод, которые погубили так много народа, я желаю вам здоровья и всякого счастья. Божьей милостью засияла над нами яркая звезда и возвестила нам весну; многие несчастные, изувеченные и еле дышащие снова ожили и возносят свои молитвы Господу за счастливое воцарение нового монарха. Мы все, русские, можем сказать: не одни только бедствия судил нам Господь; ещё раньше Святой недели наступило для России и всех нас воскресение, и я желаю вам счастья по этому случаю. Аминь». И далее: «Восхвалим Господа, что нас ещё не окончательно съели. Аллилуя, аллилуя и ещё раз аллилуя! У меня словно тяжесть с души упала. Я всегда боялся, что покойный император выдаст мою дочь замуж против её воли. Теперь я освобожден от угнетавшей меня заботы. И во всей России дышится свободней. Замечательно, что даже местные жители, все, от низших до высших слоёв, были чрезвычайно обрадованы этим известием».

Граф Кочубей также жил в Дрездене. Тотчас по получении известия о смерти Павла он отправился в Петербург. Перед своим отъездом он писал Воронцову: «Теперь все честные люди должны собраться и сплотиться вокруг императора Александра и делать всё, чтобы залечить те многочисленные раны, которые нанёс Павел нашему отечеству»⁶.

Очень большое впечатление произвело известие также и в Лондоне, откуда священник русского посольства Смирнов писал графу Воронцову в Соутгэмптон: «Ваша душа может отдохнуть от всех тревог. Павел ушёл на вечный покой. Только что прибыл курьер из Петербурга... теперь вы восстановите свои права; теперь нам нечего бояться своей собственной тени... Добрый князь Капельчикала плакал от радости» и т.д.⁷ Итальянский посол Капельчикала, состоявший в дружбе с Воронцовым, писал последнему: «Мой друг! Какая ошеломляющая новость! Какое утешение для меня и для моей семьи видеть, как благоприятно изменились обстоятельства для вас, как вы снова займёте свой пост... Существует Провидение, которое управляет всем... Это поведёт к большим переменам в международных отношениях» и т.д.⁸

Таковыми же чувствами дышит письмо бывшего английского посла в Петербург Уайтворта, незадолго перед тем изгнанного Павлом из России, к тому же Воронцову: «Как мне выразить вам свои чувства по поводу этого события, которое указано Провидением. Чем больше я о нём думаю, тем больше я благодарю небеса» и т.д.⁹

Но в чашу радости была прибавлена горькая капля полыни. Хотя граф С.Р.Воронцов и считал свержение Павла спасением от величайшей опасности, как он писал, между прочим, своему брату, хотя он, как мы помним, сам желал этого устранения Павла, но обстоятельства, при которых насильственный акт был совершён, внушали ему крайнее отвращение. В письме, написанном лимонным соком, он высказывает своему брату удивление по поводу того, что духовный отец этого преступления Пален не удаляется от двора, и выражает опасение, что этот пример будет иметь дурные последствия и может привести Россию к гибели.

По дороге в Петербург граф Кочубей узнал подробности переворота и писал Воронцову из Кёнигсберга 21 апреля 1801 года: «Конечно, каждый, в том числе и я, должен был ждать перемены, но такой насильственный акт с теми ужасами, о которых мне рассказали, столь же отвратителен, сколь и опасен для будущего. По правде говоря, я охотно вернулся бы, но я должен продолжать свой путь, хотя и думаю, что придется снова удалиться, если обстоятельства плохо сложились; я хочу сказать, если важную роль играет князь Платон Зубов со своими родственниками и друзьями, а сам император никакой власти не имеет. Меня успокаивает мысль, что его против воли принудили взять в свои руки бразды правления. Он сам был в отчаянии, мать в неутешной горе — и в таком хаосе я должен себя хорошо чувствовать!»¹⁰.

Приблизительно к этому времени вернулся также в Петербург сосланный Павлом в Курляндию барон Гейкинг. О своих впечатлениях в связи с событием он писал: «Я приходил в ужас, когда видел молодого императора в обществе Палена, Зубовых и других, которых все громко называли главными действующими лицами последней трагедии. Эти господа не только не скрывались, но даже открыто об этом говорили со своими друзьями и знакомыми, и из сравнения рассказов многих различных лиц мне легко было отличить, что всеми признавалось как достоверный факт и что являлось вымыслом или фантазией отдельных участников».

О каком-нибудь преследовании виновников ничего не слышно было. На основании не известных нам источников Бернгарди замечает, что второстепенные заговорщики,

исполнители, которых пьяными послали в спальню Павла, были высланы из Петербурга. Но это известие ничем не подтверждается.

Иногда в разговорах между участниками катастрофы и их противниками доходило до резких колкостей. Уваров вспомнил однажды в беседе с адмиралом Чичаговым об одном обстоятельстве из сцены убийства. Адмирал на это заметил: «Если вы ныне царствующему императору так же верны, как и его предшественнику, то вы заслуживаете всяческих наград». Великий князь Константин назвал в шутку Беннигсена «капитаном сорока пяти», намекая на убийство герцога Гиза Блуасского очень многочисленной гвардией короля Генриха III. Когда князь Платон Зубов узнал, что его положение при дворе поколебалось, он пришёл к великому князю Константину и старался оправдать своё участие в катастрофе Павла. Но великий князь повернулся к нему спиной. Когда генерал Уваров должен был вскоре после катастрофы Павла отправиться в Финляндию, чтобы присутствовать на манёврах шведских войск под начальством короля Густава IV, шведское правительство отказалось принять его, и только потому, что генерал был скомпрометирован в насильственной смерти Павла.

Между тем главные инициаторы заговора играли главную роль в начале нового царствования. На следующее же утро после катастрофы Пален, как всегда, явился на парад. Он, Платон Зубов и другие производили при этом впечатление, как будто они гордились своим преступлением. Рассказывая об этом, Саблуков прибавляет, что он и другие офицеры кавалерийских полков избегали общества бывших заговорщиков. Они проявляли столько неуважения в своих отношениях к последним, что дело доходило часто до ссор и даже до дуэлей. Когда Александр и Константин явились 13 марта на парад в плохом настроении духа, то у некоторых заговорщиков был крайне убитый вид. Только в поведении Палена и Платона Зубова нельзя было заметить никаких перемен.

Чтобы положить конец этим недоразумениям, граф Пален решил дать большой обед, на котором представители различных взглядов могли бы сблизиться между собой. Саблуков сначала и слушать не хотел о том, чтобы «сидеть за одним столом с убийцами». Его друзья последовали его примеру и также решили не являться на это празднество. Но граф Пален пригласил к себе Саблукова для переговоров и спросил об основаниях его отказа. Саблуков ответил, что он «ничего общего не хочет иметь с этими господами». Пален горячо возразил на это: «Вы несправедливо поступаете, Саблуков; дело сделано; как патриоты мы должны оставить всякие партийные трения и думать только об интересах страны, которой мы все служим». После настоятельных просьб Палена Саблуков, а за ним и другие полковники решили прийти на раут, но обедали за отдельным столом. Несмотря на то, что шампанское лилось рекой, в отношениях между гостями можно было заметить известную натянутость.

Из числа фактических убийц Павла всегда выделяли графа Палена, который в действительности был фактическим организатором катастрофы. Такое отличие в интересах последнего сказалось также в поведении графа Панина, который самым решительным образом осуждал кровавую расправу и, несмотря на это, поддерживал самые дружеские отношения с Паленом в течение первых месяцев царствования Александра. В первые дни после воцарения Александра до приезда Панина в Петербург внешней политикой продолжал заведовать Пален. Затем это ведомство перешло под управление Панина. Между обоими государственными деятелями было много точек соприкосновения. Большое число писем показывает, что между ними существовали интимные отношения.

Больше всех была полна чувства мести по отношению к убийцам вдовствующая императрица. Она негодовала на всех, которые не в полной мере разделяли её собственное возмущение преступлением. Получив однажды, вскоре после катастрофы, письмо от графа Якова Иоанна Сиверса с чисто деловым предложением, она пришла в крайнее негодование, не найдя в нём «ни одного слова сожаления о монархе», и прервала переписку с графом, с которым была в большой дружбе. В это же приблизительно время она однажды встретила при дворе своего сына своих друзей генералов Кнорринга и Бенкендорфа; она подошла к ним и тихо по-немецки прошептала: «Ах, если бы вы оба были здесь, этого несчастья не случилось бы!». Смущённый Бенкендорф молчал, но Кнорринг откровенно заявил: «Кто знает, ваше величество, ведь покойного государя не любили». Императрица немедленно же удалилась, не сказав ни одного слова. Когда она весной 1801 года отправилась на некоторое время в Павловск, и император предложил ей почётную охрану, она и слышать не хотела об охране, составленной из одного из тех полков, офицеры и солдаты которых прямо или косвенно причастны были к катастрофе, и выбрала гусарский эскадрон, начальником которого состоял полковник Саблуков. Некоторые вещи, которые напоминали о печальном событии, как постель Павла и подушка, запятнанная кровью, составляли своего рода культ в глазах императрицы. Она заказала также великолепный памятник, который она поставила своему покойному супругу в часовне, в Павловске.

Падение Палена летом 1801 года было делом императрицы-матери. Она достаточно хорошо знала, при каких обстоятельствах умер Павел, и ей было горько сознавать, что граф занимает такое выдающееся положение и находится в непосредственной близости к Александру. К тому же Пален, по-видимому, проявлял иногда бестактность по отношению к молодому императору. Дело дошло до того, что этот человек с богатыми дарованиями и сильной волей оказался неудобным для монарха. И раз между Паленом и императрицей началась борьба, то она должна была кончиться удалением графа.

Вскоре после смерти Павла сектанты поднесли вдовствующей императрице икону, которую она отдала церкви воспитательного дома. На этой иконе была надпись, которая, по-видимому, воспроизводила место из второй книги царств, 31-й стих IX главы: «Хорошо ли жить Симри, который удавил своего господина?». Это была демонстрация против убийц Павла и рассчитано на то, чтобы вызвать шум в обществе. На этой почве должны были произойти разногласия между Паленом и Александром.

Очень обстоятельный рассказ об этом эпизоде мы находим в мемуарах Гейкинга, который в это время как раз приехал в Петербург и имел случай беседовать об этих напряжённых настроениях в высших сферах с Нелидовой, Паленом и другими лицами. «Мало того, — говорила Нелидова Гейкингу, — что Пален был инициатором заговора против своего монарха и благодетеля, он ещё хочет поссорить сына с матерью, чтобы потом править государством в качестве премьер-министра. Но я сомневаюсь, чтобы второй план ему удался так же, как и первый. Император любит свою мать, а она души в нём не чает; такой союз разрушить не удастся и Палену при всей его ловкости».

Сам Пален в свою очередь раз сказал в очень высокопарных выражениях об императрице-матери: «Право, она совершенно напрасно воображает, — говорил он, — что она нами управляет. В сущности, мы оба являемся подданными императора, и если она первого класса, то я второго. Я с неослабной энергией буду противодействовать всякому шагу с её стороны, который может дать повод к скандалу или волнениям. Вы знаете историю с иконой?» — «Нет». — «Дело, видите ли, было так: императрица поставила в часовне Новоекатерининского приюта икону, изображающую распятого Спасителя с Богородицею и Магдалиной и снабжённую надписями, которые намекают на смерть императора и могут

возбудить в толпе вражду к тем, которые, по слухам, будто бы были виновниками этой смерти. Эти надписи привлекли уже очень много народа в часовню, как докладывала мне об этом полиция. Чтобы не вышло какой-нибудь неосмотрительности, я отправил переодетого полицейского, умного и интеллигентного человека, с поручением списать волнующие публику изречения и велел сказать священнику, чтобы он без всякого шума убрал икону. Он ответил, что ничего не может сделать без прямого приказа императрицы. Поэтому мне сегодня придется говорить на эту тему с императором, который завтра поедет с визитом к своей матери в Гатчину. Я узнал, что она настаивает на оставлении иконы в часовне. Но это невозможно».

Когда Гейкинг ушел от Палена, Вельгорский сказал ему: «Пален воображает, что его положение непоколебимо и что он может бороться с императрицей. Но ему нужно быть настороже. Императрица — женщина, у неё много упрямства; её сын любит и уважает её; борьба слишком неравная». Когда Пален изложил суть дела Александру, тот заметил: «Не забывайте, что вы говорите о моей матери; впрочем, я не допускаю и мысли, чтобы надписи были таковы, как вы говорите; я хочу видеть икону». Пален немедленно же приказал взять из часовни икону и принес её императору. Александр внимательно прочитал надписи, ничего не сказал и отправился в Гатчину, где потребовал объяснений от своей матери. При всем его старании смягчить вопрос императрица вынуждена была оправдываться и объяснять свои намерения, и это привело её в удручённое настроение духа. Своё оправдание она закончила заявлением: «До тех пор, пока Пален будет в Петербурге, я туда не вернусь»¹¹.

Саблуков также упоминает, что по этому поводу произошло тяжёлое объяснение между вдовствующей императрицей и её сыном, и что Александр также высказался против Палена в крайне серьёзном и решительном тоне. Саблуков далее сообщает, будто граф явился на парад в крайне мрачном настроении и произнёс очень бестактную и хвастливую речь. «Меня самого не было при этом, — пишет Саблуков, — но я после слышал, что Пален говорил в крайне неумеренных выражениях о своей власти и способности возводить на престол монархов и низвергать их. Я не могу поверить, чтобы Пален был настолько неумён и говорил подобные вещи, но слухи об этом в тот же вечер разнеслись по городу. Говорили о соглашении между Паленом и Зубовым и о плане возвести на престол императрицу. Но как бы это там ни было, достоверно то, что на следующее утро Пален по своему обыкновению приехал на парад в элегантном экипаже, запряжённом шестёркой лошадей, и, как только вышел из экипажа, должен был выслушать от адъютанта императора приказ немедленно оставить столицу и отправиться в своё имение, в Курляндию. Пален не сказал ни одного слова и повиновался. Вместе с тем появился приказ, извещавший об отставке генерала от кавалерии графа Палена. В тот же вечер получил также и князь Платон Зубов распоряжение удалиться в своё имение, что он также сделал без малейших возражений»¹². Такие решительные распоряжения наследника Павла могли обществу напомнить о столь часто повторявшихся случаях высылки из столицы в предыдущее царствование.

В этой истории с графом Паленом играл некоторую роль и граф Панин. «В свою бытность министром при императоре Александре, — писал он позже, — я стал на сторону вдовствующей императрицы, когда граф Пален старался очернить её в глазах императора по поводу недоразумения с иконой. Я, и только я один рассеял возникшее между ними тогда недоверие»¹³. Некоторые подробности этой истории остались неизвестными. Скоро, однако, и Панина постигла такая же точно участь, как и Палена.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Архив кн. Воронцова. XXX. С. 132.

2 Там же. XXII. С. 107.

3 Там же. XIV. С. 388, 389.

4 Там же. XXXII. С. 296.

5 Там же. XIV. С. 270.

6 Там же. XVIII. С. 236.

7 Там же. XX. С. 466—468.

8 Там же. XIX. С. 394.

9 Там же. XXIX. С. 394.

10 Там же. XIV. С. 149.

11 Из эпохи императора Павла. С. 232—238.

12 «Frazer's Magazine». 1865. Сентябрь. С. 326.

13 Материал о Панине. VI. С. 403.

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2008. №6, 7, 9—11; 2009. № 1—4.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

ЯСМАН Зинаида Даниловна —

ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

В.М. Догадин

НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

Воспоминания о Первой мировой

В 2004—2008 гг. в «Военно-историческом журнале» были опубликованы воспоминания полковника в отставке Владимира Максимовича Догадина о его жизни и учёбе в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и Николаевском инженерном училище, службе в 4-м понтонном батальоне в 1906—1908гг.* Сегодня мы предлагаем нашим читателям продолжение воспоминаний этого автора — о пребывании его в действующей армии и в тылу во время Первой мировой войны 1914—1918гг.

Шёл пятый месяц великой войны... Её манёвренный период был в полном разгаре. После стремительного наступления наших армий в Галиции, в ходе которого был захвачен Львов, наглухо окружена крепость Перемышль и уже принимались меры к осаде Кракова, фронт внезапно задержался на месте, а потом начал отходить назад под сильным напором противника. В связи с этим возникла мысль о необходимости создания обороны в тылу фронта.

В это время у нас в Брест-Литовске крепость была уже подготовлена к осаде, а возведение оборонительных линий на уровне фортов было закончено.

Дом при форте лит.А, в котором жили инженеры во время мобилизационных работ, был освобождён для артиллеристов, и я переехал на свою постоянную квартиру в центральной ограде крепости.

В связи с наступившим затишьем уже более месяца у меня гостила моя жена, эвакуированная в своё время к родителям в Киев.

И в этот момент, 6 декабря 1914 года по телеграмме главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Иванова¹ я получил предписание вместе с другими товарищами выехать в г.Радом в распоряжение коменданта Ивангородской крепости генерала Шварца. Немедленно проводив жену в Киев, я со своим денщиком Иваном Колесниченко вместе с капитаном Кротковым 9декабря выехал из Брест-Литовска.

Ночью на станции Луков нам надо было сделать пересадку. Регулярных поездов не было, и мы решили устроиться на воинском поезде, перевозившем эскадрон конно-гвардейского полка Кирасирской дивизии. Начальник эшелона, которого пришлось потревожить во время сна, любезно согласился нас принять, мы с комфортом расположились в купе на верхней полке офицерского мягкого вагона и крепко заснули.

Утром я был разбужен разговорами офицеров и чёткими ответами их лакейски вышколенных денщиков. Непрерывно слышались возгласы «Ваше сиятельство!». Вагон был полон офицерами с титулованными фамилиями, так как этот полк относился к одному из самых аристократических.

За Вислой пришлось увидеть из окна вагона первые следы войны в виде одиночных окопов немцев, наступавших перед этим на крепость Ивангород. Они напоминали собою следы, оставленные на земле каким-то огромным чудовищем. Так необычно было видеть среди мирной природы леса выкопанные в песке ямки окопов, что я смотрел на них, широко раскрыв глаза.

В Радоме, в губернаторском доме, собрались все военные инженеры, назначенные под руководством генерала Шварца для строительства позиции Радом — Гройцы. Мне было поручено укреплять участок её Родзанов — Пржитых под непосредственным начальством подполковника Архипенко, который был уже моим начальником в Брест-Литовске во время мобилизационных работ.

На другой день после прибытия в Радом мы с П.П.Архипенко на машине выехали в Пржитых, чтобы осмотреть местность, выбранную для позиции. Мой участок начинался у м.Пржитых, где находилось католическое кладбище с высокими четырёхконечными крестами, которые так рельефно вырисовывались на светлом фоне бирюзового с розовым заката. Этот вид в последующем запечатлел на акварели находившийся в моём распоряжении командир ополченской сапёрной полуроты прапорщик Богомазов, оказавшийся художником.

Мой участок позиций, имевший протяжённость около 10 километров, представлял собой плоскую, как стол, и открытую местность. Кругом не было не только леса, но даже зарослей кустарника, и лишь далеко впереди виднелась небольшая сосновая роща. Взяв мою записную книжку, Архипенко набросал в ней схему укрепления, которое он предлагал мне для возведения на позиции. Это укрепление по мысли Петра Петровича представляло собою трапецидальный по форме редут, т.е. сомкнутое укрепление, имеющее не только три напольных фасада для обороны спереди, но и горжевой фас, назначенный для обороны с тыла на случай окружения гарнизона противником. На четырёх исходящих углах укрепления Архипенко предлагал сделать по четыре площадки для пулемётов с целью обстрела ближних подступов к редуту перекрёстным огнём.

Редут нужно было окружить сетью из колючей проволоки на деревянных кольях, расположенной в специально открытом рву шириною в 6 метров.

По указанной схеме мною и было в дальнейшем построено укрепление, а примерно в одном километре правее был сооружён второй такой редут и так далее до конца моего участка. В промежутках между редутами были возведены стрелковые окопы. Каков был результат такого метода укрепления позиции, увидим дальше. К ночи мы с Архипенко возвратились в Радом. [...]

Следует отметить, что в начале войны у многих её участников было превратное понятие относительно выбора жилья. Думали, что на войне всегда приходится жить под открытым небом. И потому приходилось слышать, что даже штабы дивизий во главе с генералами останавливались на ночлег буквально на дороге, там где их в пути застигала ночь. Такое же понятие о походной жизни тогда было и у меня.

Посредине моего участка совсем не было населённых пунктов. Но там имелся фольварк с недостроенным каменным домом, в котором я с разрешения хозяина-помещика и поселился. В моей комнате в окне не было даже стёкол, и оно было закрыто одной ставней со щелями, а печь выходила только одной стороной из соседней комнаты. Все остальные помещения здания совсем не имели ни окон, ни дверей. Отсюда вполне понятно, что температура в моей комнате была низкой, если даже печь накалялась до предела. Ведь на дворе стоял морозный декабрь. Тут я прожил не более двух недель, как в канун Рождества (24 декабря), сильно простудившись, слёг в постель. Денщик доставил мне одного молодого военного врача, находившегося в одной из соседних деревень. Этот врач оказался киевлянином, и в эту ночь под Рождество мне, одиноко лежавшему в сильном жару, доставило особенную радость и облегчение вспоминать с ним о дорогом нам обоим Киеве. Он уговорил меня переменить место жительства на более пригодное. Посланный

мною к хозяину имения «Замечек» графу Любенецкому денщик привёз его согласие на поселение в господском доме. Хотя новое моё жильё находилось в одном километре от моих работ, но к этому времени в моём распоряжении была уже бричка, на которой я мог объезжать строящуюся позицию без особых затруднений. Граф Любенецкий был ко мне чрезвычайно любезен и принял на себя полное продовольствие меня и моего денщика. Следует отметить, что польские помещики того края были к нам, русским офицерам, очень предусмотрительны. Бывало, стоишь где-либо в поле у места своих работ, а проезжающий мимо незнакомый помещик вдруг кричит: «Приезжайте ко мне обедать; я живу там-то».

Хозяин фольварка, в котором я перед этим жил, в своём имении «Вржещев» содержал бесплатно не менее десяти офицеров с их денщиками и лошадьми, и я, бывало, наблюдал, как он сам ездил в город за пудами мяса для своих гостей. Вся эта большая компания вместе с ним и его сыновьями ежедневно по вечерам играла в карты, на бильярде или занималась музыкой и пением, просиживая до трёх часов ночи. Я сам с Архипенко бывал раза два на этих вечерах и принимал участие в шумном весёлом обществе, в котором мы видели иногда и интересных сестёр милосердия. Сам помещик говаривал: «Если моё имение окажется под угрозой захвата немцами, то я всё сожгу, а им ничего не оставлю». И действительно, как я слышал впоследствии, перед приходом немцев он открыл все свои склады для окрестных жителей, а постройки уничтожил огнём.

Поддержка поляками русской армии наблюдалась и в других случаях. Например, два наших врача в Брест-Литовске — Иокель и Ригер — в момент призыва по мобилизации проживали в Ченстохове, находившемся у самой границы, и так как железнодорожное сообщение с ним прекратилось с первого дня войны, то они могли бы под этим предлогом сразу остаться на территории немцев. Однако отец Иокеля сказал своему сыну: «Иди в Россию и становись в ряды русской армии». И тот пошёл пешком, чтобы выполнить завет отца. Впрочем, от поляков приходилось слышать и такие речи: «Ваше счастье, что вы воюете с немцами. Если бы вы воевали только с Австрией, то ещё неизвестно, на какой стороне были бы мы». Так сильна была их ненависть к пруссакам, от которых поляки переносили большие притеснения.

С первых дней моего пребывания на работе стало поступать на строительство позиции большое количество подвод и рабочих из мобилизованного местного населения. Однако для руководства работами в помощь мне имелся всего один табельщик Горбач, прибывший из Брест-Литовска.

Лишь через две недели ко мне прибыл только что выпущенный из Инженерного училища подпоручик Юдин из числа тех, которые проучились в нём всего 10 месяцев. Наш брест-литовский инженер С.И.Егоров, любивший поострить по всякому поводу, назвал этих молодых подпоручиков «слонятами» на том основании, что будто бы детёныши этих умных животных находятся в утробе своей матери тоже десять месяцев.

При наличии значительного количества рабочих отрывка рвов укреплений в незамёрзшем ещё грунте была проведена довольно скоро, однако на этом дело застопорилось, так как для одежды крутостей и для устройства блиндажей не имелось никаких материалов. Маячившая далеко впереди роща быстро исчезла, а полученные от неё брёвна израсходованы на укрытия, сделано некоторое количество плетня, но всё это были капли в море. Заглянувшему ко мне раза два подполковнику Архипенко я докладывал о задержке работ из-за отсутствия материалов, а он мне обещал срочно прислать досок из управления и даже записывал об этом себе в книжку, но в результате я всё-таки ничего не получал. [...]

Но вот вскоре нас, инженеров, собрали в управление для обсуждения текущих дел и инструктирования. После совещания я встретился с ближайшим другом Архипенко — подполковником К.К.Сарандинаки, который в управлении заведовал снабжением. Он был очень толст, флегматичен и любил много поесть. Бывало, в радомском ресторане, в котором обедали сотрудники нашего управления, подавались такие огромные порции, что, например, жареный бифштекс даже не помещался на тарелке и свешивался с её краёв. Конечно, не всякий был в состоянии поглотить такое количество мяса. Когда же подавалось это кушанье на стол к Сарандинаки, то он возмущённо заявлял официанту: «Почему такая маленькая порция? Так можно умереть с голода! Позвать сюда хозяина ресторана!».

После первых слов приветствия Сарандинаки спросил у меня, не нуждаюсь ли я в материалах. А когда я ему сказал, что из-за отсутствия леса у меня стоит работа, он воскликнул: «Вот чудак Петруша (Архипенко), никогда не скажет мне, что у вас не хватает материалов!». Оказывается, Архипенко помнил о моих нуждах только пока был у меня на участке, а когда возвращался в управление, то забывал. По распоряжению Сарандинаки на другой же день ко мне прибыл целый обоз с лесом. [...]

На производство работ по укреплению позиции в дополнение к мобилизованным рабочим мне была назначена ополченская дружина, а в помощь для руководства постройкой укреплений была выделена 25-я ополченская сапёрная полурота под командой прапорщика Богомазова в возрасте 45 лет, по профессии художника. [...]

Сапёры, хотя и давно не служившие, стали непосредственными руководителями рабочих, и мне выполнять своё дело стало легче. Но тут возникло новое серьёзное осложнение, из которого я не находил выхода. Дело в том, что во рвах двух укреплений, расположенных вблизи Пржитыка, появилась грунтовая вода. С каждым днём её становилось больше, и если в одном месте она заполнила рвы только наполовину, то в другом уровень воды дошёл почти до верха. Я попытался отвести её в сторону понижения местности и для этого вырыл канаву. Но, во-первых, местность, как это и полагается правилами выбора позиции, понижалась в сторону противника, и потому канава облегчала ему подступы к укреплению, а во-вторых, местность была настолько плоской, что несмотря на большую длину отрытой канавы, низкая точка не была достигнута, и вода продолжала заполнять укрепление. Положение, казалось, было безвыходное: как можно оборонять затопленное укрепление? Ведь нельзя же защитникам, обороняясь, сидеть в воде! А с наступлением морозов вода в укреплениях замёрзла. Положение от этого стало ещё хуже, и один вид укреплений, покрытых снегом и с заполненными льдом рвами, производил жуткое впечатление. Каждый день я при объезде работ видел эту картину и с тоской ломал себе голову: что же делать?

А решение пришло очень неожиданное, причём оказалось простым и радикальным. Ко мне на работы был назначен один немолодой техник. При первом объезде вместе с ним позиций он увидел неприглядную картину укрепления во льдах и сказал: «Так что же? Надо спустить воду» — «Куда-же и как?» — спросил я. «Пробурить верхний слой глины, и вода уйдёт в низлежащий слой песка». [...] Оказывается, мой помощник перед назначением ко мне работал на Дальнем Востоке по устройству артезианских колодцев на землях, предназначенных для заселения, и потому бурение скважин было для него родным делом. Действительно, на другой же день он поехал в Радом, накупил труб, из которых наделал инструмент, затем приступил к бурению, поставив трёхногую простейшую вышку, а через неделю, пройдя около 15 метров и пробуравив слой глины, дошёл до песчаного слоя, и вода вся ушла в скважину, так как была поверхностной, «верховодкой».

Глядя на осушенные укрепления, я испытывал неизъяснимое удовлетворение, и этот опыт хотел бы передать тем, кто попадёт в такое же, как я, положение. [...]

Около месяца я прожил в «Замечке» в тишине и спокойствии, так как, кроме хозяев и меня, в доме никого не было.

Но вот в ближайшие деревни прибыли на постой полки 3-й гвардейской пехотной дивизии, а в нашем доме расположился весь её штаб во главе с начальником дивизии генерал-лейтенантом Потоцким. В связи с этим все комнаты дома были заняты, в большом вестибюле раздавались гудки телефонных аппаратов и выкрики телефонистов, а в большой столовой иногда по вечерам собирались офицеры дивизии, и начинался ужин с винами, с громкими песнями солдатского хора и с некрасивыми выходками пьяных офицеров.

Когда строительство моих укреплений приближалось к концу, ко мне на работы прибыли два офицера с передовых позиций, из которых один был полковник. Со мною вместе они осматривали редуты, и им понравились как детали укрепления, так и солидные препятствия в виде колючей проволоки. Но, увидя на углах укрепления площадки для пулемётов, они сказали: «Откуда же рота, занимающая укрепление, достанет столько пулемётов, когда у нас на батальон имеется всего четыре пулемёта?». Надо признаться, что нам с полковником Архипенко такой вопрос не пришёл в голову, когда мы проектировали наше укрепление.

Но вот мы с прибывшими офицерами, обойдя редут кругом с поля, вышли на ту сторону, которая повёрнута в тыл. «А это что такое?» — внезапно спросил полковник. «Горжа»³, — ответил я. «А для чего она?» — с недоумением спросил полковник. «Чтобы обороняться от противника, зашедшего в тыл». «Нет, у нас этого не может быть, — растерянно протянул полковник. — У нас как только заметят обход, то сейчас же уходят, и, значит, оборона окончена. Не-ет! Нам это не подойдёт!».

Вот как у меня решился вопрос с применением на позиции сомкнутых укреплений. Редуты я больше уже никогда не строил. Это было в феврале 1915года. Между тем из отчётных документов, хранящихся в Инженерном музее, я убедился, что на строительстве тыловых позиций, возводимых под руководством профессора Инженерной академии генерала Ипатовича-Горанского⁴, в подчинении которого там, между прочим, служил Д.М.Карбышев, даже летом 1915года всё ещё продолжали применять сомкнутые укрепления, отвергнутые фронтом. Этот факт свидетельствует о том, что к началу войны метод укрепления позиций разработан не был, и мы с Архипенко применили на полевой позиции тот же метод, как и при укреплениях Ляояна в Русско-японскую войну, а также при создании фортового пояса в крепости Брест-Литовск, в строительстве которой мы оба с ним участвовали.

В середине февраля было решено удлинить возводимую нами Радом-Гронцкую позицию, продлив её от Илжи до Вислы. В связи с этим мне было предписано вместе с подчинённым мне составом строительства перебраться на укрепление новой позиции на участке Ржехов — Длуга Воля протяжённостью тоже около 10километров. Теперь вместо Архипенко у меня начальником стал полковник Бурхановский, чрезвычайно деликатный — до застенчивости — человек.

Передав свои прежние обязанности указанному мне лицу, сердечно попрощавшись с Любенецкими, которые категорически отказались принять какую-либо компенсацию за моё продовольствие, 23февраля 1915года я отправился со своими помощниками и

прочими служащими на новые места и поселился в селе Ржечнев у ксёндза Домашевского, проживавшего в доме при костёле с матерью. Она обязалась кормить меня обедами, причём угощала меня вкусными польскими блюдами.

Стоявшая до сего времени мягкая зима сменилась серьёзными морозами, и в течение двух недель конца февраля термометр показывал около 20градусов.

Здесь количество рабочих у меня значительно возросло и доходило до четырёх тысяч с лишним. Кроме того, осталась на работе и ополченская дружина.

С наступлением тепла земля оттаяла, и работы стали быстро развиваться. Особенно успешно возводились укрепления на левом фланге моего участка, где работами руководил очень энергичный молодой подпоручик 32-й отдельной сапёрной роты по фамилии Берг. Он был тоже из числа «слонят» и пробыл в инженерном училище всего 10 месяцев. Я был очень доволен его самостоятельной деятельностью и умелым возведением укреплений. А он, оказывается, говорил про меня своим товарищам по роте так лестно, что они (как потом при встрече мне признавались) сами мечтали со мной познакомиться. Впоследствии они все со своей ротой были в моём распоряжении, и мы очень дружно выполняли большие и сложные работы вблизи передовой линии.

Итак, наступила весна, приближалась Пасха.

Моя жена, Мария Васильевна, гостившая у меня зимой, когда я жил в «Замечке», как раз к Пасхе вновь приехала ко мне на новое место. Её очень любезно принял мой хозяин, который, несмотря на своё духовное звание, был светски воспитанным человеком, а на пасхальное богослужение он специально присылал церковного служителя, чтобы проводить нас через толпу на первые места в костёле.

Со мною вместе жил также фактический контролёр за моими работами киевлянин Форис. К нему тоже приезжала погостить его жена. Таким образом, вне работы мы проводили время в приятной компании и совсем не ощущали тягот текущей войны. В материальном отношении мы были хорошо обеспечены, так как сверх получаемого содержания в 250 рублей по Брест-Литовску я получал ещё 10 рублей в сутки за работы на строительстве позиции. Из этих сумм я к Пасхе подарил жене красное яичко, в одной половине которого лежало 500 рублей на каракулево пальто, а в другой — 500 рублей на бриллиантовые серьги. В продовольственном отношении было полное изобилие. Но такому благодушному состоянию скоро наступил конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Иванов Николай Иудович (1851—1919) — русский генерал от артиллерии, участник Русско-турецкой (1877—1878) и Русско-японской (1904—1905) войн. В 1914—1916 гг. — командующий Юго-Западным фронтом, затем состоял при Ставке. В 1917 г. — командующий войсками Петроградского военного округа, а в 1918 г. — белоказачьей Южной армией. Умер от тифа.

2 Фас — прямолинейный участок траншеи, хода сообщения; обращённая к противнику сторона укрепления.

3 Горжа — тыльная сторона укрепления или ход в него с тыла.

4 Ипатович-Горанский А.И. (1863—?) военный инженер, генерал-майор (1909), профессор Николаевской инженерной академии по кафедре фортификации. Участник Русско-японской (1904—1905) и Первой мировой (1914—1918) войн. Начальник инженеров крепости Перемышль (апрель 1915—1916гг.).

* См.: Воен.-истор. журнал. 2004. № 9—11; 2005. № 1, 10, 11; 2007. № 7, 10; 2008. № 2,

(Продолжение следует)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Аверченко Сергей Викторович —

заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», подполковник,
кандидат исторических наук (Москва)

ВОЕННЫЕ КОАЛИЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Во все времена при ведении войн руководители государств, желая разделить с кем-либо тяжёлое бремя вооружённой борьбы, стремились создавать военные коалиции. Изучению исторического опыта создания военных коалиций англо-саксонских государств, их существования, внутренних противоречий и путей их преодоления посвящена вышедшая в свет книга* одного из постоянных авторов «Военно-исторического журнала» доктора военных наук, профессора С.Л.Печурова.

В ней впервые за последние десятилетия рассматривается комплекс вопросов, связанных со становлением теории коалиционной войны как таковой и проводится анализ коалиционных кампаний на протяжении почти двух столетий под эгидой англо-саксонских государств, имевших и имеющих непосредственное отношение к интересам безопасности нашего Отечества.

Особенность вынесенной на суд читателя работы состоит в том, что автор впервые в отечественной практике обобщил изыскания ведущей на рубеже XVIII—XIXвв. прусской школы военно-теоретической мысли, в том числе в области коалиционности. При этом особое внимание уделено военно-теоретическим трудам таких выдающихся военных учёных, как К.фонКлаузевиц, А. Бюлов, А. Шлиффен, Г. Шарнхорст, Х. Массенбах и другие.

Особое внимание в предлагаемой книге отведено эволюции взглядов на данный важный феномен военной науки отечественных теоретиков военного дела. Подчеркивается тот факт, что сформировавшаяся российская военно-теоретическая школа как самостоятельная ветвь мировой военной науки внесла существенный вклад в развитие теории коалиционности после неудачной для России Крымской войны 1853—1856 гг. В этой связи отмечаются попытки русских военных ученых разработать основы коалиционной стратегии и других, связанных с ней, положений. К таким ученым следует отнести А.-А. Жомини, Е.И. Мартынова, В.Е. Борисова, В.Н. Григорьева, Н.А. Корфа, Н.А. Орлова, Г.А. Леера, Н.П. Михневича.

Существенный импульс в развитие теории коалиционности в нашей стране был дан в результате обобщения опыта Первой мировой войны в целом и нюансов функционирования обеих враждовавших коалиций, в частности. В этой связи нельзя не выделить отечественных военных ученых Н.В. Валентинова, А.М. Зайончковского и А.А.Свечина, положения теоретических трудов которых, касающиеся особенностей формирования военных коалиций и участия их в военных действиях, и по сей день остаются весьма актуальными. Анализу разработок данных ученых в области коалиционности в книге уделено значительное место.

Впрочем, и автор это подчеркивает, за рубежом, прежде всего в Германии и Франции, аккумулировавших в межвоенный период все достижения военно-теоретической мысли Запада, вопросам коалиционности также уделялось достаточное внимание, что естественным образом нашло отражение в формировании военных коалиций в 30—40-е годы XX века.

Следующим рубежом в развитии теории коалиционности, как совершенно справедливо отмечает автор, стал период осмысления итогов Второй мировой войны и анализ причин, приведших к её развязыванию, с одной стороны, и победы антигитлеровской коалиции, с другой. В отечественной (советской) военной науке данным аспектам, а именно особенностям формирования и функционирования военных коалиций, в теоретическом плане уделялось внимание в основном с точки зрения создания якобы естественных военно-политических союзов на классовой основе и, в крайнем случае, вынужденных коалиций подобного рода между представителями антагонистических социальных систем (социалистической и капиталистической) под решение каких-либо задач типа борьбы с нацистской Германией и милитаристской Японией. В то же время, указывает С.Л. Печуров, надо отдать должное отечественным представителям военно-политической науки, которые в 50—80-е годы XX века обобщили и проанализировали значительное количество фактов участия вооруженных сил, главным образом западных государств, в том числе на многонациональной основе, в многочисленных локальных и региональных конфликтах в различных районах мира.

После роспуска Организации Варшавского договора и развала СССР в начале 90-х годов XX века наступил новый этап в исследовании военных коалиций и коалиционных войн, проводимых отечественными учеными. Многие из них, не ставя задачу достижения научных обобщений высшего уровня, с современных позиций объективности, непредвзятости и принципиальности возобновили либо впервые обратились к анализу имевших место коалиционных войн и отдельных теоретических аспектов коалиционности. В связи с этим автор выделяет таких известных российских учёных, как А.А. Кокошин, М.А. Гареев, В.К. Белозеров и других, чьи теоретические труды существенным образом дополнили багаж знаний в этой сложнейшей области военной теории.

Глубокое знание автором предлагаемой читателю книги основ иностранной военной теории, непосредственное изучение им первоисточников военно-научной мысли Запада помогли ему разобраться и в определенной степени систематизировать зарубежные, главным образом англоязычные теоретические источники, касающиеся вопросов коалиционности. Так, С.Л.Печуров приводит факты ценностных оценок американских и британских политологов относительно вынужденного союза «англо-саксонских государств» с СССР в годы Второй мировой войны, ибо якобы он противоречит самой природе отношений между ними не столько с идеологической, сколько с геополитической, т.е. более фундаментальной, точки зрения. Вместе с тем автор указывает, что заслуживают внимания труды главным образом политически и идеологически неангажированных военных теоретиков англо-саксонской школы военной мысли, посвященные теоретическим аспектам коалиционности и структурированному анализу практических действий многонациональных военных коалиций. В этом плане он подчёркивает известный прагматизм, практичность направленности теоретических исследований, в целом характерных для англо-саксонской военно-теоретической школы.

Безусловным вкладом, внесенным С.Л. Печуровым в отечественную военную науку в целом, следует считать впервые осуществленную им систематизацию и построение понятийно-терминологического аппарата англо-саксонской теории коалиционной войны. Используя справочную литературу и энциклопедические источники, автор книги дает точные определения таким часто встречаемым в отечественных изданиях, но по-разному толкуемым понятиям и терминам, как «объединенность», «интероперабельность», «партнерство», «совместные и многонациональные операции» и другие.

Многим исследователям будет интересна вторая глава книги, посвященная подробному анализу каждой из тринадцати коалиционных войн и крупномасштабных конфликтов, напрямую за последние 200 лет затрагивающих интересы Российской империи, СССР и Российской Федерации. Отсчёт противоборств берётся автором с седьмой антинаполеоновской военной коалиции (закончившейся битвой при Ватерлоо в 1815 г.). Такой выбор связан с тем, что в зарубежной военно-научной литературе принято считать данную коалицию первой «цивилизованной» или эталонной, поскольку в ходе её формирования и, самое главное, функционирования проявились все те принципиальные особенности и недостатки, которые характерны для всех последующих коалиций. Каждая из формировавшихся впоследствии военных коалиций под эгидой англо-саксонских государств (сначала по преимуществу Великобритании, затем США) вносила свои особенности в систему управления многонациональными войсками как в мирное, так и военное время, но всех их отличала открытая либо закамуфлированная направленность против нашего Отечества. Это и пытается донести до читателя автор книги.

Подробный, со ссылками на многочисленные источники, зачастую впервые вводимые в отечественный научный оборот, анализ войн и конфликтов под эгидой англо-саксов завершается разбором последних по времени, но продолжающихся по сей день кампаний в Афганистане и Ираке. При этом главные особенности и нюансы формирования и действий коалиционных составляющих многонациональных группировок войск в обеих странах вскрыты довольно точно и скрупулезно. Это позволило спрогнозировать тенденции развития военно-политической обстановки в данных конфликтных регионах мира, что и находит подтверждение в наши дни.

Существенной заслугой автора книги является впервые в отечественном издании сделанный анализ концептуальной базы многонациональных операций в главной англо-саксонской державе мира — США. Делается выборка из важнейших концептуальных документов США, положений, касающихся вопросов коалиционности, анализируются

основные уставы американских вооружённых сил (как единые, так и видовые) по ведению многонациональных операций.

В добавление к анализу американских подходов к решению проблем коалиционности автором вскрывается и организационно-концептуальная база совместимости вооруженных сил стран — членов руководимой США военно-политической организации — НАТО. Показывается, что, несмотря на многие десятилетия существования этого блока, проблемы коалиционности, обозначенные ещё почти 200 лет назад, при формировании первой «цивилизованной» коалиции, так и не решены по сей день. Проблемы эти лишь усугубляются по мере расширения блока тотальным включением в него государств, вооружённые силы которых явно не готовы к совместимости с вооруженными силами стран «старой Европы».

И все же, как подчёркивает автор книги, современное руководство англо-саксов, как и в прежние времена, твердо следует выработанной линии укрепления прежде всего своих рядов, создания исподволь мощных и влиятельных организаций, объединяющих вооружённые силы в целом и их отдельные виды в частности, на основе принадлежности к исторически сформировавшемуся сообществу англо-саксонских государств. Этот трудно оспариваемый факт свидетельствует о неизменности и в будущем военно-политического курса руководимого Вашингтоном и его сателлитами союза стран Запада, существенно воздействующего на интересы безопасности нашего Отечества.

Для заинтересованного читателя не может не представлять интерес заключение книги, где собраны проанализированные автором и выделенные из первоисточников уроки из опыта формирования и функционирования военных коалиций под эгидой англосаксов, а также даны рекомендации создания подобных военных союзов, если в этом возникнет необходимость у руководства нашей страны.

Данный труд будет полезен и интересен политикам, представителям законодательной и исполнительной власти, военным, многим исследователям, интересующимся проблемами военной истории и национальной безопасности России.

* Печуров С.Л. Коалиционные войны англо-саксов: История и современность. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.

МУСАЕВ Вадим Ибрагимович —

ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

МОХОРОВ Геннадий Анатольевич —

ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

БАЛТИЙСКИЙ УЗЕЛ

Вышла в свет монография С.Н. Ковалёва «Советские войска на территории стран Балтии (1939—1940гг.)»*. Рассматриваемое исследование посвящено весьма важной и актуальной теме. События 1939—1940гг. в Прибалтике не первый год вызывают повышенный интерес как в самих Прибалтийских странах, так и в нашей стране, и за рубежом. Однако далеко не всегда этот интерес мотивирован стремлением к реконструкции реальных событий, происходивших в этом регионе. В некоторых случаях он имеет конъюнктурный характер, когда обращение к истории советизации Прибалтики используется исключительно для того, чтобы доказать агрессивность Советского Союза и изобразить всё происходившее как оккупацию и аннексию стран Балтии. В работах такого характера факты трактуются односторонне, без учёта общей военно-политической обстановки в Европе, сложившейся на тот момент. С другой стороны, попытки полностью оправдать действия советского руководства со ссылкой на необходимость обеспечения безопасности страны, которые также иногда имеют место, выглядят в равной мере небезупречными. Для налаживания же нормальных добрососедских связей между Российской Федерацией и Прибалтийскими государствами необходимо не только урегулировать взаимоотношения этих стран, но и как можно более точно воспроизвести их историю, очистить её от мифов и домыслов.

Поэтому следует приветствовать любое исследование истории российско-прибалтийских отношений, основанное на документальных источниках и предназначенное не для использования в политическом и идеологическом противостоянии, а для воссоздания реальной картины событий. Одной из таких работ является монография кандидата исторических наук полковника С.Н.Ковалёва. Автор обращается к обстоятельствам ввода и размещения группировки советских войск в Прибалтике в 1939—1940гг. Данные проблемы впервые в отечественной историографии подвергнуты детальному рассмотрению и анализу. В других работах, посвящённых событиям 1939—1940гг., как научных, так и публицистических, основное внимание уделялось политической составляющей рассматриваемых событий, тогда как подробности развёртывания советских войск на территории стран Прибалтики почти не затрагивались. Отчасти это было связано с недостатком необходимых документальных материалов, однако и у самих исследователей данная сторона событий 1939—1940гг. не всегда вызывала достаточный интерес. В настоящее время, когда значительное количество архивных документов, доступ к которым ранее был ограничен, рассекречено, изданы новые сборники документальных материалов, появилась возможность восполнить этот пробел. Такая попытка и предпринята автором рассматриваемой работы.

В целом исследование следует считать удавшимся. Подготовлено оно на высоком научном уровне. В основе его лежит большое количество документальных источников из целого ряда государственных архивов, многие из которых используются впервые. Кроме того, автором использованы сборники опубликованных источников, мемуарная литература, периодика. Изученные источники и литература позволили С.Н.Ковалёву в деталях рассмотреть все обстоятельства ввода и развёртывания советских войск в Прибалтике, включая и такие не изученные исследователями ранее вопросы, как взаимоотношения советских военных с военными и гражданскими властями Прибалтийских республик, реакция местного населения на присутствие советских войск, развитие военной инфраструктуры советских сил в Прибалтике, проблемы обеспечения и бытового обслуживания советских гарнизонов и многое другое. Выводы и заключения, к

которым приходит автор, вполне логичны, взвешены и основаны на скрупулёзном анализе использованных источников.

Автором рассматриваемого исследования решена серьезная исследовательская задача и достигнут существенный прогресс в деле изучения сложного комплекса проблем, связанных с историей российско-прибалтийских отношений.

* Ковалёв С.Н. Советские войска на территории стран Балтии. 1939—1940гг. СПб.: Славия, 2008. 274 с.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

ТАЙНЫЙ ФРОНТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Приуроченная к 63-й годовщине победы Советского Союза в длительном противоборстве с фашистской Германией, эта книга* является первой из планируемой к изданию трилогии под общим названием «Тайный фронт Великой Отечественной». По сравнению с другими трудами, посвященными деятельности органов советской разведки и контрразведки и увидевшими свет в последние годы, она имеет ряд преимуществ, поскольку написана профессиональным военным контрразведчиком и многолетним исследователем данной темы.

Книга В.П.Ямпольского и впрямь раскрывает многие тайны скрытой войны, начавшейся задолго до 22июня 1941года, т.е. до нападения гитлеровской Германии на СССР. В этой «неизвестной» войне, главными действующими лицами которой были советские разведчики и контрразведчики, чаще побеждали высокий интеллект и точный расчёт, нежели выстрелы на полях сражений. Безупречная логика изложения материала, чёткая аргументация и строгая фиксация фактов дают возможность сегодняшнему читателю отчётливо понять, какой неоценимый вклад внесли советские органы государственной безопасности в дело борьбы против нацистской Германии и её спецслужб.

Документальную основу труда составляют материалы из архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации, а также значительное количество архивных документов, вышедших из стен немецких спецслужб и иных органов рейха, в том числе союзников Германии. Все они добыты или советскими бойцами невидимого фронта, или достались в качестве трофеев от разгромленных гитлеровских войск.

Автор обстоятельного исследования выступает прежде всего как знаток истории отечественных спецслужб. Думается, именно поэтому его книга будет интересна и полезна не только профессионалам, причастным к «тайной» войне, военным историкам, политологам, специалистам в области международных и межнациональных отношений, но и широкому кругу читателей, интересующихся прошлым нашей страны.

* Ямпольский Владимир. «...Уничтожить Россию весной 1941г.». (А.Гитлер, 31июня 1940года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. М.: Кучково поле, 2008. 656 с.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Публикация: Смирнов Даниил Сергеевич —

редактор редакции «Военно-исторического журнала», лейтенант (Москва)

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

В Доме Русского Зарубежья имени Александра Солженицына в марте произошла торжественная передача в дар «Библиотеки имени генерал-лейтенанта А.П.Будберга». Членами Общества Русских Ветеранов Великой Войны и Объединения Кадет Российских кадетских корпусов в Сан-Франциско было передано свыше 8000 книг, десятки наименований периодики общей численностью свыше 10 тыс. номеров.

Библиотека получила название в честь генерала Алексея Павловича Будберга, известного военачальника и военного писателя, подарившего библиотеке около трёхсот томов из личной коллекции. Пополнение происходило и за счёт дарителей, которыми были практически все члены Общества Великой Войны, и за счёт скромного бюджета «военной семьи» ветеранов. Некоторые редкие издания выкупались на аукционах, куда они попадали из Советского Союза.

Уникальное книжное собрание будет храниться отдельно, в одном из залов Дома Русского Зарубежья. Главная цель выставки — дать представление о содержании библиотеки имени генерала А.П.Будберга, её особенностях и ценностях. Для этого отобрано более 500 изданий. Они размещены в витринах, расположенных на пяти этажах здания Дома Русского Зарубежья. Основное внимание уделено книгам, посвящённым военному делу. Ведь именно оно объединяло большинство собирателей — офицеров русской армии и белого движения. Часть витрин занята материалами архивного содержания, переданными организациями и частными лицами, проживающими в Соединённых Штатах Америки.

Важность этого события заключается в первую очередь в том, что это единственный случай поступления из зарубежья практически в полной сохранности библиотеки известного эмигрантского объединения, с описью и даже со штампом для книг. Ценность не исчерпывается только лишь содержанием раритетных изданий. Подлинное значение

библиотеки в сохранившейся ценности, в том, что она факт, который можно и должно предъявить современникам и потомкам. Библиотека — наглядное свидетельство культуры эмиграции, её деятельного патриотизма, верности национальным духовным ценностям.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Публикация: Смирнов Даниил Сергеевич —

редактор редакции «Военно-исторического журнала», лейтенант (Москва)

ИЮНЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

4 июня 1719 года, 290 лет назад, в ходе Северной войны 1700—1721 гг., произошёл морской бой у острова Эзель. Отряд русских кораблей под командованием капитана 2 ранга Н.А. Сенявина одержал победу над шведским отрядом под командованием капитан-командора А. Врангеля. Это была первая победа русского парусного флота в открытом море без абордажа.

5 июня 1869 года, 140 лет назад, на верфях Санкт-Петербурга был заложен броненосец «Крейсер», который с июня 1872 года носил имя «Пётр Великий». Он являлся первым в мире брестверно-башенным кораблём. «Пётр Великий» был наиболее крупным и мощным броненосцем русского флота и находился в строю рекордный срок — около 90 лет. Исключён из состава ВМФ лишь в 1959 году.

6 июня 1944 года, 65 лет назад, началась Нормандская десантная операция — открытие второго фронта войсками США и Великобритании. Полное господство союзников на море и в воздухе позволило провести операцию с минимальными людскими потерями.

10 июня 1944 года, 65 лет назад, началась Выборгская стратегическая наступательная операция войск Ленинградского фронта во взаимодействии с Балтийским флотом и Ладужской военной флотилией. В ходе её советские войска разгромили крупную группировку финских войск, продвинулись на 110—130 км, овладели Выборгом, прорвав три оборонительных полосы противника, а затем Карельским перешейком.

16 июня 1894 года, 115 лет назад, родился Ф.И. Толбухин, маршал Советского Союза (1944 год), Герой Советского Союза (1965 г. посмертно), главнокомандующий Южной группой войск (1945—1947 гг.), затем командующий войсками Закавказского военного округа. Умер в 1949 году.

17 июня 1799 года, 200 лет назад, началось встречное сражение на реке Треббия во время Итальянского похода между русско-австрийскими войсками под командованием фельдмаршала А.В. Суворова и французской армией генерала Ж. Макдональда. Сражение закончилось 19 июня полным разгромом французской армии.

18 июня 1904 года, 105 лет назад, введена в строй первая подводная лодка русского флота «Дельфин», строившаяся по проекту конструкторов И.Г. Бубнова, М.Н. Беклемишева, И.С. Горюнова. По ряду показателей лодка превосходила зарубежные аналоги. В ходе Русско-японской войны 1904—1905гг. лодка выполняла боевые задачи в прибрежном районе.

20 июня 1774 года, 235 лет назад, во время русско-турецкой войны 1768—1774гг. в бою при Козлуджи русские войска во главе с А.В. Суворовым и М.Ф. Каменским разгромили почти вдвое превосходивший их по численности турецкий корпус Абдул-Резака. В результате бегства турок русским войскам в качестве трофеев досталось 29 орудий и 107 знамён.

21 июня 1944 года, 65 лет назад, началась Свирско-Петрозаводская наступательная операция левого крыла Карельского фронта во взаимодействии с Ладожской и Онежской флотилиями. В результате наступления советские войска нанесли противнику тяжёлое поражение, была освобождена большая часть Карело-Финской ССР со столицей Петрозаводском, очищена от врага Кировская железная дорога и Беломоро-Балтийский канал.

22 июня — День памяти и скорби.

23 июня 1944 года, 65 лет назад, началась одна из наиболее крупных наступательных операций Великой Отечественной войны – операция «Багратион». В ходе её Красная армия разгромила одну из наиболее сильных группировок вермахта — группу армий «Центр». 17 дивизий и 3 бригады были уничтожены, 50 дивизий потеряли более половины личного состава. В результате операции были освобождены Белорусская ССР, часть Литовской и Латвийской ССР. Советские войска вступили на территорию Польши и продвинулись к границам Восточной Пруссии.

25 июня 1609 года, 400 лет назад, русская рать нанесла поражение войскам «тушинского вора» — Лжедмитрия II на реке Ходынке под Москвой.

30 июня 1954 года, 55 лет назад, создано командование радиотехнических войск (РТВ) ПВО. Приказом главнокомандующего войсками ПВО 30 июня объявлено годовым праздником РТВ как рода войск противовоздушной обороны. Войска были созданы на базе войск противовоздушного наблюдения, оповещения и связи после поступления на вооружение и широкого внедрения в войска радиолокационных станций обнаружения воздушных целей.